

Природа-мать, когда б таких людей
Ты иногда не посыпала миру,
Заглохла б нива жизни.

H. Некрасов

R 98-1
398-5

**ЗНАМЕНИТЫЕ
РУССКИЕ
ДЕВУШКИ**

*Биографические
открытки
Виктора
Русакова*

Москва
Фонд им. И. Д. Сытина
1998

ББК 84Р1
Р88

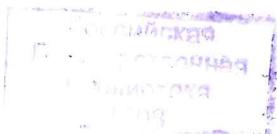
2010029138

АСКИ-Фонд развития отечественного
книгоиздания имени И.Д.Сытина

Программа: **раритетные издания**

*На переплете воспроизведется портрет А.Венецианова
“Девушка в клетчатом платье”.*

ISBN 5-86863-090-4

© В.Русаков. 1998.

© В.И.Десятерик. Составление. 1998.

© Н.В.Носов. Художественное оформление. 1998.

Содержание

<i>К читателю</i>	7
<i>Предисловие к первому изданию</i>	12
Соня Корвин-Круковская (Ковалевская)	15
Параша Лупалова	20
Надя Дурова	25
Додо Сушкива (Ростопчина)	31
Мария Башкирцева	35
Юлиана Недюрева (Осорьина)	43
Лиза Кульман	46
Даша Севастопольская	53
Даша Леонова	56
Катя Воронцова (Дашкова)	61
Анна Есипова (Лешетицкая)	66
Пелагея Стрепетова	70
Лиза Федорова-”Уранова” (Сандунова)	74

Юля Жадовская	78
Катенька Сумарокова (Княжнина)	82
Приложение I.	
Русские писатели о героях этой книги и других юных славных наших соотечес- твенныхницах	
<i>A.И.Герцен. Княгиня Екатерина Романовна Дашкова. Из очерка .....</i>	86
<i>A.С.Пушкин. Записки Н.А.Дуровой .....</i>	96
<i>A.Н.Островский. Стрепетова. Из записки о состоянии петербургского Алексан- дринского театра .....</i>	98
<i>C.Т.Аксаков. О романе Ю.Жадовской “В стороне от большого света” .....</i>	101
<i>Марина Цветаева. “Вечерний дым над городом возник...” .....</i>	103
<i>И.С.Тургенев. Памяти Ю.П.Вревской .....</i>	104
<i>H.А.Некрасов. “Есть женщины в русских селеньях...” .....</i>	105
<i>H.В.Гоголь. Женщина в свете. Письмо к А. или С. Виельгорским .....</i>	106
Приложение II.	
Ф.Д.Бобков. Как бы подвожу итог моим многолетним стараниям по собиранию биографий...	115

K читателю

Представление читателю изданного в 1912 году сборника небольших очерков Виктора Русакова “Знаменитые русские девушки” - прекрасный повод для того, чтобы попытаться объясниться им в любви.

Это совсем непростое дело. Ибо сотни русских поэтов, писателей, живописцев, фотомастеров, художников по костюму изо дня в день пишут свою книгу любви. Можно вспомнить не одну женщину, которой посвящали свои поэтические строки многие русские поэты. Да еще какие! Ум и красота Александры Осиповны Россет воспеты в стихах и прозе В.А.Жуковским, А.С.Пушкиным, П.А.Вяземским, М.Ю.Лермонтовым, Н.В.Гоголем и др. Александра Андреевна Воейкова славилась исключительным обоянием. Это ее образ вдохновил В.А.Жуковского на создание знаменитой баллады “Светлана”. Ее прославляли Е.А.Баратынский, И.И.Козлов, Н.М.Языков.

Или блеставшая при царском дворе, хозяйка знаменитого в Москве литературного салона Зинаида Александровна Волконская. Поражающая образованностью, артистическим талантом, прекрасным голосом, поэтическим и музыкальным дарованиями она превратила свой

салон на поистине в приют муз своего времени. Ей посвящали стихи А.С.Пушкин, Адам Мицкевич, И.В.Киреевский, А.С.Хомяков, Н.Ф.Павлов, С.П.Шевырев, Е.А.Баратынский.

На память приходит галерея обаятельных тургеневских девушек, пушкинская Татьяна Ларина с ее "Я вам пишу, чего же боле...", незабвенная толстовская Наташа Ростова, блоковская Незнакомка...

Скажете: это все литературные образы, плод творческого вдохновения. А в жизни?

Перенесемся в давно прошедшие времена, в Древнюю Русь. Разве не дочь Ярослава Мудрого Анна Ярославна стала королевой Франции и зарекомендовала себя столь дальновидным и энергичным государственным деятелем, что удостоилась послания папы римского Николая II. "Слух о ваших добродетелях, восхитительная девушка, - говорилось в папском послании, - дошел до наших ушей, и с великой радостью слышим мы, что вы выполняете в этом очень христианском государстве свои королевские обязанности с похвальным рвением и замечательным умом".

Можно напомнить так же, что автором первого в истории врачевания медицинского трактата, написанного женщиной, была внучка Владимира Мономаха русская княжна Добродея - Зоя (XII в.). Сосватанная за племянника византийского императора Алексея Комнина, она была введена в царский сан. В Царьграде ее стали именовать Евпраксией. Так по-гречески звучит русское понятие - добродеяние.

Многострадальная история Отечества, к сожалению, не донесла до наших дней имен тех замечательных рукodelьниц, которые прославили русскую землю непревзойденными образцами ткацкого искусства, вышивки жемчугом и др. Правда, известно, что славились как тончайшие мастерицы древнерусского шитья первая жена царя Иоанна Грозного Анастасия Романова, дочь царя Бориса Годунова Ксения Годунова и др.

На страницах представляемой книги читатель познакомится с несколькими эпизодами, посвященными жизни одной из образованнейших женщин своего времени, Екатерины Романовны Дашковой. В 37 лет она была назначена президентом Петербургской академии наук и Российской академии. И в течение тридцати лет, когда находилась во главе двух академий, оказала немало услуг русской науке и словесности. Она встречалась с известными философами и учеными - Дидро, Вольтером и др. А.И.Герцен посвятил ей одну из своих блестящих статей.

Современицей Дашковой была еще одна героиня книги - Надежда Андреевна Дурова, вошедшая в историю как "кавалер-девица". В двадцать три года она была зачислена в Конно-польский уланский полк и, участвуя во множестве сражений, в том числе в 1812 году - в боях под Дашковкой, в конной атаке под Смоленском, в Бородинской битве, - она покрыла себя славой храброго и бесстрашного воина. Впоследствии Дурова написала замечательные записки, которые публиковал в "Современнике" А.С.Пушкин. А незадолго до смерти Н.А.Дурова излагала свой взгляд на роль женщины в русском обществе. "В наше время, - писала она, - жен-

щина скучающая, не умеющая найти себе занятие, утомленная бездействием, такая женщина более неуместна, чем когда-либо! Теперь, более, чём когда-либо, нужны русскому обществу женщины деятельные, трудящиеся, разумно сочувствующие великим событиям, которые происходят около них, и способные вложить свою лепту для того здания общественного блага и устройства, которое воздвигается общими усилиями. Теперь русскому обществу нужнее, чем когда-либо, не женщины-космополитки, а русские женщины во всем прекрасном значении этого слова!"

Что греха таить: было в русском обществе немало девушек-космополиток, которых так метко охарактеризовал в свое время А.С.Грибоедов: "Ах, Франция! Нет в мире лучше края, решили две княжны-подружки, повторяя урок, который был им с детства затвержен..."

Но были и другие! Когда вслед за сосланными в Сибирь декабристами потянулась целая группа их сестер и жен, чтобы разделить все тяготы мученической жизни, их современник, историк М.П.Погодин, заметил: "...Все жены едут на каторгу. Это делает честь веку".

Девятнадцатый век выдвинул сотни выдающихся русских женщин, прославивших отечественную науку, культуру, искусство на международной арене. Поэтому предлагаемые очерки В.Русакова можно рассматривать всего лишь как прелюдию к этой пока еще далеко не завершенной песни славы в честь знаменитых русских женщин. Мы надеемся, что читателю захочется продолжить знакомство с биографиями все новых и новых - хорошо известных и неоправданно затерявшихся в череде

лет имен русских девушек, которыми мы вправе гордиться, любовь к которым мы обязаны привить своим детям и внукам.

Автор поэмы "Русские женщины" Н.А.Некрасов как-то очень метко передал поэтический портрет русской девушки:

На тебя заглядеться не диво,
Полюбить тебя всякий не прочь:
Вьется алая лента игриво
В волосах твоих черных, как ночь...

Остается добавить несколько информационных строк. Книга "Знаменитые русские девушки" выходит одновременно со сборником "Замечательные русские мальчики". Обе они рекомендованы для издания известным собирателем книг биографического жанра Филиппом Денисовичем Бобковым, с чьим небольшим рассказом об истории возникновения своей коллекции читатель сможет познакомиться в конце книги.

В приложении помещены также отрывки из произведений известных русских писателей, посвященных героям данной книги и другим юным славным соотечественницам.

Фонд имени И.Д.Сытина

Предисловие к первому изданию

Изучение жизни великих людей убеждает, что заслуги их гениальности, их талантливости, равно как и тех или других личных их достоинств, доставивших им славу, известность или по крайней мере признательность общества, проявляются большей частью уже в юности, а иногда и в раннем детстве.

Детство, а в особенности юность именно и есть то время, когда складывается характер человека, развивается его ум и развертывается постепенно вся его духовная сторона.

Поэтому большой интерес представляет описание детских и юношеских лет знаменитых людей. И тот, кто хочет вполне понять жизнь таких людей, - будь это ученые, писатели, артисты, музыканты, общественные деятели, даже просто выдающиеся благотворители, - должен хорошо ознакомиться с их детством и юностью, насколько сохранились сведения о последних.

Особенный, конечно, интерес детские и юношеские годы таких людей представляют для юных читателей, которые во многих случаях в описании детской и юношеской жизни будущих знаменитостей могут найти ценные указания, могут почерпнуть из них нередко примеры, что только упорным трудом над развитием врожденных способностей возможно достигнуть славы.

Это в одинаковой мере относится и к мужчинам, и к женщинам.

Существует довольно много книг, в которых собраны сведения о юношах, ставших впоследствии знаменитыми. Но подобной книги о девушках, прославившихся впоследствии в качестве выдающихся женщин, до сих пор не было. И в особенности не было и нет книги, в которой были бы собраны такие сведения о знаменитых русских девушках. Пополнить до некоторой степени этот пробел и дать в руки юных читателей и читательниц ряд сжато изложенных, частью в полубеллетристической форме, биографических очерков и рассказов о знаменитых русских девушках - составляет цель настоящей книги.

Во всех этих очерках и рассказах особенно выдвинуты и подчеркнуты те моменты, когда в юных жизнях уже проявлялись проблески либо выдающегося дарования, либо замечательного трудолюбия, либо необыкновенной любви к той или другой отрасли деятельности, которые создали впоследствии громкую славу или известность данной девушке, когда она стала взрослой женщиной. При этом, однако, рассказы не ограничиваются описаниями одного только детства; в них изложен - в сжатом виде и в общих чертах - и дальнейший ход жиз-

ни, показаны заслуги, создавшие славу и известность будущим деятельницам на самых разнообразных поприщах и в различные эпохи.

Кроме того, сюда включены такие русские девушки, которые прославились исключительно только какими-нибудь одним подвигом, совершенным в юные их годы, и затем в дальнейшей жизни уже ничем более себя не проявившим.

Собранные здесь биографические очерки составляют первую пока серию намеченных знаменитых девушек, число которых весьма значительно и обнимает почти все отрасли науки, искусства, общественной и государственной жизни.

Очеркам намеренно придана возможно краткая, сжатая форма, а сообщаемые сведения ограничиваются лишь главнейшими данными, ибо они должны служить толчком к более подробному изучению жизни той или иной деятельницы, почему либо заинтересовавшей юного читателя или читательницу.

СОНЯ КОРВИН-КРУКОВСКАЯ (КОВАЛЕВСКАЯ)

В барском доме отставного генерал-лейтенанта Корвин-Круковского, в деревне Палибино, Витебской губернии, в одной из комнат, так называемой "классной", за столом сидела девочка лет десяти, маленькою роста, худенькая, но довольно полная в лице, с коротко обстриженными выющимися волосами каштанового цвета, с необыкновенно выразительным и подвижным лицом и красивыми и блестящими глазами.

Девочка сидела над тетрадью, в которую она так углубилась, что не заметила, как дверь тихо открылась, и на пороге показался высокий, немолодой уже, скромно одетый человек, с той особенной внешностью и жестами, которые сразу выдают педагога.

- Довольно, Соня, - обратился он к девочке, - вы потом решите эти задачи.

- Ах, нет, нет, Иосиф Игнатьевич, - живо ответила девочка. - Это очень интересные за-

дачи, и мне не хотелось бы уйти, пока я их все не решу...

- Но ведь вы уже их решили, - заметил ее собеседник, заглядывая в тетрадь, - и решили совершенно верно, - прибавил он довольным голосом.

- Да, но я решила только одним способом, а мне хочется попытаться, нельзя ли их решить еще иначе, - ответила девочка.

- Это придется отложить до другого времени, - возразил высокий господин. - Уже подано к столу, и вы знаете, что ваш отец любит аккуратность.

Девочка неохотно положила перо, закрыла тетрадь и направилась в столовую, где уже за столом сидело несколько человек.

- Ну-с, как идут твои уроки по арифметике? - встретил ее вопросом сидевший за столом полный, седой генерал.

- Хорошо, папа, - скромно ответила девочка.

- И не только хорошо, но превосходно. У Сони положительно и любовь, и способность к арифметике, - прибавил тот самый высокий господин, который прервал занятия девочки.

- Вот странно, - заметил генерал, - еще недавно она на мой вопрос ответила мне, что не любит арифметики, а теперь вдруг Соня стала математичкою, у нее оказались и способности к

арифметике, и любовь... Ну, ну, Соня, продолжай учиться. Арифметика полезная наука.

Девочка была Софья Васильевна Корвин-Круковская, впоследствии, по мужу Ковалевская, одна из знаменитейших женщин-математиков, профессор математических наук, удостоенная целого ряда наград от разных научных обществ. А высокий господин, прервавший ее занятия, - это был ее первый учитель математики Иосиф Игнатьевич Малевич.

Уже в ранние годы у Сони проявились необыкновенные способности к математике. Учитель не мог достаточно нахвалиться и способностями, и прилежанием своей ученицы. Любовь к математике поддерживалась еще у девочки разговорами с приезжавшим нередко в Палибино ее дядей. Этот дядя принадлежал к числу людей, любящих трудные, замысловатые математические задачи и вообще математическую науку, и охотно ценные часы проводил с даровитою племянницей, разделявшей его вкусы.

Как-то раз в Палибне приступили к оклейке комнат новыми обоями, причем в одной из детских комнат вследствие недостатка обоев стены оклеили листами литографированных лекций по математике профессора Остроградского, приобретенных отцом девочки еще в молодости.

Соня заинтересовалась этими листами на стене и целые часы проводила в созерцании их, пытаясь разобраться в них. От долгого созерцания внешний вид многих формул врезался сильно в ее память, да и самий текст оставил по себе глубокий след в мозгу ее.

В 1867 году Корвин-Круковские переселились в Петербург, и Соня, тогда пятнадцатилетняя девушка, стала брать уроки геометрии у известного преподавателя математики А.Н.Страннолюбского с твердым намерением уехать затем за границу, поступить там в университет и посвятить себя всецело изучению высших математических наук. Осуществление этого намерения ускорил выход юной математички замуж за молодого натуралиста, впоследствии профессора Московского университета В.О.Ковалевского, с которым она тотчас после свадьбы уехала за границу. Там, сначала в Гейдельберге, затем в Берлине, она слушала лекции знаменитейших в то время профессоров математики, удивлявшихся способностям и знаниям редкой ученицы.

Постепенно бывшая скромная "Соня-математичка" - как ее называл отец и первый ее учитель Малевич - приобрела среди ученых громкую известность рядом ценных самостоятельных исследований, напечатанных в лучших французских, немецких и шведских специальных математических изданиях.

Слава молодой русской женщины-математика росла не по дням, а по часам. Совет Геттингенского университета удостаивает ее высшей ученой степени - доктора математики; Французская академия наук награждает ее премией; Московское математическое общество избирает ее в свои действительные члены.

В апреле 1883 года у Софии Васильевны умирает муж, не оставляя вдове с ребенком никаких средств. Как раз в это время в Стокгольмском университете открылась кафедра математики - и эта кафедра благодаря содействию целого ряда ученых была представлена Ковалевской; факт совершенно исключительный и небывалый! Не зная твердо по-шведски, Ковалевская первый год читала свои лекции по-немецки и в то же время усердно упражнялась в шведской речи и уже во втором году овладевает настолько шведским языком, что не только читает лекции на этом языке, но пишет по-шведски ученые исследования по математике.

Слава ее между тем как математика растет все больше и больше: она удостаивается за свои работы целого ряда премий от Парижской и Стокгольмской академий.

Любовь к математике была у Ковалевской удивительная. "В жизни все кажется таким бледным и не интересным; нет ничего лучше

математики", - писала она своим близким, все свое время отдавая любимой науке.

Смерть, последовавшая 29 января 1891 года, прервала ученую деятельность бывшей "Сони-математички" в самый ее разгар.

Будучи ученой, Ковалевская не чуждалась, однако, жизни, горячо относилась ко всему, что окружало ее, любила все изящное и обладала выдающимся литературным талантом. Она написала ряд рассказов из русской жизни на шведском языке, воспоминания и прочее.

В математику Ковалевская внесла целый ряд новых идей, новых мыслей, новых теорий, которые после ее смерти разработали другие математики. Задатки тех гениальных способностей, которые доставили Ковалевской вечную славу, проявились, как мы знаем, у нее еще в детстве, и немалая заслуга ее в том, что она не дала заглохнуть этим способностям, что упорным трудом развивала свои познания, твердо и стойко стремясь к намеченной цели.

ПАРАША ЛУПАЛОВА

Военный суд в городе Елизаветграде, Херсонской губернии, в 1798 году приговорил прaporщика Григория Лупалова к ссылке в Сибирь с лишением чинов и дворянства.

Как ни уверял Лупалов в невиновности, как ни клялся, что его обвиняют в преступлении, которого он не совершил, суд, ссылаясь на то, что улики были налицо, все же признал его виновным.

- Что будет с моей бедной дочуркой! - всхлипывая, заявлял осужденный. - С кем я ее оставлю!

- Папочка, не беспокойся, - возразила бойко тринадцатилетняя девочка Параша. - Я последую за тобой в Сибирь, я не расстанусь с тобой.

Действительно, девочка последовала за отцом, бодро разделяя его заточение. Местом ссылки Лупалову была назначена глухая деревня близ Ишима, Тобольской губернии, где ему пришлось жить в бедной, полуразвалившейся избушке; на те гроши, которые ему отпускались, как ссыльному, из казны. Параша приняла все заботы по хозяйству: мыла белье, готовила кушанье, ходила за огородом. Нелегко все это было для молоденькой девушки, но она с покорностью переносила тяжесть своего положения, мечтая лишь о том, чтобы ее отпустили в Петербург, где она надеялась исходатайствовать у государя помилование отцу. "Пойду брошусь к ногам государя и выпрошу прощение", - говорила она.

Замысел идти в Петербург все сильнее и сильнее развивался в уме Параши, хотя она знала, какое громадное расстояние отделяло глухое село Тобольской губернии от Петербурга.

Когда Параша рассказала отцу о своем намерении, тот сначала и слышать не хотел об этом, дорожа ее присутствием и находя в ней последнюю отраду своей жизни. Долго не соглашался отец, долго объяснял ей трудность и дальность пути, и безнадежность исполнения задуманной затеи, но Параша не уступала. И отец в конце концов вынужден был дать свое согласие.

Из Тобольска в Петербург Параша решила добраться пешком, так как все ее средства заключались в... одном рубле.

Хотя дорога для одинокой девушки представляла непобедимые затруднения, она смело отправилась в путь с твердою надеждою, что ей удастся осуществить затею, добраться до Петербурга и выпросить у государя помилование.

Питаясь в пути подаянием, Параша добралась до Екатеринбурга, где ей пришлось остаться некоторое время в надежде попасть даром на пароход, уходивший в Вятку. Время

невольного пребывания в Екатеринбурге Параша употребила на то, чтобы научиться грамоте, которой она не знала: ее отец был так беден, что не мог дать дочери никакого образования...

Из Вятки до Казани и дальше Параше опять пришлось идти пешком.

Наконец 5 августа 1804 года она достигла Петербурга, пройдя около четырех тысяч верст!

Когда в Петербурге ее спрашивали, как она не боялась пуститься в далекий путь, не имея ни денег, ни поддержки, она уверенно отвечала:

- Ради чего было бояться? Я знала, что Бог не оставляет несчастных.

А когда ее хвалили за необыкновенный подвиг, она скромно отвечала:

- За что меня хвалить? Разве дочь не должна все терпеть для отца?

Но если труден был путь из Сибири пешком в Петербург для одинокой, безвестной девушки, то еще труднее было попасть в Петербурге во дворец, к государю. К счастью, Параша нашла покровительницу, особу, славившуюся христианской любовью к бедным и несчастным. Эта особа познакомила Парашу с одним сенатором, который, узнав о самоотверженности, непоколебимой воле и настойчивом решении девушки спасти отца, обещал употреб-

бить все усилия, чтобы доложить о ней императору Александру Павловичу. И он исполнил обещание.

Император "во внимание к добродетели дочери" дозволил сосланному Лупалову возвратиться в Елизаветград. Кроме того, он пожаловал девушке две тысячи рублей. Вся царская семья тоже приняла участие в замечательной девушке, весть о подвиге которой вскоре разнеслась сначала по Петербургу, а затем и по всей России.

"Параша-Сибирячка" - как ее прозвали - сделалась известной, впрочем, не только в России: о ней заговорили и за границей. Ее скромное имя появилось на страницах всех газет с подробным описанием ее путешествия. Французская писательница госпожа Котень написала особый роман под заглавием "Елизавета, или Пример детской любви", в котором был рассказал подвиг Параши. Другой роман из ее жизни был написан известным французским писателем Ксавье де Местром, под заглавием "Параша-Сибирячка". Первый из этих романов читался очень усердно, а второй и до сих пор читается - и взрослыми, и юношеством.

Скончалась Лупалова в Петербурге в 1809 году, на двадцать пятом году жизни.

НАДЯ ДУРОВА

В числе юных воинов русской армии, выделившихся своей храбростью и смелостью во время войны русских с французами в царствование императора Александра I, обращал на себя внимание совсем молоденький, лицом похожий на девушку, корнет Литовского полка Александр Андреевич Дуров.

Под именем Александра Дурова скрывалась девушка, дочь сарапульского городничего Надежда Андреевна Дурова. Но об этом долгое время никто не знал, не знало ни начальство корнета, ни его товарищи - знала одна только Дурова.

Движимая любовью к родине и желанием сражаться в рядах армии, Дурова шестнадцатилетней девушкой оставила родительский дом и поступила на военную службу, а когда началась война, смело пошла в бой. Уже с самого раннего детства Надя Дурова проявляла любовь к военному делу. Отец ее, раньше нежели стал городничим, был ротмистром в гусарах, и Надя все свое детство провела среди военных людей,

воспитывалась среди солдат, привыкла еще ребенком к солдатской жизни. "Седло, - рассказывала она впоследствии, - было моей первой колыбелью; лошадь, оружие и полковая музыка - первыми детскими игрушками и забавами".

Когда отец вышел в отставку и занял место городничего в городе Сарапуле, Вятской губернии, Надя, усвоившая себе привычки и наклонности резвого мальчика, не могла свыкнуться с новой жизнью и только и мечтала о том, как бы опять попасть в военную среду.

Твердо решив осуществить свое намерение, она стала готовиться к нему: употребляла все способы выучиться ездить верхом, уговорила отца подарить ей черкесского жеребца, стала упражняться в стрельбе из ружья и т.п., проделывая все упражнения большей частью тайком от родителей, в особенности от матери, относившейся к ней строго и порицавшей все "мальчишеские" выходки странной девушки.

В то время - это было в 1806 году - в Сарапуль пришла казачья сотня, получившая распоряжение двинуться к западной границе. Надя решает бежать с этой сотней и как раз в день своих именин, 17 сентября, переодевшись в заготовленный казачий "униформ" и обрезав локоны, села никем не замеченная на своего

И.Аргунов.
Портрет Е.Лобановой-Ростовцевой

О.А.Кипренский.
Портрет Е.Телешевой

жеребца и пустилась вдогонку за казачьей сотней. Приехав на рассвете к месту казацкой дневки, Надя обратилась к полковнику казачего полка с просьбой помочь ей попасть в ряды войск, причем называлась Александром Андреевичем Дуровым, сыном дворянина.

Полковник позволил ей ехать со своим полком до того места, где она могла приписатьсь к одному из полков, так как в казаки, не урожденному казаку, поступить было нельзя.

С полком Дурова прибыла в Гродно, где и поступила на службу в Конно-польский уланский полк под именем Александра Дурова и стала усердно изучать военное дело с несокрушимой волей и энергией. Молоденького уланчика, в котором никто и не подозревал девушку, в полку сразу все полюбили.

С Конно-польским полком Надя участвовала, в качестве простого солдата, в сражениях с французами при Гутштадте, Гейльсберге, Фридланде, всюду обнаруживая беззаветную храбрость. Награжденная солдатским Георгиевским крестом и произведенная в офицеры, она перешла затем в Мариупольский гусарский полк, где продолжала выдавать себя за мужчину.

Но как ни старалась Дурова хранить тайну, среди товарищей по полку разнесся слух,

что под именем Дурова скрывается девушка. Слух этот дошел до императора Александра I, который, разузнав подробно про ее жизнь и подвиги, вызвал храбрую девушку-гусара в Петербург.

- Это первый пример в России, - говорил император, приняв Дурову во дворце. - Все начальники отзываются о вас с великими похвалами, называя вашу храбрость беспримерной... Мне очень приятно этому верить, - продолжал государь, - и я желаю сообразно этому наградить вас и возвратить с честью в дом отцовский, дав...

Но Дурова не дала договорить государю. Вскрикнув от ужаса, она упала к ногам императора:

- Не отсылаите меня домой, ваше величество! Не отсылайте! Я умру там, непременно умру!

Император поднял ее и спросил взволнованым голосом:

- Чего же вы хотите?
- Быть воином, носить мундир, оружие... другой награды мне не надо...

Государь был, видимо, тронут, обласкал смелую девушку, оставил ее на военной службе, повелев вместе с тем ей называться впредь по его имени "Александровым".

- Не сомневаюсь, - прибавил государь, - что вы сделаетесь достойной этой чести отличностью вашего поведения и поступков.

И вот Надежда Дурова под фамилией Александрова продолжала свою военную службу и участвовала вместе со своим полком в сражениях под Смоленском и под Бородином.

Сильно контуженная в этом последнем сражении, Дурова уехала домой, в Сарапуль, для лечения. Но боевая карьера ее все еще не окончилась. Поправившись, она в 1813 году опять стала в ряды войск и приняла участие в военных делах под Модлином, Гамбургом и Гарбургом и только в 1816 году с чином штабс-ротмистра вышла в отставку и поселилась в Сарапуле у престарелого отца.

Последние годы своей жизни Дурова провела в Елабуге, где и занялась описанием своих боевых приключений, которые появились под названием "Записки кавалерист-девицы" и в свое время имели большой успех, удостоились похвалы даже от Пушкина. Кроме того, она написала еще ряд рассказов.

Жизнь и приключения Дуровой послужили также канвою для нескольких повестей и романов. Между прочим, жизнь этой храброй девушки, ее детство и подвиги описаны в повести Л.А.Чарской "Смелая жизнь".

Скончалась Дурова-Александрова в 1866 году в преклонном возрасте в Елабуге. На ее могиле офицеры Литовского полка, в котором прошла часть боевой карьеры "кавалерист-девицы", в 1900 году, по случаю празднования столетия полка, соорудили памятник, надпись на котором заканчивается словами: "Вечная память, в назидание потомству, ее доблестной душе".

ДОДО СУШКОВА (РОСТОПЧИНА)

В начале XIX века в Москве, в доме Ивана Алексеевича Пашкова, очень часто собирались знаменитейшие того времени литераторы и в их числе князь Вяземский.

Как-то раз князь Вяземский разговорился с молоденькой внучкой хозяина дома Евдокией Петровной Сушковой или, как ее прозвали домашние, "Додо". И вот Додо по секрету сообщила писателю, что она занимается "сочинительством", пишет стихи. Князь Вяземский очень заинтересовался стихотворениями юной поэтессы, списал одно из ее стихотворений под заглавием "Талисман" и напечатал его в альманахе "Северные цветы" под псевдонимом Додо,

то есть под тем именем, каким девушку звали дома.

Родные Додо, узнав о ее писательстве, были очень удивлены и огорчены, ибо, как они утверждали, "светской благородной барышне неприлично заниматься сочинительством, печатать же свои произведения постыдно!".

После неприятной сцены, вызванной первым неожиданным литературным дебютом, Додо не решалась отдавать свои сочинения в печать (хотя писала их очень много). Но в высшем обществе Москвы, в котором она стала появляться очень часто, все-таки знали, что Сушкова - поэтесса и ее стихи, передаваемые ее близкими подругами в рукописных листах, ходили из рук в руки. И только по выходе замуж поэтесса Додо начинает печатать свои стихотворения в журналах, сначала за неполною подписью: "гр.Р-на", а затем полностью под новой своей фамилией: "графиня Ростопчина" и под этой фамилией приобретает громкую известность и среди современных писателей, и в публике. Лермонтов посвящает ей стихотворение:

Я верю: под одной звездою
Мы с вами были рождены.

Критики того времени - Сенковский, Плетнёв, Шевырев - пишут о ней восторженные отзывы; даже Белинский, очень строго и

серъезно относившийся к явлениям литературы, находил, что ее муз "не чужда поэтических вдохновений, дышащих не одним умом, но и глубоким чувством" и что ее стихи "ознаменованы печатью истинной поэзии", хотя вместе с тем упрекал ее в служении богу салонов, указывая на "великосветский" характер ее стихотворений.

В великосветских же кругах и при дворе на Ростопчину стали смотреть как на крупную, выдающуюся поэтессу, и ее произведения ставили в числе произведений лучших поэтов.

Детские годы будущей знаменитой поэтессы прошли всецело в доме ее родного деда по матери, Пашкова, у которого родители ее поселились после бракосочетания. Додо шел второй год, когда началась война 1812 года. Семейство Пашковых, как и многие другие москвичи, спасаясь от французов, уехало вместе с маленькой Додо в одну из симбирских деревень, откуда вернулось только после изгнания французов из России. Отца Додо все это время не видела, так как он по делам службы должен был сначала оставаться в Москве, а затем постоянно совершал переезды из одного города в другой.

Росла Додо в доме деда, где под влиянием постоянных разговоров гостей-писателей о ли-

тературе, поэзии и сама полюбила поэзию. В 1817 году у Додо умерла мать, и девочка всецело осталась на попечении престарелых деда и бабки и под надзором воспитательниц-иностранок. Учение ее велось по обычной программе того времени: закон Божий, русский, французский и немецкий языки, немного арифметики, краткие понятия из истории и географии, рисование, игра на фортепиано и танцы. Но эти элементарные сведения не могли удовлетворить любознательную девочку, и она многосторонним чтением старалась расширить свои познания, в особенности в литературе и поэзии. Под впечатлением восторга, вызванного чтением Шиллера, Жуковского, Пушкина и Байрона, она стала сама пробовать свои силы в поэзии и написала целую поэму, которой, однако, не суждено было увидеть свет. За этой поэмой последовало огромное количество стихов, которые в свое время - в пятидесятых и шестидесятых годах минувшего столетия - очень усердно читались и заучивались наизусть, в особенности в великосветских кругах.

Звание поэта она ставила очень высоко и в одном из своих стихотворений писала:

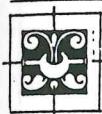
Не тот поэт,
Кто в области святого идеала
Страданьями гражданства не купил...
Поэт прямой, кто Вышнему избранью

Не изменил...

Кто выгорел возвышенной любовью,
Кто выплакал свой вдохновенный стих.

Как и многие другие поэты былых времен, Ростопчина теперь забыта, но все же ее стихотворения помещаются в сборниках русской поэзии, среди ее образцов.

Кроме стихотворений Ростопчина написала романы "Счастливая жена" и "У пристани". В последнем из этих романов она сетует о бесчисленных упущениях великосветского воспитания и рекомендует воспитывать девушку так, чтобы она научилась знать цену личного достоинства, цену ума, характера, талантов, красоты. Скончалась Ростопчина 3 декабря 1858 года.

МАРИЯ БАШКИРЦЕВА

В Люксембургском музее в Париже, в отделье картин современных художников, приобретенных за счет французского государства в качестве выдающихся произведений искусства, находится картина, изображающая группу мальчишек, держащих совет у забора, на солнечном припеке. Тут же, около двери, висит маленький портрет молодой девушки с чисто русским, ум-

ным и симпатичным лицом, с густыми неправильными бровями и загадочным, мечтательным взором татарских глаз, устремленным вдаль.

Картина принадлежит кисти русской художницы Марии Башкирцевой, а портрет - верное изображение юной художницы, удостоившейся чести попасть в число немногих мастеров, произведения которых помещены на стенах Люксембургского музея.

Мария Башкирцева была удивительно богато одаренная от природы девушка, в полном смысле слова гениальная. Замечательные, разносторонние способности проявились у нее очень рано, еще в детстве, когда она была маленькой девочкой, и развила она их сама своей неутомимой энергией, необыкновенным рвением, упорным трудом над собой...

Мария Константиновна Башкирцева родилась в селе Гавронском, под Полтавой, 11 ноября 1860 года, в богатой дворянской семье. Отец ее был пятнадцать лет предводителем дворянства и умер на службе, мать - урожденная Бабанина - была дочерью военного, который вел свой род от татар первого нашествия.

Первые десять лет она провела в имении деда по матери, в Харьковской губернии. В 1870 году вся семья - мать, тетка, дедушка,

В.Суриков.
Портрет девушки

Мария Башкирцева

брат, маленькая кузина, домашний врач и целый штат прислуги - уехала вместе с Марией за границу. Два года семья переезжала с места на место и жила то в Вене, то в Баден-Бадене, то в Женеве, то в Париже, пока не осела в Ницце.

Здесь двенадцатилетней девочкой Мария Башкирцева начала вести свой дневник, в который с полной искренностью заносила не только все события детской и юношеской своей жизни, но и все впечатления, мысли, взгляды, вызванные окружающей жизнью. Этот дневник, составивший впоследствии 109 тетрадей самого разнообразного содержания, она хранила в строгой тайне от посторонних, и вследствие этого только после смерти даровитой девушки-художницы узнали, что у нее кроме других дарований был и выдающийся литературный талант.

Тринадцатилетней девушкой Мария Башкирцева сама составила программу своих занятий (в которую вошли математика, физика, химия, оба древние языка и пр.) и работала, не зная отдыха, стремясь развить все свои необыкновенные способности. Тщательно воспитанная, она свободно, как на родном языке, говорила по-английски, по-немецки, по-итальянски, а по-французски она даже думала

и на этом языке писала свой дневник. Энтузиазма она также латинский и греческий и в подлиннике читала сочинения Гомера, Платона, Плутарха. Страстная любительница музыки, она играла на рояле, цитре, мандолине, органе, арфе, гитаре, обладала выдающимся голосом, прекрасно танцевала, и у нее был ярко выраженный драматический талант. Но больше всего на свете Башкирцева любила живопись. Однако сначала с рисованием долго не ладилось дело у будущей великой художницы, а между тем ее поглощала мечта непременно сделаться именно художницей, знаменитой художницей. Она решила во что бы то ни стало осуществить эту мечту и стала усердно работать над усовершенствованием своего художественного таланта, в который она твердо верила. Целые дни проводила она с карандашом и кистью в руках, работала по праздничным дням, работала даже по ночам...

Когда семья Башкирцевых переехала в Париж, Башкирцева, тогда уже семнадцатилетняя барышня, поступила в мастерскую художника Жюлиана и удивила всех своим рвением, любовью к труду и страстным стремлением к самоусовершенствованию. Ее успехи в живописи были до того поразительны, что у профессоров возникло даже сомнение насчет подлиннос-

ти ее работ, так как они не могли допустить, чтобы начинающая дилетантка могла писать такие совершенные произведения.

Подруг у нее не было, зато было много и поклонников, и поклонниц. Но впечатлительная девушка все же чувствовала себя постоянно одинокой и жаловалась, что ее не понимают и что даже она сама себя не понимает, о чем она и поведала единственному, молчаливому своему другу, знатому ее тайны, - своему дневнику...

После одиннадцатимесячной работы под руководством выдающихся парижских профессоров живописи Мария Башкирцева на конкурсе мужских и женских художественных мастерских получила единственную золотую медаль. Так началась ее художественная карьера.

В 1880 году Башкирцева выставила на парижской выставке свою первую картину - "Молодая женщина, читающая роман", подписав ее: "Marie Constantin, Russ", а в 1881 году другую картину - "Мастерская художника Жюлиана", за подпись "Andre". Обе картины обратили на себя внимание парижской печати, признавшей в них бесспорный талант. Тогда Башкирцева в 1883 году, уже под своим именем, выставила новую картину - "Жан и Жак", изображающую двух маленьких школьников из бедного класса парижского населения. Эта кар-

тина вызвала восторженные отзывы в печати. После этого на парижских выставках стали появляться одна за другой все новые и новые картины даровитой художницы, среди которых особенных похвал удостоилась картина "Совещание" или "Митинг". Сюжет этой картины незамысловатый: группа уличных мальчишек серьезно рассуждает между собой - вероятно, о затеваемой шалости - перед дощатым забором в пустынной улице парижского предместья. "Это истинный шедевр, - писал об этой картине знаменитый французский поэт и критик Франсуа Коппе, - физиономии, позы детей полны жизненной правды, уголок тоскливо-пейзажа замечательно передает уныние, разлитое в этих затерянных кварталах..."

Ободренная успехом, Башкирцева с удвоенным усердием продолжала свои занятия живописью, но, оканчивая последнюю свою картину - "Скамья на загородной парижской улице", бедная молодая девушка, утомленная лихорадочной, непосильной для ее слабого здоровья работой (она страдала чахоткой), простудилась и умерла 31 октября 1884 года около 24 лет от роду, оставив 150 картин, 200 рисунков, несколько скульптур (она и в этой области проявляла свойственный ей талант) и акварелей.

Лучшие картины Башкирцевой приобретены французским правительством для национальных музеев.

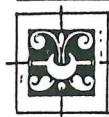
После смерти даровитой художницы известный французский писатель Андре Терье выпустил в свет ее дневник, возбудивший живой интерес и публики, и печати.

Этот дневник Башкирцева писала в течение двенадцати лет урывками, часто в вагоне, иногда среди работы, иногда между двумя балами, то опять в томлении одиночества и отчаяния, в бессонные ночи и т.п., писала с полной искренностью и чисто художественной наблюдательностью, засося все, что только обращало на себя ее внимание. “Я буду рассказывать в этом дневнике все, все, не только то, что я думаю: я не желаю скрывать из того, что есть во мне смешного и дурного, потому что какое право будет иметь эта книга на существование, если не будет безусловно строгою и самою точною истиной? - писала она. - Этот дневник - я вся”.

Такие сложные, исключительные, впечатляющие натуры, как Башкирцева, редко бывают счастливы. Они всегда чем то неудовлетворены, недовольны. И Мария Башкирцева, несмотря на успех, которым она пользовалась, несмотря на счастливые условия жизни, несмотря на славу, которой она пользовалась, -

считала себя несчастной. Страницы ее дневника полны грустных мыслей, полны жалоб. “У меня глубокое отвращение к себе, - пишет она в одном месте. - Я ненавижу все, что ни делаю, говорю или пишу. Я сама себе противна. Я разочарована в самой себе...”

Переведенный на все почти европейские языки, этот дневник замечательной русской девушки, умершей в расцвете молодости, везде и всюду пользуется исключительным успехом среди интеллигентных читателей, разошелся в десятках тысяч экземпляров и продолжает расходиться во многих изданиях. Знаменитый английский государственный деятель Гладстон назвал “Дневник” Башкирцевой одной из замечательных книг нашего столетия, книгой, не имеющей себе подобной, а автора ее “истинно гениальной девушкой”.

ЮЛИАНА НЕДЮРЕВА (ОСОРЬИНА)

В последней четверти XVI столетия при дворе Иоанна Грозного жил ключником Иустин Недюрев. Он был вдовец и имел одну только дочь Иулианию.

Несмотря на знатный род и богатство, Иулиания много натерпелась горя в своем детстве: отцу некогда было ею заниматься, а родные сильно обижали сироту. Не видя ласки в окружающих, она искала отрады в молитве и старалась утешать всех страдающих и помогать им, чем только была в состоянии помочь. Чувствуя по опыту, как тяжко жить без матери, она особенно заботилась о сиротах: того прilаскает, тому сошьет рубашку, того накормит, с тем поиграет, словом - всем сиротам помогала, чем могла и как могла. Работала она много и охотно, отдыхала только в храме Божьем да за молитвой.

Шестнадцати лет Иулианию выдали замуж за богатого помещика села Лазаревского Юрия Осорына. Новая семья полюбила тихую, кроткую, услужливую и трудолюбивую Иулианию, и отец, и мать Юрия обращались с нею, как с родной дочерью. В замужестве Иулиания продолжала вести такую же трудолюбивую и честную жизнь, какую вела и прежде; только больше делала добра, так как больше имела средств для этого. Особенно заботила ее участье нищих и заключенных, которым она старалась помочь по мере сил.

Главная заслуга Иулиании состояла в необыкновенной скромности и нежелании, чтобы знали об ее добрых делах. Старалась она помо-

гать так, как указано в Евангелии, то есть, чтобы никто не знал об этом.

Особенную любовь к страдающим выказала она во время сильного голода: она отказывала себе не только во всем излишнем, но даже сама голодала, отдавая свою пищу голодным. А когда вследствие голода начались разные заразительные болезни, Иулиания помогала больным, всеми брошенным; она заботилась о них, кормила, одевала, лечила, когда же они умирали, то сама обмывала их, читала над ними молитвы и на свой счет хоронила их.

После смерти мужа Иулиания еще больше стала помогать бедным, а во время страшного голода, бывшего в царствование Бориса Годунова, раздала почти все, что имела, и принуждена была распустить половину своей прислуги, потому что нечем было кормить ее. Но и при таких стесненных обстоятельствах она не унывала и не роптала, а сама помогала работать оставшимся слугам.

Иулиания скончалась 2 января 1604 года. К гробу ее приходили больные и несчастные и, как говорит предание, находили успокоение и исцелялись от своих недугов.

Православная церковь причислила Иулианию к лику святых. Ее память празднуется 2 января.

ЛИЗА КУЛЬМАН

Жила в Петербурге в начале XIX столетия семья бедного чиновника Бориса Федоровича Кульмана. Когда-то этот Кульман был военным, участвовал в блестящих походах Румянцева-Задунайского, считался храбрым офицером, был несколько раз ранен и отличился в знаменитой битве при Кагуле. Потеряв здоровье на службе, он должен был выйти в отставку и, чтобы пропитать семью, поступил на небольшое жалованье в одно из министерств. А семья была немалая: он, жена, семья сыновей и маленькая дочь Лиза - слабенькая, хворенькая крошка.

Жилось бедно, однако без особенной нужды. Но вот заболевает Борис Федорович и умирает, оставляя семью без всяких средств к жизни. Трудно было вдове одной своим трудом прокормить семью, и часто в доме не хватало даже хлеба... Лиза, видя, как мать борется с нуждою и без устали работает, уже с самых малых лет принимается помогать ей по мере сил. Она разделяла труд матери по хозяйству, вместе с матерью стирала, стяпала, таскала дрова, топила печи.

П.Федотов.
Портрет Надежды Жданович

В.Серов. Девочка с персиками

Росла Лиза необыкновенно умным, даровитым ребенком: соображение у нее было быстрое, верное, наблюдательность большая, воображение сильное и память громадная. Все ее занимало, все она старалась понять.

Жили они в одной из дальних линий Васильевского острова, в бедном, ветхом деревянном домишке, при котором был небольшой садик. Этот садик составлял любимое место пребывание Лизы. Тут все ей было мило и дорого: птицы, насекомые, растения, цветы, — все ее занимало, все давало пищу ее творчеству, сказавшемуся в раннем детстве.

Любила она также, стоя у окна, любоваться луной, смотреть, как луна то погружается в тучи, то снова выплывает на ясную лазурь неба, и сочинила рассказ, в котором луна изображается благодетельным существом, помогающим бедным.

Желание учиться появилось у Лизы очень рано, и на шестом году она уже правильно говорила по-русски и по-немецки, а девятыи лет совершенно легко объяснялась и читала на трех языках: по-русски, по-французски и по-немецки. И всему этому она выучилась, так сказать, между делом, помогая постоянно в хозяйстве матери, которая была вместе с гем и первой ее учительницей.

Десяти лет Лиза выучилась итальянскому языку, стала читать произведения итальянских поэтов и, увлекаясь их красотой, запоминала целые поэмы.

Пристрастившись к чтению, Лиза не переставала, однако, исполнять самые тяжелые хозяйствственные работы и в то же время усердно готовила уроки, поражая своего учителя, некого Гроссгейнрихса, бывшего друга ее отца, удивительной памятью, быстротой соображения и легкостью, с которой ей удавалось преодолевать самые трудные работы.

Когда Лизе минуло одиннадцать лет, семья ее переехала в Горный институт, где поселилась в квартире овдовевшего и потерявшего дочь старика законоучителя Абрамова, предложившего госпоже Кульман вести у него хозяйство.

Лиза, пользовавшаяся всем, чтобы расширить свои знания, стала посещать музей Горного института, стараясь изучить те богатства природы, которые накоплены в нем. Тогдашний директор института Медер полюбил Лизу, сблизил ее со своими дочерьми и помог ей в изучении истории и естественных наук своими познаниями и библиотекой. С его же детьми Лиза, выучилась музыке, рисованию и танцам.

На двенадцатом году Лиза по собственному побуждению стала изучать латинский язык.

Принялась она за изучение этого языка, чтобы оказать свое внимание священнику Абрамову, очень любившему латынь. Четырех месяцев занятий было для даровитой девочки достаточно, чтобы поздравить Абрамова речью на латинском языке, ею самой составленной. Абрамов был в восторге и предложил Лизе помочь ей изучить также и древний церковнославянский язык, за который она принялась с рвением и который скоро изучила.

Но удивительно способной к языкам девочке казалось недостаточным знать три новейших языка, кроме русского, и два древних. Ей страстно захотелось изучить еще классический язык греков, чтобы в подлиннике читать Гомера и других греческих поэтов, которыми восторгался ее учитель Гросгейрихс. И она упросила последнего заняться с ней греческим языком. Прошло всего четыре месяца - и Лиза не только свободно читает греческих поэтов, но и переводит их стихами на русский, немецкий и итальянский языки!

Страсть к изучению еще других языков, стихийно овладевшая юной девушкой, заставила ее изучить, кроме того, английский, испанский и португальский языки, и четырнадцати лет она знала уже десять иностранных языков, переводила свободно с одного языка на другой. Од-

новременно она начинает писать и оригинальные стихотворения по-русски и по-немецки, выдавая их за стихотворения, написанные будто бы знаменитой греческой поэтессой Коринной, жившей за триста лет до Рождества Христова. Стихотворения эти - в древнеклассическом стиле, отпечатанные отдельным томиком, - заслужили очень лестные отзывы.

- Вы воскресили Коринну! - говорил ей ее учитель Гросгейрихс, а критики, восторгавшиеся этими произведениями юной девушки, прозвали ее "Русской Коринной".

Не довольствуясь знанием классического греческого языка, Лиза выучилась и новогреческому и говорила на этом языке так хорошо, что один грек принял ее за свою соотечественницу.

Необыкновенные способности Лизы Кульман обратили на себя общее внимание. О ней заговорили, как об исключительной, гениальной девушке. Даже Белинский, хотя не находил в ее русских стихах достоинств, сказал, что она какое-то чудо природы, какое-то странное и прекрасное отступление от ее обычных законов.

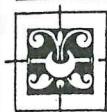
Даровитая, много обещавшая "Русская Ка-ринна" прожила недолго: во время наводнения, бывшего в Петербурге в 1824 году, которое затопило половину столицы, она простудилась и

вскоре умерла (19 октября 1825 г.). Когда весть о ее болезни дошла до двора, то обе императрицы, супруга и мать Александра I, приняли в больной живейшее участие, но спасти ее не было возможности.

Похоронили Лизу Кульман на Смоленском кладбище в Петербурге и поставили на ее могиле белый мраморный памятник, работы скульптора Трескони. Памятник сделан в греческом стиле и изображает женщину в гробу, склонившуюся на левую руку. На гробе изображены листья аканфа и между ними оторванная от стебля роза. Кругом надписи на всех древних и новейших языках, которые так хорошо знала покойная.

В 1833 году Императорская академия наук издала все, что сохранилось из ее сочинений, а профессор Никитенко написал биографию даровитой девушки-поэта, "Русской Коринны", в которой, между прочим, сказано: "Это была одна из тех душ, на которые природа бросает горстью семена сильных стремлений и богатых надежд, которым дает все: мысль зиждущую и светлую, образы стройные, к ним звуки или краски, животворящие для представления их людям, наконец волю жить единственно для избранной цели или мечты".

Современники Лизы Кульман, ближе знавшие эту удивительную девушку, рассказывали, что когда на нее находили минуты вдохновения, необыкновенная сосредоточенность выражалась на всем ее лице: губы полураскрывались, лицо становилось бледным, руки холодели, она словно вся замирала. Состояние это бывало непродолжительно, лицо снова прояснялось, стан ее выпрямлялся, она быстро ходила по комнате и вся сияла каким-то тихим, радостным чувством, затем она садилась писать. Творчество, по словам тех же современников, было потребностью души Лизы Кульман: ей необходимо было вылить в поэтическую форму то, чем полна была ее душа.

ДАША СЕВАСТОПОЛЬСКАЯ

Это было в 1854 году. У реки Альмы, близ Севастополя, происходило кровопролитное сражение: стоны раненых смешивались со свистом пуль и грохотом орудий, густой пороховой дым тучами стоял в воздухе...

- Пить, пить! - в беспамятстве молили раненые.

Молоденький мальчик-матрос, явившийся к Альме вместе с войском, подавал раненым

пить, перевязывал и успокаивал их; поминутно из небольшой сумки, привязанной к седлу мохнатой маленькой татарской лошадки, он доставал бинты, пластиры, корпию и другие лазаретные снаряжения.

Вместе с подоспевшим к месту сражения фельдшером юный матрос устроился со своими припасами в лощине, куда реже залетали вражьи пули, и неутомимо хлопотал около раненых, которых все несли и несли в лощину.

- Господь тебе заплатит, мальчуган, за твою доброту! - с умилением говорили получившие помочь солдаты, - откуда ты? Как тебя звать? Скажи, чтобы мы знали, за кого нам Бога молить.

- Я не мальчуган... я девица Дарья... из Корабельной Слободки, с Сухой Балки, - тихо отвечала эта первая, появившаяся на поле битвы, сестра милосердия.

“Девица Дарья” была матросская дочка и круглая сирота. Отца ее, матроса, убили в Синопском сражении. Жила Даша до войны в Севастополе, в Корабельной Слободке, в лачужке, оставшейся ей в наследство от родителей. Несмотря на юные годы, сиротка работала не покладая рук и трудом добывала себе кусок хлеба: шила матросское белье, ходила по стиркам. Матросы знали и любили ее и никому не давали в обиду.

Но вот началась Крымская война, все от мала до велика собрались на защиту родины. И богатырская кровь отца Даши, храброго воина, сказались в девушке. Она оставила на произвол судьбы свою лачугу, продала весь свой скарб за 19 рублей 67 копеек, выпросила еще в придачу старое матросское платье и белых тряпок, острогла свою густую, длинную косу и уехала на поле битвы.

Целых одиннадцать месяцев эта пятнадцатилетняя девушка провела в лазаретах и на перевязочных пунктах и днем, и ночью неутомимо ухаживала за ранеными, терпеливо выносила все ужасы войны. Солдатики звали ее Дарьей Александровной и платили ей самой горячей любовью за ее попечения и хлопоты.

- Ангел Господень слетел к нам, горемычным! - говорили раненые, когда юная сестра, заботливо склоняясь над ними, обмывала их горячие раны, подносила к их запекшимся губам чарку вина, перевязывала кому грудь, кому руку, кому ногу. Иные, умирая, завещали ей кто деньги, кто часы и прочее.

Молва о подвиге Дарьи дошла до императора Александра II. Он прислал бесстрашной девушке медаль, а государыня пожаловала ей золотой крест с надписью “Севастополь”.

Все же те, кому помогла она в трудную минуту, сложились и благословили ее образом Спасителя, во имя которого она послужила своим братьям.

- Возьми, сердешная, возьми... возьми на память... Облегчила ты последние наши минуты... не пощадила себя... Пусть эта икона напоминает тебе о твоих же добрых делах, - говорил слабым голосом умирающий.

- На, голубушка, возьми себе... - говорил другой, сужа в руку Дашу тряпичку, в которой завернут был весь его капитал - несколько целковых, - мне уже деньги не понадобятся больше: не жилец я на белом свете, а тебе, сиротинке, пригодятся...

Больше всего ценила Даша ласковое слово раненого солдата и благословение, которое призывал он на нее за ее ласку и неутомимую службу страждущим. Скромная и смиренная, она повторяла в ответ на все благодарные возгласы, которыми ее осыпали:

- Не на чем благодарить, братцы родные, будьте здоровы, пошли вам Господи всякой удачи. А я делаю только то, что должна, и невелики мои труды!

ДАША ЛЕОНОВА

В семье бедного сенатского чиновника-писца Леонова в один из зимних дней 1844 года происходила необычайная суета: снаряжали маленькую дочь, девятилетнюю Дашу, первый раз в театр.

В.Л.Боровиковский.
Портрет М.И.Лопухиной

К.Брюллов. Портрет З.А.Волконской

Леонов получал жалованья всего-навсего десять рублей в месяц и, конечно, о театре или других удовольствиях никогда и не думал. Прокормить в Петербурге себя, жену да дочь на десять рублей в месяц - это была задача не из легких, даже в пятидесятых годах, когда все было дешевле, нежели теперь. Несмотря, однако, на скучное жалованье, Леонов прилагал все старания, чтобы дать дочке хорошее образование, и поместил ее в так называемую патриотическую школу. За учение платить не приходилось, но книги, тетради и прочее необходимо было покупать на деньги. И вот в эту-то школу были доставлены бесплатные билеты в театр, а маленькая Леонова, как одна из самых прилежных учениц, попала в число тех воспитанниц, которых начальство школы решило свезти в театр.

Весь день в семье Леоновых шли приготовления к этому торжественному вечеру: из какого-то старого куска материи мать спешно шила для дочки платье; отец - всеми силами старался починить башмаки Даши, желая придать им вид новых, сама Даша гладила усердно воротник.

В театре давали в этот вечер "Гамлета". Представление произвело на девочку огромное впечатление, и она после этого спектакля толь-

ко и мечтала о том, как бы опять попасть в театр.

Случай явился вскоре, так как в школу стали доставлять довольно часто бесплатные ложи для учениц, да, кроме того, Леонов случайно познакомился с одним театральным капельдинером, который охотно в те дни, когда в театре было мало публики, брал с собой Дашу и усаживал ее на какое-нибудь свободное место.

Всякий раз, когда Даше случалось быть в театре, она возвращалась домой под волнующим действием театрального представления и дома, устроив по-своему сцену, повторяла на глазах семьи все виденное.

У маленькой любительницы театра оказался к тому и голосок. Не учившись пению, она прекрасно исполняла разные песни, легко запоминая мотивы. Друзья и знакомые Леонова стали хлопотать, чтобы девочку приняли в театральный хор. Благодаря их хлопотам директор театров О.М.Гедеонов обратил внимание на поразительный слух и красивый голосок десятилетней тогда девочки и приказал ее учить учителю пения Быстрову, а затем другому учителю - Вителяро.

Даша училась очень прилежно; ее детский голосок постепенно развивался и креп, подавая надежды, что из бедной девочки выйдет со

временем не только простая хористка, но, пожалуй, и настоящая артистка-певица.

Шестнадцатилетней девушкой Даша Леонова в 1851 году выступила впервые на сцене в знаменитой опере Глинки "Жизнь за царя", исполнив песню Вани: "Ах, не мне бедному". Ее похвалили. Затем второй ее дебют был в "Русской свадьбе", где пение юной артисткой русских песен произвело фурор и обратило на себя общее внимание публики. Леоновой решили тогда поручить исполнение всей партии Вани в "Жизни за царя". Подготовить к этому юную артистку взялся сам великий Глинка, пораженный и восхищенный ее голосом. И вот Леонова стала ученицей Глинки, единственной его ученицей, которой он сам указал, как он желает, чтобы исполнялась партия Вани.

С появления Леоновой в "Жизни за царя" началась обширная оперная деятельность будущей знаменитой певицы. С первых же шагов на сцене она стала любимицей публики - сначала в Петербурге, затем в провинции, где она выступала в концертах, и ее слава росла с каждым годом.

Поступив на сцену юной шестнадцатилетней девушкой, Леонова получала всего 300 рублей в год. Император Николай Павлович, слышавший Леонову в Гатчинском дворце и узнав, что артистка служит за 300 рублей,

сказал: "А что получает другая артистка, при мадонна?" - "Шестьсот", - был ответ. - "Сравнять!" - приказал государь. И Леоновой тотчас же назначили двойное жалованье.

По мере того как росла слава Леоновой, рос и оклад ее жалованья, который постепенно достиг таких размеров, какие в то время редко выпадали на долю русской певицы.

Побывала Леонова и за границей, выступала там в концертах и в театрах, пожиная такие же лавры, как в Петербурге, а затем в Москве и провинции.

Первая и единственная ученица Глинки Дарья Михайловна Леонова признается и первой в настоящем смысле русской национальной певицей-артисткой. В истории русской оперы ей отведена почетная страница, а те уже немногие посетители театра, которые имели возможность слышать Леонову, до сих пор с восторгом вспоминают лучшего Ваню из "Жизни за царя".

КАТЯ ВОРОНЦОВА (ДАШКОВА)

В ярко освещенном доме генерал-аншефа Романа Воронцова в 1743 году происходило большое семейное торжество: крестины ново-

рожденной дочери Екатерины. Восприемницей при купели была императрица Елизавета Петровна, а крестным отцом - тогдашний наследник престола, впоследствии император Петр III. Императрица, поздравляя после крестин отца новорожденной, сказала:

- Я убеждена, что моя крестница будет знаменитой. У нее очень умные глаза.

Когда маленькой Екатерине исполнилось два года, у нее умерла мать, и воспитанием ее занялась сначала бабушка, а затем дядя, вице-канцлер М.И.Воронцов.

В доме у Воронцова (куда была перевезена сиротка) часто бывала сама императрица, обедала и проводила целые вечера. Маленькая крестница императрицы нередко играла на коленях у своей высокой крестной матери, сиживала с ней рядом за столом и вообще пользовалась ее ласками.

Сам вице-канцлер очень любил свою племянницу и ничего не жалел, чтобы дать ей блестящее по понятиям того времени образование: вместе с дочерью вице-канцлера его племянница обучалась у лучших преподавателей языкам, наукам и искусствам. Но легковесное внешнее образование не удовлетворяло жажды знания, которую гордая и самолюбивая молодая девушка ощущала в себе с ранней юности. Она

стала пополнять свои познания усердным чтением книг и читала все, что находила в богатой библиотеке вице-канцлера, читала запоем, лихорадочно, стараясь, однако, всегда извлечь из прочитанного какие-нибудь сведения, познания.

Интерес к книгам развивался у молодой девушки с каждым годом все больше и больше. Вместе с тем она стала очень интересоваться политикой. Слыша в доме вице-канцлера постоянные разговоры о политике, вращаясь между дипломатами, русскими и иностранными, посещавшими Воронцова, видя важные государственные бумаги на столе у дяди, который охотно объяснял юной племяннице, что это за бумаги, молодая девушка невольно заинтересовалась государственными делами, и в ее юной головке развивалась мечта сыграть со временем какую-нибудь видную роль в этих делах.

Осуществлению этой мечты способствовало знакомство с супругой наследника престола Петра Федоровича великой княгиней Екатериной Алексеевной, будущей императрицей Екатериной II. Знакомство это перешло вскоре в обоюдную дружбу. Юная племянница вице-канцлера буквально обожала великую княгиню, писала ей восторженные стихи и только и ждала случая, чтобы оказать ей какую-нибудь ус-

луту. Случай к тому явился, когда императрица Елизавета в 1761 году опасно захворала и на престол должен был вступить Петр Федорович. Имея полное основание полагать, что новый государь отстранит Екатерину Алексеевну, Дашкова примкнула к кружку сановников, которые решили возвести на престол Екатерину, и стала в этом кружке одной из самых деятельных особ. И вот при ее непосредственном участии совершился государственный переворот 26 июня 1762 года: Екатерина Алексеевна стала императрицей, а император Петр III должен был отречься от престола и, увезенный в Ропшу, там очень быстро скончался...

В то время Екатерина Воронцова носила уже новую фамилию - княгини Дашковой, так как она вышла замуж за офицера Преображенского полка, князя Дашкова.

С воцарением Екатерины Алексеевны молодая, честолюбивая княгиня, много способствовавшая удачному исходу переворота в пользу новой императрицы, надеялась сыграть важную роль при дворе, в твердом убеждении, что в благодарность за ее услуги ей даны будут совершенно исключительные права. Но тут-то она ошиблась: новая императрица, тщательно оберегая независимость своих мнений и поступков и опасаясь слишком большого влияния сво-

ей прежней подруги, осторожно отдала ее от себя вскоре после вступления своего на престол.

Чувствуя себя оскорблённой, Дашкова уехала за границу под именем госпожи Михалковой. Во время пребывания за границей она познакомилась со многими выдающимися учеными и писателями, много читала и приобрела славу одной из самых умных и образованных женщин своего времени.

Прошло с тех пор двадцать лет. Бывшая "подруга великой княгини Екатерины Алексеевны" стала уже пожилою дамою, как вдруг императрица решила назначить ее директором Академии наук. Мечта юных лет княгини начинала сбываться: она должна была занять крупный и видный пост. Сначала ей казалось, что не по силам будет ей, женщине, руководить высшим ученым учреждением, и она написала императрице, "что чувствует неспособность для такой деятельности, как управление Академией". Но императрица все-таки настояла на своем и заставила Дашкову принять предложенный ей высокий пост. Десять лет Дашкова ревностно исполняла свое дело. За все это время она принимала видное участие в делах не только Академии, но и всего русского просвещения, как устроительница первых в России

публичных чтений, учредительница так называемого "переводческого департамента", руководительница нескольких журналов, покровительница литераторов. Пропуск Академией трагедии Княжнина "Вадим Новгородский" обострил, однако, отношения княгини к императрице и заставил Дашкову уехать вновь за границу.

При воцарении императора Павла I Дашкову отстранили окончательно от должностей и отправили на житье в ее подгородное имение.

АННА ЕСИПОВА (ЛЕШЕТИЦКАЯ)

Публика, собравшаяся на одном из публичных концертов в Петербурге в 1858 году, была удивлена и поражена, когда вдруг неожиданно после исполнения виртуозом-пианистом довольно трудной пьесы, на эстраду пробралась маленькая девочка и стала наизусть играть слышанное. Девочку обступили со всех сторон и, выслушав ее игру, стали расспрашивать ее: кто она, как и у кого она научилась играть и прочее. Оказалось, что девочка унаследовала талант и любовь к музыке от отца, что ей всего семь лет, что первые уроки музыки она брала у

учителя Велепольского во французском пансионе, куда была отдана родителями и что, наконец, она часто играет наизусть слышанное.

- У этой девочки выдающиеся способности; их надо развивать, - решили в один голос знотки-музыканты и уговорили отца маленькой пианистки поместить ее в Консерваторию, в приготовительный класс. Тут под руководством учителя фон Арка она и начала настояще свое музыкальное образование. Быстрые успехи, которые делала молоденькая пианистка, и необычайная любовь, которую она проявляла к музыке, заставили, однако, уже спустя полгода перевести ее в высший разряд, где вскоре она стала самой выдающейся ученицей.

Как-то раз знаменитый профессор фортепианной игры Лешетицкий, проходя мимо классов, был поражен, услышав удивительно стройную художественную игру. Он вошел туда и увидел юную ученицу, окруженную толпой слушательниц. Она сидела перед роялем и разыгрывала рапсодию Листа и ряд других очень трудных пьес.

- Вы играете хорошо, - сказал Лешетицкий, - но помните, что только, пройдя строгую школу музыки, можно достичь вполне безукоризненной игры. Советую вам потому еще поработать над собой раньше, нежели вы решитесь играть такие трудные вещи.

Юная пианистка послушалась совета и вместе с тем стала просить Лешетицкого принять ее в число его учениц, на что тот охотно согласился.

Этой ученицей Лешетицкого была Анна Николаевна Есипова, впоследствии одна из замечательнейших и известнейших пианисток и профессор фортепианной игры Санкт-Петербургской консерватории.

Обладая огромным музыкальным талантом, она вместе с тем еще в юные годы, годы учения в консерватории, поражала всех удивительной музыкальной памятью и исполняла наизусть самые трудные и сложные пьесы. Работала она над усовершенствованием своего таланта с необычайным усердием, целые дни проводя у рояля за исполнением самых трудных пьес, строго следя указаниям своего знаменитого учителя.

Несмотря на громадные успехи Есиповой, Лешетицкий долго не решался выпустить на эстраду свою талантливую ученицу.

- Вы должны сразу поразить своей игрой, - говорил он. И только в 1869 году, во время пребывания Есиповой за границей, позволил ей выступить в концерте в Зальцбурге. Успех был полный. Публика пришла в восторг.

Вскоре затем Есипова выступила в Петербурге, где ее успех был такой же блестящий, как и за границей.

Н.А.Ярошенко.
Портрет П.А.Стрепетовой

В.М.Васнецов. Аленушка

Уже после этого концерта Есипова держала выпускной экзамен в Консерватории, за который ей присуждена была золотая медаль.

С тех пор начинается артистическая деятельность Есиповой в качестве виртуозки-пианистки: ее имя становится известным в музыкальных кругах всей Европы. Затем она едет в Америку и там тоже достигает огромной славы, как одна из самых знаменитых пианисток в мире.

Уже знаменитой артисткой Есипова стала супругой своего бывшего профессора Лешетицкого, которому была обязана своим музыкальным образованием и успехами.

ПЕЛАГЕЯ СТРЕПЕТОВА

Это было в 1864 году.

Директор странствующей труппы драматических артистов, собирающейся дать ряд спектаклей в Новгороде, находился в некотором затруднении.

В пьесе, намеченной для первого спектакля, требовалась молодая крестьянская девушка, которая должна выйти на сцену, поставить поднос со стаканами и сказать всего три-четыре слова.

В небогатой труппе странствующих актеров все артистки в данной пьесе были заняты, да, кроме того, не было ни одной, которая сколько-нибудь походила бы на четырнадцатилетнюю девушку. Притом ни одна из этих артисток не согласилась бы - это директор знал по опыту - исполнять роль, в которой приходится исключительно только... выносить на сцену поднос...

Директор стал рассказывать о своем затруднении супфлеру труппы, и вот этот супфлер вспомнил, что накануне к директору приходила какая-то маленькая ростом, невзрачная девушка и спрашивала, не возьмут ли ее в "актрисы".

- Вот вы ей и предложите для первого дебюта, для пробы, так сказать, переодеться деревенской девушкой и вынести на сцену поднос: если у нее действительно талант, то он должен проявиться даже и в... вынесении подноса.

Директор послушался совета, и когда молодая девушка опять явилась в театр, он предложил ей сразу выступить в первом же представлении в роли крестьянской девушки-прислуги, предупреждая, однако, в чем, собственно, будет состоять ее роль.

- Все равно кого мне придется играть и какую вы мне дадите роль, - ответила молодая

девушка. - Я так люблю театр, сцену, что готова на все согласиться, лишь бы попасть на театральные подмостки. И я настолько убеждена в себе, что не сомневаюсь, что после этой роли вы мне дадите более трудную, более ответственную...

Директор пообещал, но... проходили недели, месяцы, а для новой артистки не находилось подходящей роли или, вернее, никто не верил в ее талант. Маленькие, иногда совсем без слов, так называемые выходные роли она исполняла добросовестно, но дать ей сколько-нибудь более сложную роль директор не решался, тем более что и внешность молодой девушки совершенно не располагала к себе: она была низенькая ростом, некрасивая, невзрачная и совсем не похожа на артистку.

Но для молодой девушки было главное - попасть на сцену, а там (так она решила) она уже сама пробьет себе дорогу. Исполняя сначала самые ничтожные роли, она тщательно, вне сцены, работала над усовершенствованием своего таланта: учila усердно наизусть стихи, упражнялась в декламации, читала постоянно вслух и т.п., с твердою верою, что рано или поздно пробьет себе дорогу на театральных подмостках.

И действительно, когда на следующий год она, уже с другой труппой, отправилась в Ры-

бинск, затем в Ярославль и Симбирск, ей стали поручать и более сложные, более видные роли, а когда после этого она попала в Москву, в "Народный театр", то стала там сразу видной артисткой и любимицей публики. Но громкая слава выпала на ее долю лишь тогда, когда она выступила впервые в новой пьесе Писемского "Горькая судьбина". И автор пьесы, и вся печать, и публика пришли в восторг от ее игры. Это было редкое, небывалое исполнение! Артистка так прониклась ролью, так глубоко ее прочувствовала, что ее игра невольно заставляла и других глубоко и сильно чувствовать. Артистка поднимала в одном общем порыве весь театр. "Это талант! настоящий талант, талант сердца!" - говорили и писали про исполнительницу Лизаветы в "Горькой судьбине". Вслед затем такой же успех выпал на ее долю в роли Катерины в "Грозе" Островского.

Эта актриса, начавшая свою карьеру с выношения подносов на сцену четырнадцатилетней девочкой и добившаяся затем славы одной из замечательнейших русских актрис, была Пелагея Антиповна Стрепетова.

Достигнув не только талантом, но и упорным трудом славы, она с одинаковым успехом выступала в Москве, Петербурге и провинции

и везде в течение многих лет пожинала лавры, как выдающаяся артистка.

Играла она почти исключительно в русских пьесах, и репертуар ее составляли преимущественно драмы Островского, Писемского и Потекина.

ЛИЗА ФЕДОРОВА- "УРАНОВА" (САНДУНОВА)

В придворном спектакле, в Эрмитажном театре в Петербурге, 29 января 1790 года давали ныне забытую оперу "Дианино древо", в которой, между прочим, есть небольшая роль Амура.

Для исполнения этой роли была назначена одна из воспитанниц театрального училища.

Когда на сцену вышла, одетая Амуром, стройная, черноволосая, с живыми и быстрыми глазами, выразительным лицом, грациозная молодая девушка и запела с необычайной нежностью, красотою и мощью довольно трудную арию, публика пришла в восторг.

- Кто эта молодая артистка? - спросила сидевшая в первом ряду императрица Екатерина II директора театра Соймонова.

- Это воспитанница театрального училища, - ответил тот.

- Ученица? - переспросила государыня. - Я никогда не подозревала, что в театральном училище имеются такие замечательные ученицы. Позовите ее, я хочу ее поздравить.

Спустя несколько минут смущенный Амур стоял перед императрицей.

- Как тебя зовут? - спросила государыня.

Юная артистка так растерялась, что не могла вымолвить своей фамилии.

- Ты явилась на сцену точно планета Уран, которую ученые недавно отыскали совершенно случайно, - сказала ласково императрица. - И раз, как я вижу, у тебя нет фамилии, - прибавила государыня, - то отныне ты будешь называться в честь этой кометы "Уранова".

Так началась оперная карьера одной из самых выдающихся певиц времен императрицы Екатерины II, по воле государыни получившей театральную фамилию Урановой.

Настоящая ее фамилия была Федорова. Она была дочь небогатых родителей, родилась в Петербурге в 1777 году и уже в очень ранние годы стала проявлять удивительный слух и способности к пению. Когда девочке пошел девятый год, родители повели ее в театральное училище, куда принимали тогда бесплатно де-

тей, проявлявших музыкальные способности, чтобы сделать из них впоследствии артистов и артисток. Юная Лиза Федорова была принята в числе первых. Учителем ее был по драматическому искусству знаменитый актер Дмитревский; уроки же пения давали - придворный капельмейстер Мартини и учителя-итальянцы Паэзилло и Сарти. У юной ученицы оказался прекрасный голос mezzo-soprano, редкой силы и красоты. Когда решено было поставить в придворном спектакле оперу "Дианино древо" и для исполнения роли Амура потребовалась молоденькая девушка-певица, выбор пал на Федорову.

Дебютантка, выступившая с таким успехом, стала сразу любимицей публики и двора. Императрица очень благоволила к ней, интересовалась ее успехами. Когда спустя год Федорова окончила театральное училище, государыня велела зачислить Федорову-Уранову в труппу сразу с довольно крупным жалованьем.

Но тут для молодой артистки начались не приятности. Она еще ученицей театрального училища посваталась с артистом придворного театра Силою Сандуновым, которого полюбила с пылом молодости, и ждала лишь окончания курса, чтобы обвенчаться. Но всесильный в то время князь Безбородко решил воспрепятство-

вать браку, и тогдашние директора театров Соймонов и Храповицкий, желая угодить князю Безбородко, исключили жениха юной певицы из труппы. Федорова-Уранова решилась искать защиты у императрицы. Зная, что ее так легко не допустят во дворец, она прибегла к очень оригинальному способу, чтобы обратить внимание Екатерины. Исполняя роль Дуняши во время первой постановки оперы "Федул с детьми", Федорова по окончании одной арии, по содержанию своему отчасти подходившей к данному случаю, вдруг пала на колени и протянула руку с просьбой к императорской ложе, где находилась Екатерина II, и продекламировала:

Милосерда королева!
Не имей на нас ты гнева,
Что тревожим твой покой;
Жалобу тебе приносим
И усердно, слезно просим:
Нас обидел барин злой!

Прочитав просьбу, императрица позвала к себе в ложу Федорову, внимательно выслушала ее и немедленно сменила обоих директоров; юной же артистке не только разрешила брак, но и наградила богатым приданым и приказала, чтобы венчание происходило в придворной церкви.

Став женою Сандунова, молодая артистка стала уже выступать под фамилией мужа. Успех ее рос из года в год.

Императрица Екатерина не пропускала ни одной оперы, в которой выступала ее любимица, и часто перед спектаклем повторяла:

- Посмотрим, чем нас обрадует сегодня наша планета.

Прозвище "планета" осталось за Сандуновой до самой ее смерти, последовавшей в преклонных годах, в 1832 году.

В течение тридцатиреходней сценической деятельности Уранова-Сандунова исполнила триста двадцать ролей, восхищая своих слушателей и замечательным голосом, и удивительной игрой. Особенный успех она имела в русских операх и из русской народной жизни. Благодаря Сандуновой публика впервые услыхала на сцене родные русские мотивы в мастерской передаче, полной огня и воодушевления, невольно передававшихся и слушателям.

ЮЛЯ ЖАДОВСКАЯ

Природа обидела ее физически: она родилась без левой руки и только с тремя пальцами

на правой. К тому же в нежном возрасте, двух лет от роду, она лишилась матери.

Природный недостаток и тяжелое сиротство заставили ее почувствовать печальное положение и запечатлели в сердце ее вечную грусть, но не могли заглушить ее выдающихся способностей.

А эти способности проявились у нее очень рано: на шестом году, почти шутя, при помощи своей бабушки, она научилась читать, а писать выучилась сама, потому что бабушка, ввиду физического недостатка своей внучки, не решалась приступить к обучению этого предмета.

Любознательная девочка-калечка и сирота рано стала обнаруживать любовь к чтению и перечитывала без разбора все книги и журналы, какие только находила в доме бабушки.

Так прошли первые годы до тринадцатилетнего возраста, когда она переехала жить к тетке, которая позаботилась дать племяннице некоторое образование, ознакомила ее с французским языком, элементарными сведениями из истории, географии и т.д.

Пятнадцать лет ее отвезли в Кострому и поместили в частный пансион для девиц. Тутто она вскоре обнаружила недюжинные дарования и любознательность. Особенный интерес для нее представляли уроки русского языка. Когда пансион за недостатком средств закрыл-

ся, она отправилась в Ярославль, к отцу, который пожелал, чтобы дочь его дома продолжала занятия по словесности, и с этой целью пригласил молодого преподавателя Перевлесского (впоследствии профессора Александровского лицея, получившего известность своими трудами по русскому языку и словесности). Молодой учитель и его ученица влюбились друг в друга, но отец ученицы и слышать не хотел о браке дочери с бывшим семинаристом и бедным педагогом. Кроткая девушка беспрекословно покорилась воле отца и, расставшись с любимым человеком, все свое горе стала изливать в нежных, полных грусти стихотворениях, а затем в романах, мотивом которых служило оплакивание любви, задущенной в расцвете, воспоминания о любимом человеке и смиренное преклонение перед судьбой...

Выражая свои думы и чувства в стихах, она прочитывала их только своей подруге, двоюродной сестре, живущей в доме ее отца. Случайно как-то отец узнал о стихотворстве своей дочери, серьезно отнесся к произведениям ее творчества, решился дать ход ее дарованию и с этой целью отправился с ней в Москву и Петербург, где они познакомились со многими писателями. И вскоре ее стихи, а затем романы

стали появляться на страницах журналов и были встречены очень радушно.

Такова история жизни одной из известных русских писательниц, поэтесс и романисток - Юлии Валериановны Жадовской, полное собрание сочинений которой составляет десять довольно объемистых томов.

“Боролась я долго с суровой судьбой, душа утомилась неравной борьбой!” - говорит Жадовская в одном из своих стихотворений. И действительно, судьба сурово отнеслась к печальной девушке-калеке, одно лишь дав ей утешение, что ее жизнь не пропала даром, что ее стихотворения много-много лет читаются любителями поэзии, в особенности, однако, теми несчастными, которые в стихах Жадовской находят как бы эхо собственных своих горестей и страданий...

Задушевность, полная искренность чувства и спокойная простота его выражений, вот, по мнению Добролюбова, главные достоинства стихотворений Жадовской.

Прошло уже больше пятидесяти лет с тех пор, как Жадовская стала печатать свои стихотворения (она родилась в 1824 году, скончалась в 1883 году), но и до сих пор во всех сборниках стихотворений русских поэтов встречаются ее задушевные стихи.

КАТЕНЬКА СУМАРОКОВА (КНЯЖНИНА)

Среди молодых девушек, дочерей сановников и других знатных лиц, приглашаемых ко двору императрицей Елизаветой Петровной, во второй половине XVIII века обращала на себя общее внимание четырнадцатилетняя дочь известного в то время писателя, издателя журнала "Трудолюбивая пчела" и директора первого петербургского театра Сумарокова Екатерина Александровна.

Почти всегда на придворных собраниях молодая девушка вела оживленные беседы с знаменитыми учеными, писателями и общественными деятелями того времени, как Ломоносов или Шувалов, которые очень охотно разговаривали с ней, удивляясь ее уму и знаниям.

Другие знатные девушки, бывавшие при дворе, сторонились Екатерины, боялись в ее присутствии сказать лишнее слово, не желая стать в ее глазах смешными своими наивными разговорами о городских сплетнях, модных нарядах или придворных интригах, в то время как она всегда говорила о поэзии, о литературе.

- Умница, удивительная умница Катенька Сумарокова! - отзывался часто Ломоносов.

Действительно, молоденькая Сумарокова резко отличалась от других девушек: не по летам образованная, начитанная, понятливая, она свободно могла вести разговор на разные темы с самыми серьезными людьми, чего никак не в состоянии были делать ее сверстницы.

Отец очень гордился своей Катенькой, которую он, когда она была еще совсем маленькой девочкой, сам учил грамоте, письму и стихотворству (или "пийтике", как тогда говорили). Понятливая, способная девочка охотно усваивала все то, что ей передавал отец-учитель.

Под влиянием этих уроков у Катеньки явилось желание самой начать писать стихи. Но когда она показала первые опыты своего пера отцу, тот возмутился.

- К девицам это нейдет! - говорил он. - Благовоспитанная девица может восторгаться стихами, может учить их наизусть, но только самой сочинять, да еще амурные стихи, - это просто неприлично!

Сам писатель, Сумароков принадлежал, однако, к поколению, которое считало, что женщина - особое существо, для которого недопустимы многие занятия, свойственные, как

он думал, одним мужчинам. К числу таких “занятий” Сумароков причислял и стихотворство. И в то время среди русских женщин действительно не было еще ни одной писательницы.

Но Катенька не могла удержаться и продолжала “сочинять” стихи тайком от отца.

Стихи молодой девушки, как нечто новое, небывалое в России, стали обращать на себя внимание - и в обществе, и при дворе.

В числе других лиц, обративших внимание на стихи Катеньки Сумароковой, был известный тогда писатель Княжнин. Он сблизился с юной поэтессой, стал заниматься с ней литературой, читал ей и свои, и чужие стихотворения, тихонько от отца поправлял ей ее собственные произведения, которые девушка, при его содействии, и печатала в издававшемся тогда в Петербурге журнале “Грудолюбивая пчела”. Печатала Сумарокова эти стихотворения без подписи, и отец долго не знал, кто автор помешавшихся в издаваемом им же самим журнале стихов и песен, к которым известным тогда композитором Раупахом была даже сочинена музыка. Узнав о “проделках” дочери, он очень рассердился и потребовал, чтобы впредь Катенька, по крайней мере раньше чем написать что-нибудь, советовалась с ним и чтоб она со-

чиняла всегда эти стихи от лица мужчины, дабы никто не мог заподозрить, что это произведения девичьего пера...

Этот “запрет” отца еще больше увеличил славу юной Сумароковой в обществе и усилил интерес к ее произведениям.

Вскоре Сумарокова вышла замуж за Княжнина - того самого, который так поощрял ее литературные занятия, - и уже стала писать “без контроля” со стороны отца.

Из-под пера Сумароковой не вышло, правда, ни одного крупного, выдающегося произведения, тем не менее нельзя не вспомнить об этой первой русской писательнице, ставшей писательницей уже в ранние, девичьи ее годы.

Приложение I.

*Русские писатели о героях этой книги
и других юных славных
наших соотечественницах*

A.I.Герцен

КНЯГИНА
ЕКАТЕРИНА РОМАНОВНА ДАШКОВА

Из очерка

“Очень бы мне хотелось, - пишет мисс Катрин Вильмот своим родным в Ирландию из деревни Дашковой, - чтоб вы могли взглянуть на самую княгиню. В ней все, язык и платье, - все оригинально; что б она ни делала, она решительно ни на кого не похожа. Я не только не видывала никогда такого существа, но и не слыхивала о таком. Она учит каменщиков класть стены, помогает делать дорожки, ходит кормить коров, сочиняет музыку, пишет статьи для печати, знает до конца церковный чин и поправляет священника, если он не так молится, знает до конца театр и поправляет своих

домашних актеров, когда они сбиваются с роли; она доктор, аптекарь, фельдшер, кузнец, плотник, судья, законник; она всякий день делает самые противоположные вещи на свете - ведет переписку с братом, занимающим одно из первых мест в империи, с учеными, с литераторами, с жидами, с своим сыном, со всеми родственниками. Ее разговор, увлекательный по своей простоте, доходит иногда до детской наивности. Она, нисколько не думая, говорит разом по-французски, по-итальянски, по-русски, по-английски, путая все языки вместе. Она родилась быть министром или полководцем, ее место во главе государства”.

Все это верно, но мисс Вильмот забывает, что сверх того Дашкова родилась женщиной и женщиной осталась всю жизнь. Сторона сердца, нежности, преданности была в ней необыкновенно развита. Для нас особенно важно. Дашковою русская женская личность, разбуженная петровским разгромом, выходит из своего затворничества, заявляет свою способность и требует участия в деле государственном, в науке, в преобразовании России - и смело становится рядом с Екатериной.

В Дашковой чувствуется та самая сила, не совсем устроенная, которая рвалась к просторной жизни из-под плесени московского застоя,

что-то сильное, многостороннее, деятельное петровское, ломоносовское, но смягченное аристократическим воспитанием и женственностью.

Екатерина II, делая ее президентом Академии, признала политическое равенство обоих полов, совершенно последовательное в стране, принимавшей гражданскую правомерность женщин, остающихся на Западе прикрепленными к мужьям или в вечном несовершеннолетии.

В русской истории, бедной личностями, записки женщины, участвовавшей на первом плане в перевороте 1762 года и видевшей возле все события от смерти Елизаветы до Тильзитского мира, чрезвычайно важны, тем больше что мы очень мало знаем наше XVIII столетие...

В 1744 году императрица Елизавета и великий князь Петр Федорович крестили дочь Екатерину, родившуюся у графа Романа Воронцова, брата великого канцлера...

Когда императрициной крестнице минуло четырнадцать лет, у нее сделалась корь. Корь и оспа были не шуткой в те времена, а чуть не государственным преступлением, - корь, оспа могли пристать к Павлу Петровичу - к этой будущей надежде всей России! Особый указ воспрещал всякое сношение с двором семьям, в которых была страшная болезнь. Нашу большую графиню поскорее уложили и отправили в

деревню за семьдесят верст, полагать надобно, что воздух тогда не был вреден для кори. С графиней послали старуху немку и чопорную вдову русского майора; умная, бойкая и живая девочка, выздоровевшая от кори, чуть не умерла от скуки с своими собеседницами; по счастию, она нашла в деревне довольно значительную библиотеку. Четырнадцатилетняя графиня знала четыре языка, кроме русского, которого она не знала и которому порядком выучилась, бывши замужем, в угоджение своей свекрови. Принялась она вовсе не за романы, а за Вольтера, Бейля и пр. Чтение у нее превратилось в страсть, тем не менее книги не разогнали ее тоски, она грустит и возвращается в Петербург томной, нездоровой. Императрица посыпает к ней своего доктора, и этот доктор - Боэргав; он говорит, что это ничего, что тело здорово, но что воображение больно... словом, что ей четырнадцать лет.

После Боэргава родные со всех сторон бросаются на бедную девушку и с неутомимой жестокостью принимаются ее рассеивать, утешать, кормить; мучат ее расспросами, советами. А она просит об одном - чтоб ее оставили в покое, она тогда читала "De l'entendement" ("О разуме"; фр. - Ред.) Гельвеция.

Лекарство вскоре нашлось само собою.

Раз вечером графиня, довольно свободно располагавшая собой, отправляется к Самариной, остается у нее ужинать, приказав прислать за собой карету. В одиннадцать часов вечера она выходит, карета подана; но ночь так хороша, на улицах никого нет, и она идет пешком, сопровождаемая сестрой Самариной. На углу встречается высокий, стройный мужчина, он знаком с ее провожатой, начинает с ней говорить и обращает несколько слов к графине.

Графиня приходит домой и мечтает о прекрасном офицере. Офицер приезжает к себе, влюбленный в прекрасную графиню.

Зачем терять золотое время, графиня уже не ребенок, это было в 1759 году, ей пятнадцать лет; офицер молод, богат, блестящ, очень высок, служит в Преображенском полку, принадлежит к старинной фамилии. Родные благословляют, поместья позволяет - их женят. И наша графиня делается княгиней Дашковой...

Двадцать восьмого июля 1761 года переехали Дашковы в Петербург.

...Порывистая Дашкова и не думала скрывать своего предпочтения к Екатерине. Великий князь заметил это и, спустя несколько дней, отвел раз Дашкову в сторону и сказал ей "с простотой своей головы и с добротой своего сердца", как она выражается: "Помните, безо-

паснее иметь дело с честными простаками, как ваша сестра и я, чем с большими умами, которые выжмут из вас сок до капли, а потом, как апельсинную корку, выбросят за окно".

Дашкова, отклоняя речь, заметила ему, что императрица настоятельно изъявила свое желание, чтоб они одинаковым образом оказывали уважение как его высочеству, так и великой княгине.

Тем не менее ей было необходимо являться иногда на великокняжеские куртажные попойки. Характер этих праздников был немецко-казарменный, грубый и пьяный. Петр Федорович, окруженный своими голштинскими генералами (то есть, по словам Дашковой, капралами и сержантами прусской службы, детьми немецких мастеровых, которых родители не знали куда деть за беспутство и отдали в солдаты), не выпуская трубки изо рта, напивался иногда до того, что лакеи его выносили на руках.

Раз за ужином при великой княгине и многочисленных гостях зашла речь о сержанте гвардии Челищеве и о предполагаемой связи, которую он имел с графиней Гендриковой, племянницей императрицы; великий князь, уже сильно опьяневший, заметил, что Челищеву следовало бы отрубить голову для примера другим офицерам, чтоб они не заводили шаш-

ней с царскими родственницами. Голштинские сикофанты изъявили всевозможными знаками свое одобрение и сочувствие, Дашкова не могла выдержать, чтоб не заметить, что ей кажется очень бесчеловечным казнить за такое неважное преступление.

- Вы еще ребенок, - отвечал великий князь, - ваши слова доказывают это лучше всего, иначе вы бы знали, что скупиться на казни - значит поощрять неподчиненность.

- Ваше высочество, - отвечала Дашкова, - вы пугаете нас нарочно; за исключением старых генералов, мы все, имеющие честь сидеть за вашим столом, принадлежим к поколению, никогда не видавшему смертной казни в России.

- Это ничего не значит, - возразил великий князь, - хорош зато был и порядок во всем. Говорю вам, что вы еще дитя и ничего не смыслите в этих делах.

Все до одного молчали.

- Я готова, - отвечала Дашкова, - сознаться, что не в состоянии понять их; но не могу не радоваться при мысли, что ваша тетушка еще здравствует и занимает престол.

Глаза всех обратились на смелую женщину. Великий князь ничего не отвечал; он удовлетворился только тем, что высунул язык, - милая шутка, которую он часто употреблял вместо ответа, особенно будучи в церкви.

Разговор этот, начавший политическую карьеру Дашковой, замечателен, сверх всего, тем, что эти нероновские речи говорил самый кроткий в мире человек, никогда никого не казнивший. За столом было множество гвардейских и кадетских офицеров, слова Дашковой разнеслись с быстротой молнии по всему городу. Они приобрели ей большую известность, которую она сначала не умела ценить и которая сделала из нее один из центров, и чуть ли не главный, около которого собирались недовольные офицеры. На первый случай Дашкова была в восхищении от того, что великой княгине чрезвычайно понравился ее ответ. "Время, - грустно прибавляет она, - не научило еще меня тогда, как опасно говорить правду государям; если они и могут иногда это простить - то царедворцы никогда не прощают".

Дружба ее к Екатерине растет. Елизавета жила тогда в Петергофе, там раз в неделю великой княгине было разрешено видеть своего сына. Возвращаясь из дворца, она обыкновенно заезжала за Дашковой, брала ее с собой и оставляла на весь вечер. Когда ей нельзя было заехать, она писала к ней коротенькие записочки; отсюда возникла их дружеская, интимная переписка, продолжавшаяся и после отъезда с дачи. Они пишут о литературе, о мечтах, пишут о Вольтере и о Руссо, стихами и прозой...

...Мисс Мери Вильмот приняла предложение княгини Дашковой погостить у нее год-другой. Мисс Мери не знала лично Дашковой, но (она была племянница мистрис Гамильтон) с детства наслышалась об этой необыкновенной женщине - о том, как она осьмнадцати лет стояла во главе заговора, как носилась на коне перед возмущившимися полками, как потом жила в Англии и гостила в Ирландии, была президентом Академии и писала страстные письма к Гамильтон. Молодая девушка представляла себе ее чем-то фантастическим, "феей и отчасти колдуньей" - и именно потому решилась (в 1803 г.) к ней ехать...

Мисс Мери с первого дня совершенно под ее влиянием, сама удивляется этому, сердится на себя, но не может противостоять влечению к славной старушке. Ей все нравится в ней, даже ее ломаный английский язык, придающий что-то детское ее речам."Лета и жизнь, - говорит она, - успокоили и смягчили ее черты, и гордое выражение их, еще оставившее легкие следы, сменилось снисходительностью".

Но ведь как же и полюбила ее Дашкова! Она ее любит страстно, как некогда Екатерину. Свежесть чувств, их женская нежность, потребность любви и столько юности сердца в шестьдесят лет - изумительны. Внимательность матери, внимательность сестры, любовницы -

вот что находит мисс Мери в Троицком. Чтоб ее рассеять, Дашкова едет в Москву, возит ее по балам, показывает монастыри, представляет императрицам, украшает цветами ее комнату, проводит вечера с ней, читая письма Екатерины и других знаменитостей.

Мисс Вильмот просит ее, умоляет писать свои записки. "И то, - говорит Дашкова, - чего я никогда не хотела сделать ни для родных, ни для друзей, я делаю для нее". Она ей и посвящает свои записки...

Полная пустота... окружила последние дни нашей княгини. Ее мысли обращены к молодой девушке с грустью и мечтательной нежностью, от которой становится больно и тяжело; как-то ясно чувствуется, что этой грусти не будет больше утешения.

"Что я скажу вам... - пишет она 25 октября 1809 года, - что бы не огорчило вас? Я печальна, очень печальна, слезы текут из глаз моих, и я никак не могу привыкнуть к нашей разлуке. Я построила несколько мостов, насаждала несколько сот деревьев, говорят, что удачно; меня все это рассеивает на минуту, но горесть моя снова возвращается".

Октября 29 она пишет: "И как все переменилось после вас в Троицком. Театр закрыт, не было ни одного представления, фортепьяны

молчат, и даже горничные не поют. Но зачем я говорю это вам, вы окружены родными, счастливы, довольны..."

Она пишет ей еще несколько строк 6 ноября и оканчивает свое письмо английским "god bless you!" (да благословит вас Бог; англ. - Ред.).

Знала ли Мери, что благословение это было сделано умирающей рукой? Меньше нежели через два месяца, и именно 4 января 1810 года, не стало княгини Екатерины Дашковой.

Пять лет до своей смерти, 27 октября 1805 года, она так заключила свои записки: "С честным сердцем и чистыми намерениями мне пришлось вынести много бедствий; я сломилась бы под ними, если б моя совесть не была чиста... Теперь я гляжу без страха и беспокойства на приближающееся разрушение мое".

Какая женщина! Какое сильное и богатое существование!

А.С.Пушкин

ЗАПИСКИ Н.А.ДУРОВОЙ

Modo vir, modo foemina. Ov.
То мужчина, то женщина.
Овидий (лат. - Ред.)

В 1808 году молодой мальчик, по имени Александров, вступил рядовым в Конно-

польский уланский полк, отличился, получил за храбрость солдатский Георгиевский крест и в том же году произведен был в офицеры в Мариупольский гусарский полк. Впоследствии перешел он в Литовский уланский и продолжал свою службу столь же ревностно, как и начал.

По-видимому, все это в порядке вещей и довольно обыкновенно; однако ж это самое наделало много шума, породило много толков и произвело сильное впечатление от одного нечаянно открывшегося обстоятельства: корнет Александров был девица Надежда Дурова.

Какие причины заставили молодую девушку, хорошей дворянской фамилии, оставить отеческий дом, отречься от своего пола, принять на себя труды и обязанности, которые пугают и мужчин, и явиться на поле сражений - и каких еще? Наполеоновских! Что побудило ее? Тайные семейные огорчения? Воспаленное воображение? Врожденная, неукротимая склонность? Любовь?.. Вот вопросы, ныне забытые, но которые в то время сильно занимали общество.

Ныне Н.А.Дурова сама разрешает свою тайну. Удостоенные ее доверенности, мы будем издателями ее любопытных записок. С неизъяснимым участием прочли мы признания женщины столь необыкновенной; с изумлением

увидели, что нежные пальчики, некогда сжимавшие окровавленную рукоять уланской сабли, владеют и пером быстрым, живописным и пламенным. Надежда Андреевна позволила нам украсить страницы "Современника" отрывками из журнала, веденного ею в 1812-13 году. С глубочайшей благодарностию спешим воспользоваться ее позволением.

A.H. Островский

СТРЕПЕТОВА

Из записки о состоянии петербургского
Александринского театра

Для драмы в Петербурге в настоящее время примирающая актриса - П.А.Стрепетова. Как природный талант, это явление редкое, феноменальное; но сфера, в которой ее талант может проявляться с особенным блеском, чрезвычайно узка, и потому она, как говорится, держать драмы не может. Болезненная, бедная физическими силами, неправильно сложенная, она из сценических средств имеет только гибкий, послушный голос и дивной выразительности глаза. Она не имела школы, не видала образцов и молодость свою провела в провинции;

при ее средствах ей доступны только те роли драматического репертуара, где не требуется ни красоты, ни грации, ни изящных манер, ни величавой представительности. Ее среда - женщины нижнего и среднего классов общества; ее пафос - простые, сильные страсти; ее торжество - проявление в женщине природных инстинктов, стихийных сил, которые в цельных, непосредственных натурах мгновенно преображают весь организм и дают ему именно те формы звука и жеста, которые составляют полнейшее и, следовательно, изящнейшее телесное отражение известного душевного импульса, - те формы, которые так жадно ловят истинные художники, с любовью наблюдающие природу, и которые так неоценно дороги всем, осчастливленным чувством изящного. Стрепетова не усиливает петербургской труппы, не составляет с ней одного целого; она как будто лишняя, посторонняя, точно гостья, приехавшая на пятьдесят спектаклей. Попытки ввести ее в текущий репертуар так и останутся попытками. Особенности ее таланта слишком исключительны в артистическом мире; пьесы, в которых она может показать лучшие стороны своего дарования, должны быть очень сильны и правдивы и, кроме того, приоровлены к ее средствам; такие пьесы часто появляются не могут. Старым

же ее репертуаром начальство пользоваться настоящим образом не умеет или не желает. Пьесы, ставшие классическими в русском репертуаре, которых исполнение главным образом и сделало славу Стрепетовой, ставятся для нее с возмутительной небрежностью в декоративном и во всех отношениях, - назначаются или экспромтом, в перемену за другую пьесу, или под большие праздники, например под Покров, в последние дни перед рождественским сочельником, и обставляются теми бездарностями, которых так много на петербургской сцене и которые давно надоели публике. Поэтому пьесы, в которых так сильна Стрепетова, не производят на зрителя полного впечатления, какого бы следовало ожидать от ее громадного таланта; чувство удовольствия у зрителя отравляется негодованием, вызываемым ясно выраженным неуважением к автору пьесы, к артистке и к достоинству сцены. Как искусная оправа возвышает блеск драгоценного камня, так и прличная обстановка возвышает блеск сценического таланта; пьеса, строго срепетованная, поставленная верно и изящно в декоративном отношении, обставленная лучшими силами труппы, с Стрепетовой в главной роли, была бы праздником для людей с развитым, изящным вкусом; но тут та невыгода, что этим

праздником еще более оттенится скучность обыкновенных, будничных спектаклей петербургской драматической труппы, - пьесы, которые репертуарное начальство старается навязывать публике, и исполнение их покажется еще скучней, и праздник имел бы вид дорогой заплаты на бедном, ветхом рубище.

С. Т. Аксаков

О РОМАНЕ Ю. ЖАДОВСКОЙ
“В СТОРОНЕ ОТ БОЛЬШОГО СВЕТА”

В “Русском вестнике” напечатан небольшой роман, или повесть, или рассказ о жизни деревенской девушки до замужества, под названием “В стороне от большого света”, сочинения Юлии Жадовской, вероятно, той самой, которой стихи, всегда с сочувствием и удовольствием, мы встречаем в наших журналах. Новое сочинение г-жи Жадовской принадлежит к роду так называемых мемуаров, или воспоминаний. Мы спешим радушно приветствовать сочинительницу на новом поприще, спешим высказать впечатления, которые произвело на нас чтение этого рассказа. В нем нет ничего блестящего, глубокого и сильно действующего на читателя; но есть много простоты, много

правды и неподдельного чувства; а это такие достоинства, которые не часто встречаются в произведениях нашей беллетристики. Содержание ничего не имеет в себе особенного, да и нет в том никакой надобности. Жизнь всегда интересна. Г-жа Жадовская рассказывает то, что видела, что пережила, что перечувствовала. Язык у ней везде хороший, а в некоторых местах, несмотря на свою простоту, делается выразителен и живописен. Достоинство рассказа не везде одинаково. Он слабеет там, где сочинительница менее сочувствует обстоятельствам, которые описывает. Она не владеет еще искусством придавать пошлым мелочам интерес художественного представления. Но все соприкосновения с деревенским бытом, с природою, даже с зимнею безотрадною природой, переданы прекрасно. Особенно хороши ожидания и встреча Пасхи, свадьба героини романа и окончание рассказа - эти места имеют художественное достоинство. Некоторые женские личности очерчены очень удачно, и всех лучше тетка - благодетельница сироты; но таинственный Тарханов и магнетический Данаров не похожи на действительных людей, это не живые лица; черты их неопределенные, неясны и загадочны. Вероятно, сочинительница не выдумала придать им более интереса загадочностью их физиономии.

мий, то это большая ошибка: что не ясно для понимания, то не возбуждает сочувствия. Мы написали не разбор, а коротенький отзыв о новом сочинении г-жи Жадовской, которое, по своей замечательности, имеет полное право на подробную критическую оценку.

Марина Цветаева

Свою первую книгу "Вечерний альбом" поэтесса посвятила Марии Башкирцевой, особо выделив то стихотворение, в котором ее образ возникает словно сотканный действительно из самих сумерек:

Вечерний дым над городом возник,
Куда-то вдаль покорно шли вагоны,
Вдруг промелькнул, прозрачней анемоны,
В одном из окон полудетский лик.

.....

С той девушкой у темного окна
- Виденьем рая в сутолке вокзальной
Не раз встречалась я в долинах сна.
Но почему она была печальной?
Чего искал прозрачный силуэт?
Быть может ей - и в небе счастья нет?

И.С. Тургенев

ПАМЯТИ Ю.П.ВРЕВСКОЙ

На грязи, на вонючей сырой соломе, под навесом ветхого сарая, на скорую руку превращенного в походный военный госпиталь, в разоренной болгарской деревушке - с лишком две недели умирала она от тифа.

Она была в беспамятстве - и ни один врач даже не взглянул на нее; больные солдаты, за которыми она ухаживала, пока еще могла держаться на ногах, поочередно поднимались с своих зараженных логовищ, чтобы поднести к ее запекшимся губам несколько капель воды в черепке разбитого горшка.

Она была молода, красива; высший свет ее знал; об ней осведомлялись даже сановники. Дамы ей завидовали, мужчины за ней волочились... два-три человека тайно и глубоко любили ее. Жизнь ей улыбалась; но бывают улыбки хуже слез.

Нежное кроткое сердце... и такая сила, такая жажда жертвы! Помогать нуждающимся в помощи... она не ведала другого счаствия... не ведала - и не изведала. Всякое другое счастье прошло мимо. Но она с этим давно помиралась - и вся, пылая огнем неугасимой веры, отдалась на служение ближним.

Какие заветные клады скоронила она там, в глубине души, в самом ее тайнике, никто не знал никогда - а теперь, конечно, не узнает.

Да и к чему? Жертва принесена... дело сделано.

Но горестно думать, что никто не сказал спасибо даже ее трупу - хоть она сама и стыдилась и чуждалась всякого спасибо.

Пусть же не оскорбится ее милая тень этим поздним цветком, который я осмеливаюсь возложить на ее могилу!

Н.А. Некрасов

Есть женщины в русских селеньях
С спокойною важностью лиц,
С красивою силой в движеньях,
С походкой, со взглядом цариц, -
Их разве слепой не заметит,
А зрячий о них говорит:
“Пройдет - словно солнце осветит!
Посмотрит - рублем подарит!”
Идут они той же дорогой,
Какой весь народ наш идет,
Но грязь обстановки убогой
К ним словно не липнет. Цветет
Красавица, миру на диво,
Румяна, стройна, высока,
Во всякой одежде красива,
Ко всякой работе ловка.

И голод, и холод выносит,
Всегда терпелива, ровна...
Я видывал, как она косит:
Что взмах - то готова копна!
В игре ее конный не словит,
В беде не сроеет - спасет:
Коня на скаку остановит,
В горящую избу войдет!

Н.В.Гоголь

— ЖЕНЩИНА В СВЕТЕ
Письмо к А. или С. Виельгорским

Вы думаете, что никакого влияния на общество иметь не можете; я думаю напротив. Влияние женщины может быть очень велико, именно теперь, в нынешнем порядке или беспорядке общества, в котором, с одной стороны, представляется утомленная образованность гражданская, а с другой - какое-то охлаждение душевное, какая-то нравственная усталость, требующая оживотворения. Чтобы произвести это оживотворение, необходимо содействие женщины. Эта истина в виде какого-то темного предчувствия пронеслась вдруг по всем углам мира, и все чего-то теперь ждет от женщины. Оставивши прочее в сторону, посмотрим на нашу Россию, и в особенностях на то, что у нас

так часто перед глазами, - на множество всякого рода злоупотреблений. Okажется, что большая часть взяток, несправедливостей по службе и тому подобного, в чем обвиняют наших чиновников и нечиновников всех классов, произошла или от расточительности их жен, которые так жадничают блистать в свете большом и малом и требуют на то денег от мужей, или же от пустоты их домашней жизни, преданной каким-то идеальным мечтам, а не существу их обязанностей, которые в несколько раз прекрасней и возвышенней всяких мечтаний. Мужья не позволили бы себе и десятой доли произведенных ими беспорядков, если бы их жены хотя сколько-нибудь исполняли свой долг. Душа жены - хранительный талисман для мужа, оберегающий его от нравственной заразы; она есть сила, удерживающая его на прямой дороге, и проводник, возвращающий его с кривой на прямую; и наоборот, душа жены может быть его злом и погубить его навеки. Вы сами это почувствовали и выразились об этом так хорошо, как до сих пор еще никогда не выражались никакие женские строки. Но вы говорите, что всем другим женщинам предстоит поприща, а вам нет. Вы им видите работу повсюду, или исправлять и поправлять уже испорченное, или заводить вновь что-нибудь нужное, словом -

всячески помогать, а себе одной только не видите ничего и грустно повторяете: "Зачем я не на их месте!" Знайте же, что это общее ослепление всех. Всякому теперь кажется, что он мог бы наделать много добра на месте и в должности другого, и только не может сделать его в своей должности. Это причина всех зол. Нужно подумать теперь о том всем нам, как на своем собственном месте сделать добро. Поверьте, что Бог недаром повелел каждому быть на том месте, на котором он теперь стоит. Нужно только хорошо осмотреться вокруг себя. Вы говорите, зачем вы не мать семейства, чтобы исполнять обязанности матери, которые вам представляются теперь так ясно; зачем не расстроено ваше имение, чтобы заставить вас ехать в деревню, быть помещицей и заняться хозяйством; зачем ваш муж не занят какой-нибудь общеполезною трудной должностью, чтобы вам хоть здесь ему помогать и быть силой, его освежающей, и зачем, вместо всего этого, предстоят вам одни пустые выезды в свет и пустое, выдохшееся светское общество, которое теперь вам кажется безлюднее самого безлюдья. Но тем не менее свет все же населен; в нем люди, и притом такие же, как и везде. Они и болеют, и страждут, и нуждаются, и без слов воплют о помощи, - и, увы! да-

же не знают, как попросить о ней. Какому же нищему следует прежде помогать: тому ли, кто еще может выходить на улицу и просить, или же тому, который не в силах уже и руки протянуть? Вы говорите, что даже не знаете и не можете придумать, чем вы можете быть кому-нибудь полезны в свете; что для этого нужно иметь столько всякого рода орудий, нужно быть такой и умной и всезнающей женщиной, что у вас уже кружится голова при одном помышлении обо всем этом. А если для этого нужно быть только тем, чем вы уже есть? А если у вас уже есть именно такие орудия, которые теперь нужны? Все, что вы ни говорите о самой себе, совершенная правда: вы, точно, слишком молоды, не приобрели ни познанья людей, ни познанья жизни, словом - ничего того, что необходимо, дабы оказывать помощь душевную другим; может быть, даже вы и никогда этого не приобретете; но у вас есть другие орудия, с которыми вам все возможно. Во-первых, вы имеете уже красоту, во-вторых - неопозоренное, неоклеветанное имя, в-третьих - власть, которой сами в себе не подозреваете, - власть чистоты душевной. Красота женщины еще тайна. Бог недаром повелел иным из женщин быть красавицами; недаром определено, чтобы всех равно поражала красота, - даже и

таких, которые ко всему бесчувственны и ни к чему не способны. Если уже один бессмысленный каприз красавицы бывал причиной переворотов всемирных и заставлял делать глупости наиумнейших людей, что же было бы тогда, если бы этот каприз был осмыслен и направлен к добру? Сколько бы добра тогда могла произвести красавица сравнительно перед другими женщинами! Стало быть, это орудие сильное. Но вы имеете еще высшую красоту, чистую прелесть какой-то особенной, одной вам свойственной невинности, которую я не умею определить словом, но в которой так и светится всем ваша глубинная душа. Знаете ли, что мне признавались наиразвратнейшие из нашей молодежи, что перед вами ничто дурное не приходило им в голову, что они не отваживаются сказать в вашем присутствии не только двусмысленного слова, которым потчевают других избранниц, но даже просто никакого слова, чувствуя, что все будет перед вами как-то грубо и отзовется чем-то ухарским и неприличным. Вот уже одно влияние, которое совершается без вашего ведома от одного вашего присутствия! Кто не смеет себе позволить при вас дурной мысли, тот уже ее стыдится; а такое обращенье на самого себя, хотя бы даже и мгновенное, есть уже первый шаг человека к

тому, чтобы быть лучше. Стало быть, это орудие также сильное. В прибавленье ко всему вы имеете уже Самим Богом водворенное вам в душу стремле́нье, или, как называете вы, жажду добра. Неужели вы думаете, что даром внушина вам эта жажды, от которой вы не спокойны ни на минуту? Едва вышли вы замуж за человека благородного, умного, имеющего все качества, чтобы сделать счастливой жену свою, как уже, наместо того чтобы сокрыться во глубину вашего домашнего счастья, мучитесь мыслию, что вы недостойны такого счастья, что не имеете права им пользоваться в то время, когда вокруг вас так много страданий, когда ежеминутно раздаются вести о бедствиях всякого рода: о голоде, пожарах, тяжелых горестях душевных и страшных болезнях ума, которыми заражено текущее поколение. Поверьте, это недаром. Кто заключил в душе своей такое небесное беспокойство о людях, такую ангельскую тоску о них среди самых развлекательных увеселений, тот много, много может для них сделать; у того повсюду поприще, потому что повсюду люди. Не убегайте же света, среди которого вам назначено быть, не спорьте с Прорицанием. В вас живет та неведомая сила, которая нужна теперь для света: самый ваш голос, от постоянного устремления вашей мысли

лететь на помощь человеку, приобрел уже какие-то родные звуки всем, так что если вы заговорите в сопровожденье чистого взора вашего и этой улыбки, никогда не оставляющей уст ваших, которая одним только вам свойственна, то каждому кажется, как бы заговорила с ним какая-то небесная родная сестра. Ваш голос стал всемогущ; вы можете повелевать и быть таким деспотом, как никто из нас. Повелевайте же без слов, одним присутствием вашим; повелевайте самим бессилием своим, на которое вы так негодуете; повелевайте и именно той женскою прелестью вашей, которую, увы! уже утратила женщина нынешнего света. С вашей робкой неопытностью вы теперь в несколько раз больше сделаете, нежели женщина умная и все испытавшая с своей гордой самонадеянностью: ее наиумнейшие убеждения, с которыми она бы захотела обратить на путь нынешний свет, в виде злых эпиграмм посыпаются обратно на ее же голову; но ни у кого не посмеет пошевелиться на губах эпиграмма, когда одним умоляющим взором, без слов, вы попросите кого-нибудь из нас, чтобы он сделался лучшим. Отчего вы так испугались рассказов о светском разврате? Он, точно, есть, и еще даже в большей мере, чем вы думаете; но вам и знать об этом не должно. Вам ли бояться

ся жалких соблазнов света? Влетайте в него смело, с той же сияющей вашей улыбкой. Входите в него, как в больницу, наполненную страждущими; но не в качестве доктора, принесшего строгие предписанья и горькие лекарства: вам не следует и рассматривать, какими болезнями кто болен. У вас нет способности распознавать и исцелять болезни, и я вам не дам такого совета, какой бы мне следовало дать всякой другой женщине, к тому способной. Ваше дело только приносить страждущему вашу улыбку да тот голос, в котором слышится человеку прилетевшая с небес его сестра, и ничего больше. Не останавливайтесь долго над одними и спешите к другим, потому что вы повсюду нужны. Увы! на всех углах мира ждут и не дождутся ничего другого, как только тех родных звуков, того самого голоса, который у вас уже есть. Не болтайте со светом о том, о чем он болтает; заставьте его говорить о том, о чем вы говорите. Храни вас Бог от всякого педанства и от всех тех разговоров, которые исходят из уст какой-нибудь нынешней львицы. Вносите в свет те же самые простодушные ваши рассказы, которые так говорливо у вас изливаются, когда вы бываете в кругу домашних и близких вам людей, когда так и сияет всякое простое слово вашей речи, а душе вся-

кого, кто вас ни слушает, кажется, как будто бы она лепечет с ангелами о каком-то небесном младенчестве человека. Эти-то именно речи вносите и в свет.

Приложение II.

*Как бы подвожу итог
моим многолетним стараниям
по собиранию биографий...*

Фонд имени И.Д.Сытина остановил свой выбор на представляемых читателю книгах - "Замечательные русские мальчики" и "Знаменитые русские девушки". Они посвящены детству и отрочеству многих славных сыновей и дочерей нашего народа. Не скрою, приятно, что они из моей библиотеки. Чувствую удовлетворение оттого, что этим как бы предоставилась возможность подвести итог моим многолетним стараниям по собиранию книг биографических серий.

А начало этой страсти положено еще в сороковые послевоенные годы. Вызвано оно прежде всего интересом к серии "Жизнь замечательных людей". В этой связи вспоминается забавный случай, который, возможно, и породил интерес к этой серии.

В скучной библиотеке отца предвоенных лет оказалась книга "Вахтангов" из серии "ЖЭЛ". Она не осталась бы в моей памяти, если бы вскоре я не прочел еще одну книгу той же серии - "Фрунзе". А попала она ко мне... Вспоминать и смешно, и грустно.

Август 1941 года. В школе из старшеклассников создан отряд по борьбе с зажигательными бомбами. Дон-

басс (жил я в городе Макеевка) немцы уже подвергали бомбардировкам.

В один из дней отряд по тревоге был собран в здании школы, так как ожидался ночной налет авиации. Инструктировал директор школы, очень уважаемый нами Александр Станиславович Кржеминский (во время оккупации Донбасса расстрелян фашистами за связь с подпольем). Побыл он с нами до отбоя. Налет школу не затронул, бомбы немцы сбросили вдали от города. Позже узнали, что там были имитированы огни завода, находившегося совсем в другой стороне. Директор оставил человек шесть до утра. Остальные разъехались.

Вскоре дежурные нашли себе дело. Вскрыли книжный шкаф в учительской комнате и занялись чтением. Казалось бы, ничего страшного, но при этом сломали стекло и самое ужасное - жгли спички. А это нарушение светомаскировки.

Однако значения этому никто не придал и по утру все разошлись по домам. Я же совершил еще одно "преступление", захватив домой дочитать книгу "Фрунзе".

Днем меня разыскали соучастники "ночных дел". Надо идти к директору просить прощения. Тот неумолим. Школу опозорили лучшие ее ученики. Кто мог ожидать такого?

К началу учебного года, который для нас продолжался всего полтора месяца, до оккупации города, дело, конечно, уладилось. И учителя, и ученики, и директор не придавали случившемуся серьезного значения. Одни воспитывали, другие воспитывались. Тем не менее в памяти сохранилось все до сих пор.

Вскоре война разметала школяров, и многие из нас уже не встретились друг с другом.

В 1945 году после Победы я учился в Ленинграде.

Как-то забрел в букинистический магазин на Невском проспекте и увидел книгу - "Фрунзе". Посчитал свои скучные курсантские медяки. На книгу хватило. Просто не мог не купить.

Так началось мое увлечение серией "Жизнь замечательных людей". По-настоящему стал собирать в 50-х годах, уже в Москве, и продолжал до 1966 года. Мне удалось приобрести практически все книги, начиная с тех, что выходили с 1933 года в "Журнально-газетном объединении". Не удалось найти только две из серии "Великие русские люди". Как известно, в годы войны "ЖЭЛ" сменила название серии на "Великие русские люди" и "Великие люди русского народа".

Тогда маленькие карманные книжечки печатались небольшими тиражами и многие из них просто покурили в землянках и блиндажах. Они кроме чтения очень годились и на самокрутки из махорки.

Увлекшись собирательством этой серии, невольно возник интерес к серии "Жизнь замечательных людей", издававшейся с 1898 до 1913 года Ф.Ф.Павленковым. Тут мне повезло - удалось собрать все книги. Павленковская серия, мне кажется, очень удачна. Ее авторам (а они были постоянны) удавалось дистанцироваться от внешнего влияния на биографии избранных ими людей. Они объективно, не в угоду моде и политическим желаниям, описывали их жизнь. Это выгодно отличает павленковские книги от известных мне биографических се-

рий. Заметим, что в 1902 году в его серии увидела свет книга о Л.Н.Толстом. По-моему, это чуть ли не единственный случай, когда в "ЖЭЛ" вышла прижизненная биография.

Собирая книги серии "ЖЭЛ", невольно обратил внимание на попадавшиеся от времени у букинистов другие биографические серии. Одну из них приобрел для меня в Киеве мой друг Л.Г.Каллаш. Это было четырехтомное издание 1840 года Дмитрия Бантыш-Каменского "Биография российских генералиссимусов и фельдмаршалов".

В дореволюционной России, как известно, выходили и другие серии. Некоторые книги из них есть и в моей библиотеке. Например, "Русские люди" (жизнеописания соотечественников, прославившихся своими деяниями на поприще науки, добра и общественной пользы), издававшиеся М.О.Вольфом в 1866 году. В 1896 году Н.А.Рубакин напечатал у И.Д.Сытина "Рассказы о друзьях человечества" (шесть биографий для юношества).

В 1916 году в Ревеле в издании С.Ф.Орлика вышла серия "Русские самородки" В.В.Васильева (Ясав). Только в первом томе было помещено тридцать три биографии. Примечательно, что издание было "дозволено военною цензурою". Напрашивается аналогия с "Русскими самородками" в годы первой мировой войны с переименованием серии "ЖЭЛ" в серию "Великие люди русского народа", "Великие русские люди" в годы Великой Отечественной войны (второй мировой).

В конце XIX века типографией А.С.Суворина издавалась серия "Сто великих людей". Мне удалось при-

обрести лишь один том - книгу VIII: "Папа Григорий VII, Гус, Саванарола".

Но показательно и впечатляет то, что вскоре после Октябрьской революции начали выходить книги новых биографических серий. Уже в 1919 году появились номерные книги серии "Кому пролетариат ставит памятники". Кому? "Людвиг Ван-Бетховен" (№4), "Врубель" (№5), "Новиков" (№17), "Максимилиан Робеспьер" (№12). Всего вышло двадцать две книги. Они бедны по оформлению и полиграфии, печатались на плохой бумаге. Но каждая книга - свидетельство времени, они являли собой начало культурной революции в России. Публикацию осуществлял отдел Московского совета рабочих и красноармейских депутатов.

В том же году А.Алтаев и Феличе публикуют в типографии И.Д.Сытина "Детство знаменитых людей" (писатели, художники, музыканты и артисты). Только в первой книге четырнадцать героев. Среди них - Данте, Серрантес, Жуковский, Тургенев, Рафаэль, Щепкин.

1923-1924 годы. Появляется серия "Образы человечества" в издательстве Брокгауза - Ефона. Обращают на себя внимание герои, заинтересовавшие составителей серии. Это - Нестор Летописец, Иван Грозный, Александр I, Перикл, Кастильоне, друг Рафаэля, Стенька Разин, Аннибал. Вот таков широчайший диапазон. И все это в стране, которая еще только приступала к решению задачи обучения масс людей грамоте.

В 1921-1925 годах издательство "Светозар" (Петербург) начало осуществлять обширный план биографических серий. Мне повезло: я собрал значительную

часть книг, вышедших по музыкальному отделу. Среди них - монографии о Скрябине, Чайковском, Бахе, Листе, Шопене, Вагнере, Мусоргском.

В последующие годы выход в свет биографий знаменитых композиторов продолжался. В 1935-1936 годах Музгизом издается номерная серия "Жизнь замечательных музыкантов" (для школьника и пионера). Автор книг Николай Каринцев. С 1937 года выходят книги Татьяны Поповой той же серии, но для школьников старшего и среднего возраста.

И все-таки самой долговечной оказалась серия "Жизнь замечательных людей". Почин известного русского издателя Ф.Ф.Павленкова нашел продолжение в послереволюционное время. В этом сказалась забота Максима Горького об образовании народа, о воспитании молодежи на примерах жизни великих людей. Прекрасным оказалось и то, что издание серии после "Жургазобъединения" взяло на себя издательство ЦК ВЛКСМ "Молодая Гвардия". Комсомол влив в серию новую кровь, вызвал к ней интерес читательских масс. Прежде всего пытливой молодежи. Хочется верить, что серия "ЖЭЛ" продолжит свою жизнь и станет добрым спутником еще не одного поколения.

Ф.Д.Бобков

Виктор Русаков

ЗНАМЕНИТЫЕ РУССКИЕ ДЕВУШКИ

Сборник биографических очерков
для чтения детям и внукам

Раритетное издание

Ответственный за выпуск

В.И.Десятерик

Технический редактор

О.М.Путилина

Компьютерный набор

Н.Ф.Сапронова

Издательская лицензия

ЛР № 030527 от 6 мая 1998 года

АСКИ-Фонд развития отечественного книгоиздания

имени И.Д.Сытина

103051, Москва, ул.Петровка, 26

Формат 70x90 1/32. Печать офсетная. Усл.печ.л. 4,39. Тираж
3000 экз. Заказ № 4248

Изготовлено в Типографии "Наука".
121099, Москва, Шубинский пер., д.6.

Природа-мать, когда б таких людей
Ты иногда не посыпала миру,
Заглохла б нива жизни.

H. Некрасов

*Детство, отрочество
и юность
знаменитых людей
России
в рассказах и отрывках
для детей
Виктора Русакова*

**ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫЕ
РУССКИЕ
МАЛЬЧИКИ**

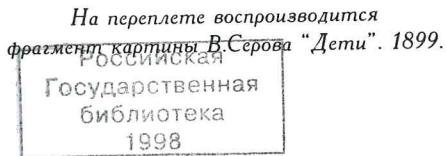

Москва
Фонд им. И. Д. Сытина
1998

АСКИ-Фонд развития отечественного книгоиздания имени И.Д.Сытина

Программа: **раритетные издания**

Фонд имени И.Д.Сытина благодарит коллекционера книг серии "Жизнь замечательных людей" и других биографических серий Филиппа Денисовича Бобкова за предложение переиздать хранящиеся в его собрании книги - "Замечательные русские мальчики" и "Знаменитые русские девушки".

ISBN 5-86863-089-0

© В.Русаков. 1998.

© В.И.Десятерик. Предисловие. 1998.

© Н.В.Носов. Художественное оформление. 1998.

Содержание

К читателю	7
О чем говорится в этой книжке.	
Предисловие к изданию 1912 года	10
Саша Пушкин	13
Ваня Айвазовский	23
Карлуша Брюллов	27
Ванюша Крылов	31
Коля Пирогов	36
Саша Суворов	40
Тоша Серов	47
Митя Менделеев	52
Миша Глинка	57
Николаша Гоголь	61
Аполлон Майков	65
Архип Куинджи	69
Миша Скobelев	72

Ваня Тургенев	77
Илюша Репин	85
Алеша Толстой	88
Сашук Бородин	95
Денис Давыдов	101
Анатолий Лядов	105
Петечка Чайковский	109
Миша Лермонтов	113
Антоша Чехов	126

К читателю

“Следовать за мыслями великого человека есть наука самая занимательная”. Эти слова принадлежат А.С.Пушкину. В замечательном человеке, подчеркивал он, все достойно внимания. Всякая строчка великого писателя становится драгоценной для потомства. Мы с любопытством рассматриваем автографы, хотя они были не что иное, как отрывок из расходной тетради или записка к портному об отсрочке платежа. Нас невольно поражает мысль, что рука, начертавшая эти смиренные цифры, эти незначащие слова, тем же самым почерком и, может быть, тем же самым пером написала и великие творения, предмет наших изучений и восторгов. И Пушкин не одинок в своем призывае изучать все, связанное с жизнью и деяниями людей, кого человечество единодушно признало гениями.

Места, где жил великий человек,
Священны: чрез сотни лет звучат
Его слова, его деяния - внукам.

Эти строки принадлежат великому немецкому поэту И.В.Гете. А наш соотечественник В.Г.Белинский утверждал: “Зрелище жизни великого человека есть всегда

прекрасное зрелище: оно возвышает душу... возбуждает деятельность".

Именно осознанием значимости этих благородных целей и объясняется то, что уже с самых древних времен человечество столь пристально присматривается к жизненным подвигам выдающихся людей, передавая знание о них от поколения к поколению. Можно вспомнить хотя бы, что еще древнегреческий писатель Плутарх оставил нам параллельное жизнеописание греческих и римских знаменитых мужей. Из Древней Руси дошли до нас многочисленные "Жития святых". А биографические серии являются едва ли не самой приоритетной особенностью в книгоиздательской практике большинства современных государств. И наше отечественное книгоиздание не является исключением. Достаточно назвать одну только павленковскую серию "Жизнь замечательных людей", издававшуюся в конце XIX - начале XX века, шесть десятилетий тому назад восстановленную. Ее выпуск продолжается и в наши дни.

Мы предлагаем читателю двухтомное оригинальное издание из сокровищницы отечественного биографического жанра, которое выходило в начале XX века приложением к журналу "Задушевное слово".

Автор очерков Виктор Русаков, как он рассказывает сам в предисловии, готовил их для своего сына-подростка. Учитывая юношескую психологию, хорошо понимая, что для личности, еще только формирующей свои собственные представления об окружающем мире, не столько важно представить конечный результат, сколько убедительно показать пути его достижения,

писатель осознанно избирает объектом своего исследования именно отчество великих гениев русского народа. По ходу повествования он, естественно, касается всех сторон жизни описываемых им замечательных людей, но для сына, для его сверстников на первый план выдвигается рассказ именно о поре, им очень близкой. И Пушкин, и Чайковский, и Менделеев на страницах книги предстают прежде всего, как ровесники юного читателя, и оттого становятся ему ближе, понятнее и привлекательнее. Автор как бы нарочито желает снять с их жизненного пути непременно возникающий налет легендарности, обожествления. Перед нами - мальчики. Они еще только делают первые шаги в свое грядущее величие. И на этом пути не избегают ошибок. Все есть в их повседневности - и шалости, и сомнения... В ком-то раньше, в другом позднее проявляются задатки их исключительных дарований. Одни легко и радостно развиваются свой талант. Другим же предстоит преодолевать преграду за преградой, чтобы поймать свою птицу-судьбу.

Нам представилось, что эти очерки, - хоть и созданы они почти столетие тому назад! - не потеряли своего значения и для нынешних подростков, кому также предстоит открывать для себя секреты гениальности, познавать славу и гордость отечественной истории и культуры. Книга "Замечательные русские мальчики", на наш взгляд, - прекрасное пособие для семейного чтения вслух, доброе подспорье для дедушек и бабушек, которым так уж предопределено - вести неторопливые задушевные беседы со своими внуками и внучками. Конечно, придиличный биограф того или иного героя нашей книги может

усмотреть какие-то погрешности в фактической канве рассказов - за сто лет и изучено, и доисследовано ведь многое! - но, по нашему представлению, страницы очерков доносят до читателя главное - восхищение великими знаменитостями народа, своими свершениями на ниве культуры, науки и искусства возвеличившими Россию во всемирном содружестве.

Книга "Замечательные русские мальчики" выходит одновременно с другим сборником того же автора - "Знаменитые русские девушки".

Фонд имени И.Д.Сытина

О чем говорится в этой книжке

Предисловие к изданию 1912 года.

Вырастешь, Саша, узнаешь...
Н.Некрасов

Стены моего кабинета увешаны портретами знаменитых людей. Когда мой сын был еще маленьким, он часто останавливался то перед одним, то перед другим портретом и спрашивал:

- Папочка, кто это?

- Это знаменитый писатель. Он написал много красивых, занимательных книг. Когда будешь постарше, прочтешь их и ты.

- А это кто?

- Это известный художник. Он написал много картин, которые теперь украшают музеи, дворцы, храмы, дома богатых людей.

- Ну, а кто тот, в мундире и с саблей?

- Это - знаменитый полководец. Когда неприятели напали на нашу страну, он во главе войска выступил на защиту родины.

Мальчик слушал внимательно, а потом вдруг спросил:

- Скажи, папочка, ведь все они тоже были когда-то такими маленькими мальчиками, как я?

- Да, сынок. И многие из них уже маленькими были очень способны и любили заниматься тем делом, которое их потом прославило.

- Папочка, расскажи мне про них.

Исполняя просьбу моего мальчика, я рассказывал ему про детские годы великих писателей, художников, ученых, музыкантов, полководцев. Так как мальчик мой, как и все почти дети его возраста, быстро утомлялся, то я нарочно рассказывал ему все возможно кратко.

- Когда ты будешь постарше, - объяснял я при этом моему юному слушателю, - ты узнаешь еще многое другое о каждом из этих знаменитых людей. А пока довольно тебе будет знать, кто они, чем они прославились, почему их все уважают, любят и почему украшают стены их портретами.

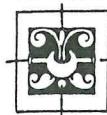
Особенно интересовали моего сына рассказы про тех великих людей, которые уже в годы раннего детства проявляли любовь к прославившим их потом делам и выделялись своими способностями - были, в том или другом отношении, замечательными мальчиками. Но я, конечно, не скрывал от него, что не все знаменитые люди отличались чем-нибудь в детстве и что для того,

чтобы стать великим и знаменитым, мало одних только способностей: нужно к тому усердно и много работать, чтобы расширить и укрепить способности, которые даны природой. И я приводил примеры трудолюбия и усердия, проявленные многими талантливыми художниками, писателями и другими известными людьми.

Мой сынок любил слушать эти рассказы и нередко похвалялся тем, что уже знает, кто такой Пушкин, кто такой Айвазовский, Пирогов, Крылов и т.д.

Из этих рассказов и составилась настоящая книга. Она заключает в себе описание детства, отрочества, юности, а частью и остальной жизни преимущественно тех великих людей, которые уже на заре своей жизни выделялись из числа прочих детей и обнаруживали признаки заложенного в них природой дарования, таланта. При этом указаны и заслуги каждого отдельного лица, причины его известности и славы.

Предназначаю эту книжку для таких же маленьких детей, каким был мой сынок, когда я ему рассказывал о людях, прославившихся благодаря их дарованиям и заслугам. Как мой сынок, так и все мои юные читатели, впоследствии узнают более подробно про каждое из этих славных имен. Но я думаю, что им небесполезно будет познакомиться уже теперь, в общих чертах, со всем тем из жизни знаменитостей, что для них понятно и доступно. Полагаю, что это разовьет в юных читателях любовь к знаменитым людям и уважение к их заслугам перед родиной.

САША ПУШКИН

В доме графа Бутурлина в Москве, в теплый майский день, собралось большое общество. Были взрослые и дети. Взрослые читали вслух стихи, обменивались мнениями относительно этих стихов, разговаривали, спорили.

Вдруг один из присутствующих сказал:

- А знаете, здесь среди нас есть маленький, девятилетний мальчик, который тоже пишет стихи. Вот у меня имеется одно его стихотворение. Я вам сейчас его прочту.

И он прочел написанное на французском языке небольшое стихотворение. Оно всем понравилось, и все хотели знать, кто именно его сочинил.

Стоявший в углу черноволосый мальчик, тот самый, который написал это стихотворение, весь красный от волнения, убежал сконфуженный и спрятался в одной из комнат.

Этот мальчик был Александр Пушкин, впоследствии величайший и знаменитейший русский поэт.

Уже с самых ранних лет он очень любил читать книги, которых в библиотеке его отца было много. Это были большею частью французские книги. Да и в доме родителей его, как и во всех почти домах знатных людей того времени (это было более ста лет тому назад), постоянно говорили на французском языке. И маленький Саша гораздо свободнее говорил и писал по-французски, нежели по-русски.

До семи лет будущий поэт не обнаруживал никаких особенных дарований. К тому же он был ребенком неповоротливым, ленивым. Гулять, играть и развеяться он не любил, и в то время, как другие дети бегали, шалили, он предпочитал сидеть или лежать.

Гувернеров, гувернанток и учителей у него было много, но занятия его шли довольно плохо и медленно. Главный надзор за его воспитанием был поручен французу, графу Монфору; кроме того, у него был другой француз - Руссо. У них и выучился будущий поэт говорить и писать по-французски. Русскому же языку его учил немец Шиллер, знавший хорошо по-русски.

Но никого из своих учителей маленький Саша не любил так, как свою няню Арину

Родионовну. Это была не только очень добрая, но и очень умная женщина. Она знала много народных сказок, пословиц, поговорок, песен, умела передавать их хотя и просто, но очень интересно. И мальчик по целым часам слушал рассказы "голубки дряхлы" (так он называл свою няню в одном из своих стихотворений). Вечера, проведенные в обществе старой няни, Пушкин сохранил в памяти на всю жизнь, часто вспоминал о них и сочинил впоследствии несколько прелестных сказок, описывая в них то, что рассказывала ему Арина Родионовна.

Первые годы жизни будущий поэт провел в Москве (где он родился в 1799 году). Когда же родственники его приобрели под Москвою село Захарово, Сашу перевезли в деревню. Там, гуляя по лесам и полям, он очень полюбил простой русский народ, деревню и русскую природу.

Девятилетним мальчиком Пушкин, начавшись в библиотеке отца много французских театральных пьес, решил сам сочинить пьесу и устроить театр. Сказано - сделано. Написав небольшую комедию, Пушкин сам же ее и разыграл перед своей маленькой сестрой. После этой первой комедии он написал вторую, и тоже сам ее разыграл. Тетради, в которых были написаны эти комедии, не сохранились, про-

пали, как пропали и многие другие стихотворения, сочиненные Пушкиным, когда он был еще ребенком.

Когда Пушкину исполнилось 12 лет, его отдали учиться во вновь открытый тогда (в 1811 году) Царскосельский лицей (так называлось учебное заведение, открытое в Царском Селе, Петербургской губернии). Ученики этого лицея часто собирались вместе, читали сочинения известных в то время писателей, рассуждали о прочитанном и сами пробовали сочинять. Свои сочинения они помещали в рукописных журналах, которые выпускали время от времени. Как самый способный, Пушкин более других принимал участие во всех этих затеях, и его сочинения, особенно стихи, оказывались самыми лучшими. Их переписывали, давали читать взрослым, и имя Пушкина стало вскоре известно тогдашним писателям - Жуковскому, Карамзину и другим, которые его приласкали, полюбили и всячески поддерживали в нем страсть к сочинительству.

В 1815 году, на публичном экзамене, на котором присутствовал знаменитый писатель Державин, тогда уж седой старец, юный Пушкин сначала робко, потом с полным увлечением прочитал свое стихотворение "Воспоминания в Царском Селе". Все это стихотворение дышало

искренностью, простотой, картинностью и глубоко тронуло старца-поэта. Державин слушал с восторгом стихи; слезы дрожали на его загоревшихся старческих глазах. Когда Пушкин кончил, он хотел обнять юного стихотворца, но Пушкина уже не было. Он сконфузился и убежал из залы; его искали и нигде не могли найти.

Но внимание старика Державина так его тронуло и захватило, что он потом, много позднее, не раз вспоминал об этом случае в беседе с друзьями и отметил даже в своих стихах, сказав: "сам старик Державин нас заметил и, в гроб сходя, благословил".

В лицее Пушкин еще усерднее занялся чтением книг и прочитал такое множество их, какого не прочитывают и многие взрослые люди, и при этом он всегда обращал внимание на самое существенное в книгах, старался запомнить наиболее выдающиеся места. В то же время он продолжал усердно писать стихи. Впервые стихотворение Пушкина было напечатано в журнале "Вестник Европы", когда юному поэту едва минуло 14 лет. Учился он, однако, неважко и кончил курс далеко не лучшим учеником.

По выходе из лицея Пушкин поступил на службу, но в то же время продолжал писать стихи и другие произведения.

Некоторыми своими резкими стихами Пушкин навлек на себя неудовольствие властей. Ему за это приказано было уехать из Петербурга на юг России. Он побывал тогда на Кавказе, в Крыму, потом поселился в Кишиневе, изредка отлучаясь то в Одессу, то в Киев, то в Измаил и Аккерманские степи. Под впечатлением новой природы, новых людей и новой жизни Пушкин написал много прелестных стихотворений.

В 1824 году Пушкин поселился в родном своем селе Михайловском, Псковской губернии, и тут еще усерднее принялся за свои сочинения. Одно за другим из-под пера писателя, ставшего уже известным во всей России, выходили произведения: "Руслан и Людмила", "Борис Годунов", "Евгений Онегин", "Медный всадник", "Полтава" и пр., которые все более и более распространяли славу поэта. Но кроме больших произведений, он писал и мелкие стихотворения, которые заучивались усердно наизусть. Очень часто Пушкин брал содержание для своих сочинений из русской истории; особенно он любил преобразования России императора Петра Великого и написал целый ряд стихотворений, в которых действующим лицом является Петр.

В 1831 году Пушкин женился на Наталии Гончаровой и поселился в Петербурге. Некото-

рое время затем он прожил в селе Болдине и там, между прочим, написал сказку "О рыбаке и рыбке", поэму "Медный всадник" и несколько стихотворений.

В 1836 году Пушкин начал издавать журнал "Современник", но успел выпустить только четыре книги.

Осенью того же года враги Пушкина (у него их было много, потому что он любил всегда говорить правду всем в глаза и насмехаться над дурными привычками знакомых) стали распространять разные ложные слухи про его жену и втянули его в скорую с одним офицером, Дантесом. Скорая эта повела к дуэли, которая состоялась в окрестностях Петербурга. На этой дуэли, 27 января 1837 года, Пушкин был смертельно ранен и спустя два дня после этого, 29 января 1837 года, умер в страшных мучениях.

Перед смертью Пушкин простил всех своих врагов, завещал своим родным не мстить за него и сам просил у всех прощения. Последние его слова были: "Кончена жизнь! тяжело дышать!.. давит..."

Еще за год перед смертью Пушкин изъявил желание, чтобы его похоронили в Свято-горском Успенском монастыре, в четырех verstах от родного села Михайловского, его любимого местопребывания. Там он и был похоронен.

Спустя 43 года после смерти Пушкина в Москве, при огромном стечении народа и в присутствии многих знаменитых писателей, Пушкину открыт памятник, сооруженный на средства, собранные по всей России. Пушкин изображен стоящим в глубокой задумчивости. По сторонам памятника сделаны надписи, взятые из одного стихотворения поэта. С одной стороны:

Слух обо мне пройдет по всей Руси великой,
И назовет меня всяк сущий в ней язык:
И гордый внук славян, и финн, и ныне дикий
Тунгус, и друг степей калмык,

то есть что его сочинения будут читаться всеми народами, населяющими Российскую империю, от Белого моря до Черного и от Балтийского до Восточного океана.

А с другой стороны памятника:

И долго буду тем народу я любезен,
Что чувства добрые в нем лирой пробуждал,
Что прелестью живой стихов я был полезен
И милость к падшим призывал*,

* Автор приводит стихотворение с правкой В.А.Жуковского. В пушкинском подлиннике эти стихи звучат так:

И долго буду тем любезен я народу,
Что чувства добрые я лирой пробуждал,
Что в мой жестокий век восславил я Свободу
И милость к падшим призывал.

А.С.Пушкин в юности

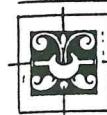
Гоголь-гимназист

то есть что долго будет любить его народ за то, что он убеждал людей быть добрыми, доставлял им наслаждение своими стихами и писал, что нужно любить всех несчастных.

Кроме Москвы памятники Пушкину сооружены и во многих других городах: в Петербурге, в Царском Селе, в Одессе, в Кишиневе...

Можно назвать немало замечательных людей, которых помнят, знают и почитают в России все сколько-нибудь образованные люди. Но трудно найти другое имя, которое так крепко было бы памятно всему грамотному русскому люду, как имя Александра Сергеевича Пушкина. Он считается самым знаменитым русским поэтом. Никто из русских писателей до него не изображал так просто, хорошо, с такою любовью, сердечностью и поразительной верностью русской природы и русских людей самых разнообразных положений, от простого крестьянина до энатного вельможи, как Пушкин. Любя народ, он своими стихами старался возбудить и в других любовь к нему. А своими чудными произведениями он научил русских людей любить русскую старину, старинные предания, русскую историю, русский язык. Он же в своих стихотворениях показал, как хорош, звучен и гибок русский язык и сколько в нем прелести. Кроме того, он в своих стихах всегда

старался внушать людям любовь к добру и правде. Люди читали и читают его сочинения, принимая к сердцу добрые его мысли. И слава Пушкина, как великого поэта, который составляет гордость и славу России, не увянет никогда.

ВАНЯ АЙВАЗОВСКИЙ

Проезжая однажды по городу Феодосии, в Крыму, местный градоначальник А.Н.Казнacheев обратил внимание на белую стену одного дома, всю разрисованную углем. Тут были нарисованы кораблики, лодки, волны.

- Кто это так украсил эту стену? - спросил градоначальник сторожа.

- Не могу знать, - ответил тот.

- Выследить, разузнать и донести мне, - кратко приказал градоначальник.

Сторож, исполняя этот приказ, стал следить и, заметив в сумерки виновника с углем в руках, принявшегося выводить на стене фигуры, схватил его за уши. Присмотрелся: видит - это мальчик Ваня, служащий в соседней кофейне.

Сторож повел маленького рисовальщика к хозяину дома и рассказал, в чем дело. Тот посмотрел на испачканную стену и воскликнул:

- Да ты глянь, ведь это наша лодка! А вот и баркас соседа... Точь в точь... Ай да художник, настоящий художник!

И он освободил мальчика из рук сторожа, а на следующее утро повел его сам к градоначальнику Казначееву.

Со страхом шел бедный мальчик. Он был убежден, что его ожидает строгое наказание за его "пачкотню".

Но градоначальник Казначеев, напротив, принял очень любезно мальчика, стал расспрашивать об его житъе-бытъе и, узнав, что он служит в кофейне, сказал:

- Мне очень понравились твои рисунки, мой мальчик. У тебя, я вижу, большие способности к рисованию. Хорошо было бы тебе поучиться. Хочешь жить у меня и учиться, вместо того чтоб служить в кофейне?

Мальчик не знал, как и благодарить столь неожиданного благодетеля.

Судьба даровитого мальчика после этого была решена: градоначальник Казначеев, добрый, хороший человек, принял его под свое покровительство, и когда вскоре затем перевелся по службе в город Симферополь, взял туда с собою и своего маленького воспитанника и определил его в гимназию. Мальчик и в гимназии обратил на себя внимание своими рисунками.

Среди товарищей его класса был Федя Нарышкин, с которым юный рисовальщик особенно подружился. Однажды Ваня - ему было тогда четырнадцать лет - подарил этому товарищу свой рисунок, изображавший молящихся евреев. Нарышкин показал этот рисунок своей матери. Госпожа Нарышкина пришла в восхищение от рисунка и послала его своему знакомому художнику Топчи в Москву с письмом, в котором просила сообщить - не ошибается ли она, считая, что у мальчика-гимназиста большое дарование. Топчи нашел, что у молодого рисовальщика действительно выдающиеся способности, и представил его рисунок царствовавшему тогда императору Николаю Павловичу с письменным отзывом, в котором предсказал, что "этот мальчик изумит иностранцев, если только ему дана будет возможность развить его дарование". Следствием этого отзыва был приказ государя принять даровитого мальчика в Академию художеств в Петербурге на счет кабинета его величества.

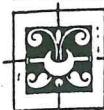
Этот мальчик - был Иван Айвазовский, впоследствии один из самых выдающихся русских художников, прославившийся своими картинами, изображающими море и морские виды.

В академии Айвазовский делал быстрые успехи, изумляя всех не только своим дарова-

нием, но и своим трудолюбием. Академия наградила его дважды медалями, а затем отправила на казенный счет за границу, для того чтобы он там усовершенствовал свой талант, посмотрел выдающиеся произведения знаменных художников и т.д.

Император Николай Павлович очень интересовался успехами молодого художника. Когда сын государя, великий князь Константин Николаевич, отправился в морское путешествие, Николай Павлович поручил Айвазовскому сопровождать его и написать ряд картин тех морских видов, которые путешественники встретят на пути. Айвазовский исполнил это поручение блестательно и написал много интересных картин, которые доставили ему большую славу.

Из года в год росла известность и слава Айвазовского. Писал он все картины, изображавшие море, бурю, кораблекрушения. Вскоре Айвазовский был признан знаменитым художником, его картины стали украшать стены музеев, дворцов, домов богатых людей и в России, и за границею и доставили Айвазовскому крупное состояние. Часть этого состояния он пожертвовал родному городу Феодосии, в котором он поселился под конец жизни, выстроив себе роскошный дом на том самом месте, где когда-то он рисовал углем на стене кораблики и лодки.

КАРЛУША БРЮЛЛОВ

- Бедный мальчик, как он страдает! Другие в его годы бегают, играют, веселятся, а он ценные дни должен проводить в постели и ходить совсем не может.

Так говорили про мальчика Карлушу, сына резчика и живописца маленьких картин (так называемых миниатюр) Брюллова, жившего в Петербурге. Карлуша родился очень хилым и болезненным ребенком и действительно не мог почти совсем вставать с постели.

Чтобы развлечь чем-нибудь мальчика, отец купил ему несколько карандашей, дал бумагу и сказал:

- Ну, Карлуша, попробуй-ка нарисовать человека. Вот, смотри, как я его нарисую.

И отец нарисовал фигуру человека.

Карлуша тотчас же взял карандаш в руки и старался нарисовать маленького человека, точь в точь так же, как нарисовал его отец. Сначала это не удавалось, но, раз занявшись рисованием, он так полюбил это занятие, что по целым дням не переставал им заниматься.

Отец поощрял эти занятия сына.

- Рисуй, Карлуша, рисуй, - говорил он, - из тебя выйдет художник. Будешь помогать потом отцу.

Способности Карлуши развивались с каждым годом все больше и больше.

Сначала он рисовал лежа в своей кровати, причем рисование составляло единственное его развлечение, единственное удовольствие болезненного, хилого мальчика. Постепенно, однако, его здоровье стало поправляться, и он уже мог не только ходить, заниматься за столом, но и учиться.

Отец, замечая в своем сыне необычайный талант к рисованию, заставлял мальчика рисовать очень много, и пока Карлуша не нарисует определенное число человечков и лошадок, его не отпускали играть. Впрочем, Карлуша и сам очень увлекался своею работою.

Все, кому только отец Карлуши показывал рисунки своего мальчика, находили, что у Карлуши несомненный талант.

Шести-семи лет он рисовал, точно настоящий художник.

На десятом году Карлуша был отдан в Академию художеств и скоро стал удивлять профессоров-художников своими успехами в рисовании и был признан среди юных учеников академии, как рисовальщик, первым, самым способным.

А.В.Суворов в детские годы

К.Брюллов. Автопортрет. 1813 г.

- Теперь вы уже можете начать работать красками, - сказали Карлуше его учителя, когда мальчику минуло едва двенадцать лет.

И Карлуша стал работать с еще большим увлечением. Пятнадцатилетним мальчиком он написал уже большую картину, изображавшую юношу, который лежит на берегу реки и смотрит в воду. Картина очень понравилась. Один из учителей академии, А.И.Иванов, человек небогатый, пришел в такой восторг от картины молоденького художника, что выразил желание купить ее; но профессора академии решили ее оставить в академии, как одну из замечательных работ. Еще больше понравилась вторая, вскоре затем написанная картина: "Авраам и три ангела", за которую академия присудила юному художнику золотую медаль.

Прошли годы, и из болезненного, хилого мальчика Карлуши вышел один из знаменитейших русских художников, Карл Павлович Брюллов.

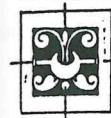
Он написал много замечательных картин и образов (в том числе таких, которые украшают Казанский собор в Санкт-Петербурге, храм Христа Спасителя в Москве, Сергиевскую пустынь близ Петербурга), множество портретов, целый ряд больших картин: "Осада Пскова", "Последний день Помпеи" (эти картины

находятся в музее императора Александра III в Петербурге), а также картин, изображающих сцены из жизни в Италии (где он жил продолжительное время) и др.

Между прочим, он написал свой собственный портрет с помощью зеркала. Это одно из самых замечательных его произведений. Оно изображает Брюллова незадолго до его смерти.

Родился Карл Брюллов в Петербурге в 1799 году, скончался в Италии, близ города Рима, в 1852 году.

Он считается одним из самых крупных, самых выдающихся, самых известных русских художников-живописцев.

ВАНЮША КРЫЛОВ

- Чего ты здесь ждешь, мальчиш? - спросил секретарь уездного суда в городе Калязине, заметив в приемной среди многих просителей двенадцатилетнего мальчика.

- Я пришел просить, ваше степенство, принять меня в суд, на службу, писцом, - бойко ответил мальчик.

- Писцом? - переспросил секретарь. - А писать умеешь?

- Умею хорошо, - также бойко ответил спрошенный.

- Ну-ка, садись и перепиши мне, что здесь написано на этой бумаге, - сказал, улыбаясь, секретарь и положил на стол толстую тетрадь.

Мальчик сел у стола, взял перо в руки и ровным, красивым почерком, ясно и отчетливо, без одной ошибки, переписал целую страницу.

- Хорошо, очень хорошо! - сказал секретарь. - Кстати, нам нужен писец. Я тебя и определю. Но кто твой отец?

- Отец мой умер. Он был капитаном в Яицкой крепости. Фамилия наша Крылов.

- Крылов, капитан Крылов? Как же, знаю, слышал... Храбрый был человек... Ну, так вот, мальчик, завтра же приходи на службу.

И вот двенадцатилетний мальчик поступил писцом в Калязинский уездный суд.

Этот мальчик был Иван Крылов, впоследствии знаменитый баснописец, тот самый, который написал басни: "Мартышка и Очки", "Лебедь, Щука и Рак", "Лисица и Осел", "Волк и Ягненок", "Демьянова уха" и много-много других.

Оставшись после смерти отца без всяких средств, он сам стал искать места, которое дало бы ему возможность заработать на жизнь для себя и для матери, и вот поступил писцом сна-

чала в Калязине, откуда затем перешел на службу в Тверь, в городское управление. Целыми днями сидел он за перепиской бумаг и на скучное жалованье содержал себя и мать.

Марья Александровна, мать юного Крылова, жалела своего мальчика.

- Тяжело тебе, Ванюша, целыми днями просиживать за делом и получать гроши, на которые мы еле перебиваемся. Не поехать ли нам в Петербург? Там, может быть, мне удастся выхлопотать для нас пенсию за многолетнюю службу твоего отца, да и ты, может быть, найдешь занятия повыгодней...

- Ах, мамочка, отлично ты придумала... Поедем, - ответил Ванюша.

И четырнадцатилетний Крылов уехал с матерью в Петербург, где ему удалось получить место переписчика в казенной палате.

Еще при жизни отца, который очень любил книги и имел целую библиотеку, Крылов усердно стал читать все, что попадало ему под руку, и под влиянием прочитанных книг решил сам написать басню в стихах, заимствовав ее содержание из одного французского сборника. Басня понравилась бывавшим в доме Крыловых соседям, и юного автора похвалили. В Петербурге, имея много свободного времени после службы, Крылов решил серьезно заняться пи-

сательством и написал пьесу под заглавием “Кофейница”. С этой пьесой он отправился к типографу Брейткопфу.

- Я слышал, что вы печатаете и издаете сочинения разных авторов, - обратился к нему Крылов. - Я принес вам пьесу, которую сам сочинил. Не купите ли ее у меня, чтобы издать ее отдельною книгою?

- А сколько вам лет, молодой человек? - спросил, улыбаясь, Брейткопф.

- Понадцатый год.

- И уже пишете пьесы? Посмотрим, посмотрим, что вы написали. Зайдите через два дня.

Спустя два дня юный Крылов был уже опять у Брейткопфа.

- Я прочел вашу пьесу и согласен ее купить у вас и напечатать, - такими словами встретил его старик. - Согласны ли вы продать ее за шестьдесят рублей?

- Конечно, согласен! - воскликнул радостно Крылов.

- Так вот получите деньги...

- Нет, денег мне не надо. Вы мне лучше позвольте выбрать на эту сумму книжек из вашей типографии... Я очень люблю книжки.

- Пожалуйста. Мне все равно.

Крылов вернулся домой и в полном восторге рассказал матери о своем успехе.

После этого Крылов написал еще две пьесы “Клеопатра” и “Филомена”, а когда в 1788 году скончалась его мать (Крылову было 22 года), он оставил службу и стал одно время исключительно заниматься писательством. Писал он комедии, оперы, которые исполнялись на сцене, стал издавать журнал и вскоре сделался довольно известным писателем. Но громкая известность его началась лишь тогда, когда он начал писать басни. Этими баснями зачитывались все, и взрослые, и дети; книги басен Крылова раскупались нарасхват. Имя Крылова стало известным всем, кто только умел читать. Оперы и комедии Крылова теперь забыты, их в театре не играют, а басни до сих пор читают, заучивают наизусть, и они, вероятно, никогда не будут забыты.

Хотя в большинстве басен Крылова выведены звери, но сразу легко догадаться, что то, что он говорил о зверях, большею частью применимо и к людям, что те пороки, которые он приписывал зверям, - свойственны не одним только животным...

В Летнем саду в Петербурге сооружен Крылову памятник, на котором он изображен сидящим с книгою своих басен в руках, а вни-

зу, кругом, изображены все те звери, про которых говорится в его баснях. А на том доме, в Петербурге, на Васильевском острове, по 1-й линии, где жил и умер Крылов, прибита мраморная доска, напоминающая всем о знаменитом баснописце, который двенадцатилетним мальчиком был уже писцом в уездном суде, а на четырнадцатом году стал писателем.

КОЛЯ ПИРОГОВ

Жило в Москве лет сто тому назад семейство Пироговых.

Как-то раз заболел в этой семье старший мальчик. К больному пригласили одного из знаменитых московских врачей.

Младший брат больного, семилетний Коля, находился в комнате, когда приехал врач, и видел, как выслушивал и осматривал юного пациента, как прописывал ему лекарства и пр.

Визит врача произвел такое сильное впечатление на маленького Колю Пирогова, что с той поры любимым его развлечением стала игра "в лекаря". Посадив в ряд несколько сверстников, а кстати и кошку, в виде как бы больных, он пресервенно представлял врача, осматривал

своих "пациентов", выслушивал и прописывал лекарства. Детская игра со временем превратилась в страстное влечение, и Коля решил, что когда подрастет, то сделается непременно доктором.

Учился Коля в гимназии очень хорошо и постоянно думал о том, как бы скорее окончить гимназию и осуществить свою мечту - поступить в университет и начать изучать все те науки, которые необходимо знать врачу. Свою любовь к занятию врача Коля проявлял часто на школьной скамье: порежет кто-нибудь пальц, ушибется - он уж тут как тут, поможет наложить повязку, наклеить пластырь и т.п.

На четырнадцатом году Коля стал студентом медицинского отделения Московского университета, и притом студентом чрезвычайно прилежным, не пропускавшим ни одной лекции. Главным образом его интересовала, однако, хирургия, то есть наука об операциях, которые приходится делать многим раненым и больным.

Пробыв в Московском университете пять лет, он отправился затем в Дерпт (ныне Юрьев), где тоже имеется университет, продолжал там учиться, а потом поехал еще за границу закончить свое образование как врач.

По возвращении из-за границы юный доктор был приглашен занять должность профес-

сопа сначала в Дерптский университет, а затем в Медицинскую академию в Петербурге. Вскоре он приобрел громкую известность и как ученый врач, и как знаменитый хирург, и как автор очень ценных трудов по науке об операциях.

Решив посвятить свои знания на святое дело помочи больным людям, в особенности, однако, раненым на войне, молодой профессор прервал на время свои лекции в университете и поехал на Кавказ (где в то время шла упорная война русских с кавказскими горцами), работал чуть ли не под пулями, жил в простой солдатской палатке, спеша всюду, где только были раненые, чтоб помочь им, облегчить страдания, и многим спас жизнь.

Когда в 1854 году началась война, происходившая в Крыму, Пирогов был отправлен туда правительством. Ему поручено было стать во главе всех врачей-хирургов, уже там находившихся, и заведовать Крестовоздвиженскою общиной сестер милосердия, которая приняла на себя обязанности ухода за ранеными. Пирогов охотно отправился и вскоре прославился, как один из самых выдающихся хирургов в мире.

По окончании войны Пирогов вернулся в Петербург, затем служил в Киеве, а когда в 1870 году началась война Германии с Франци-

ей, он опять отправился помогать страждущим. Наконец, в 1877 году, когда началась русско-турецкая война, Пирогов, несмотря на расстроенное здоровье и преклонные уже лета, поехал опять на войну, не жалея своих сил, чтобы оказать помощь раненым. И тысячи раненых и больных были обязаны ему своим спасением.

О том, как неутомимо работал этот удивительный врач и человек, показывает огромная цифра - 2000 операций, которые он сделал в одном Петербурге за 14 лет!

Но Пирогов был не только знаменитым врачом и хирургом. Он много сделал и для улучшения школьного дела, написал ряд очень ценных статей о том, как надо воспитывать детей, строго восставал против существовавших прежде в учебных заведениях наказаний розгами и пр. и пр. Сочинения, которые он написал о воспитании, до сих пор считаются одними из самых замечательных, написанных по этому вопросу. Их читают, из них черпают указание многие воспитатели и учителя.

Скончался Николай Иванович Пирогов в 1881 году, на семьдесят первом году жизни. В память его в Петербурге открыт музей его имени, в котором собраны разные предметы, необходимые для изучения врачам, а в Москве, в так называемом Клиническом городке, Пирогову поставлен прекрасный памятник.

САША СУВОРОВ

- Жаль, что мой сынишка родился таким хилым, слабым и болезненным. Мечтал я, что он будет, так же как и я, военным, да боюсь отдать его на военную службу. Здоровье мальчика едва ли позволит ему переносить трудности этой службы.

Так говорил живший лет двести тому назад в Москве отставной генерал и помещик Василий Иванович Суворов, глядя на своего сынишку Сашу.

Действительно, маленький ростом, хилый, слабого сложения, не в меру тощий мальчик имел вид болезненного ребенка, которому не под силу будет военная служба. Но этот слабый на вид мальчик уже с самых ранних лет проявлял необыкновенную смелость, отвагу и неустрашимость и только и мечтал о том, чтобы сделаться военным. А научившись грамоте, Саша с жадностью стал читать книги, в которых описывались походы, опасности на войне, подвиги полководцев, и потом с таким увлечением рассказывал перечитанное, что видно было, что он чувствует истинное призвание к во-

енному делу. В то же время он сам старался как бы подготовить себя к военной службе, закалить себя. В дождь, в слякоть он бежал из дома, чтобы промокнуть, и когда отец начинал его журить, он отвечал: "Солдат должен привыкать ко всему!" Другой игры и забавы у него не было, как только купаться, хотя бы в заморозки, лазить по деревьям, по рвам, по ямам, стрелять в цель. Когда поймает хоть мужичью лошадь - скакет без седла, пока он и лошадь не выбьются из сил. Когда ему запрещали бегать, скакать на лошади, стрелять в цель, плавать - он запирался в комнате и углублялся опять в чтение книг о военных подвигах.

Однажды отца Саша посетил генерал Ганинбал. Он застал мальчика за географическими картами, на которых Саша отмечал движение войск в войну против шведов, про которую он только что читал. Переговорив с мальчиком и расспросив про его занятия, генерал сказал его отцу:

- А вы бы все-таки отдали сына на военную службу. Я вижу, у него искреннее влечение к военному делу. Он смотрит на это дело вовсе не как на забаву, как другие дети его возраста, а серьезно, точно взрослый.

Отец стал возражать, доказывая, что болезненный Саша не годится в военные, и прибавил, что уже решено, когда Саша подрастет,

Российская
Государственная
библиотека
1998

отдать его на гражданскую службу - сделать чиновником.

- Я его поэтому даже и не записал в полк, - заключил отец Саши.

В те времена требовалось даже от знатных людей, чтобы они начинали военную службу с самого нижнего солдатского чина. Поэтому родители обыкновенно делали так: едва только у них рождался сын, они записывали его в полк на службу; пока мальчик рос, ему шли чины, а когда он вырастал и поступал на действительную службу, то уже делался офицером.

Генералу Ганнибалу после долгих стараний удалось уговорить отца Саши исполнить желание мальчика. Но так как Саша не был записан в детстве в полк, то мальчику предстояло начать службу с солдатских чинов.

По принятому обычаю Саша, которому было тогда двенадцать лет, держал экзамен при военном училище. Он выдержал его успешно, и мальчика записали в лейб-гвардии Семеновский полк рядовым, но пока отослали обратно домой, где Саша пробыл еще три года. И только на пятнадцатом году жизни, в 1745 году, Александр Суворов, наконец, мог осуществить свою детскую мечту - поступить в полк. В эти три года он успел при помощи книг ознакомиться со всеми подвигами и деяниями

выдающихся полководцев, изучил историю, географию, упражнялся в иностранных языках.

В полку своим образом жизни Суворов несколько не отличался от прочих солдат: жил вместе с ними в казармах, ел простую солдатскую пищу, спал на соломе, чистил себе сам платье, сапоги, ходил на караулы и стоял на часах во всякую погоду.

Однажды ему пришлось стоять на часах в Петергофском дворце. Царствовавшая тогда императрица Елизавета Петровна, сходя по лестнице, обратила внимание на юного часового, который необычайно бойко и ловко отдал ей честь. Императрица остановилась и спросила, как его зовут, чей он сын и прочее. Суворов отвечал быстро и бойко. Императрица осталась, видимо, очень довольна, потрепала его по щеке и, вынув из кармана серебряный рубль, сказала:

- Вот тебе награда за твою усердную службу!

- Ваше величество, не возьму, - произнес почтительно Суворов, - солдатам, стоящим на часах, запрещено брать что-либо.

- Молодец, славный солдат! - заметила императрица и, обласкав его, положила рубль на пол и прибавила: - Возьми, когда сменишься.

Суворов был вне себя от радости и потом до конца жизни хранил подарок императрицы,

как драгоценность, и гордился им, как первой наградой, полученной за то, что был лихой солдат.

Солдатская служба приучила юного Суворова переносить утомление, непогоду и лишения всякого рода, сделала его сильнее, крепче. Из хилого, болезненного он стал здоровым, сильным, выносливым.

Служа солдатом, Суворов не переставал заниматься науками, превосходно изучил все особенности военного дела, много читал.

На двадцать пятом году жизни Суворов был произведен в офицеры и быстро выдвинулся своими знаниями и своей храбростью в походах и войнах, которые тогда вели Россия.

Больше всего Суворов прославился в войне против турок, которую вели императрица Екатерина II. Особенно блестательную победу одержал он при реке Рымнике и за эту победу получил звание графа Рымникского. Большую славу доставили ему также сражение под Кинбурном и взятие штурмом турецкой крепости Измаил. Императрица щедро награждала Суворова за каждый подвиг, а когда впоследствии Суворов, во главе русской армии, одержав победу над польскими войсками, вступил в Варшаву, императрица произвела его в фельдмаршалы.

У Суворова было много завистников и врагов: пока жила императрица Екатерина II, они, однако, ничего не могли поделать, зато, когда после смерти императрицы вступил на престол император Павел I, они обвинили Суворова в разных дурных замыслах и, между прочим, ставили ему в вину то, что он порицал те порядки, которые тогда стали вводить в русском войске, считая их вредными. Император разгневался, велел уволить Суворова в отставку и отправить на житье в село Кончанское, Новгородской губернии. Но вот, спустя два года, возникла война между немцами и французами. Австрийский император просил помочь у русского государя и непременно требовал, чтобы во главе русских войск стал Суворов. Старый фельдмаршал опять стал предводителем и повел русские войска через непроходимые горы Альпы и одержал ряд побед над французами, которые покрыли свою русскую армию. За этот поход ему пожалован титул князя Италийского и звание генералиссимуса, то есть главного начальника всей армии. Переход через Альпы был последним подвигом Суворова: он возвратился с похода больной и вскоре - 6 мая 1880 года - скончался.

Суворов принадлежал к числу тех людей, которые сами, своим умом, дарованиями, зна-

ниями, усердием пробивают себе дорогу к почетиям. Отличаясь удивительной храбростью, он, однако, никогда без нужды не выказывал ее, но там, где считал нужным, бросался смело в бой и неоднократно был ранен. Решительный и отважный в своих поступках, он требовал и от других решительности, поощрял и щедро награждал храбрых.

Солдаты очень любили Суворова, доверяли ему и готовы были всегда исполнить то, что он приказывал. Он умел воодушевить войско, поддерживать в нем храбрость во время опасности. "Когда батюшка Суворов с нами, то и победа наша", - говорили солдаты. Часто смешил он солдат своими выдумками и чудачествами. Вообще человек он был довольно странный, любил шутить и балагурить. Он, например, ходил всегда подпрыгивая, говорил прибаутками и загадками, в разговоре с другими кривлялся, пел петухом. Жизнь вел Суворов очень скромную, спал на сене, вставал он очень рано и в самую холодную зиму бросался в снег; обедал в 7 часов утра, ел большею частью только щи, запивая их квасом, носил даже в холода самую легкую одежду. В селе Кочанско-ком Суворов дружил с деревенскими мальчиками, играл с ними, а во время церковной службы отправлял должностную дьячка - читал и пел, подавал священнику кадило.

Полюбив с детства военную службу, Суворов на всю свою жизнь сохранил эту любовь. Но он смотрел всегда на военное дело, как на дело очень ответственное, трудное, щадил по мере возможности солдат. Как полководец, он прославился на весь мир одержанными русским войском под его начальством победами.

В Петербурге Суворову поставлен памятник, на котором он изображен римским воином. Кроме того, в Петербурге устроен музей, в котором собраны разные предметы, принадлежавшие Суворову, его шпаги, мундир, портреты и пр.

ТОША СЕРОВ

У известного композитора Александра Серова, творца опер "Рогнеда", "Юдифь" и "Вражья сила", в 1865 году, в Петербурге, родился сын Валентин.

Тоша - как звали его в семье - был мальчик очень веселый, любил играть, шалить. Кудрявый, светлый, розовый, он целые часы прыгал по диванам и без удержанья смеялся.

Однажды к Серову-отцу зашел художник Репин, тогда еще студент академии, и, чтобы

развлечь шалуна, начал рисовать ему на бумаге лошадок, собачек, кошек.

- Дай мне, дядя, карандаш... Я тоже буду рисовать, - сказал Тота.

У мальчика, державшего в руке первый раз в жизни карандаш, конечно, рисунок не удавался. Но он так заинтересовался с тех пор рисованием, что при всяком удобном и неудобном случае хватал карандаш и рисовал, рисовал без конца. Особенно старался он изображать животных и за рисованием забывал об обычных своих шалостях, целые часы проводя за столом с карандашом в руке.

Восемь лет Тота лишился отца. Мать переехала с мальчиком в город Мюнхен, в Германию, и здесь Тота начал брать первые уроки рисования. В следующем году мать повезла Тоту в Париж, где он встретил своего старого знакомого, окончившего академию художника Репина; и стал заниматься у него в мастерской.

Репин сразу признал в Тоте талант и принял в мальчике горячее участие. Особенно удивляли Репина необыкновенные усидчивость и прилежание Тоти. Целыми часами мальчик готов был просиживать за рисованием, беспощадно стирал уже законченный рисунок, который считал недостаточно хорошим и начинал его вновь.

Для уроков по наукам (о чем серьезно заботилась его мать, Валентина Семеновна) Тота ездил на омнибусе к студентке Даниловой, которая училась в Париже медицине. А после уроков опять возвращался в мастерскую Репина, где работал до вечера. Потом он вместе с Репиным гулял по бульварам, осматривал памятники, восторгался большими зданиями. Во время этих прогулок Тота начинал иногда спорить с Репиным, что красивее, конь или лев и т.п. И бывало, увлекшись спором, они оба опаздывали к ужину.

В 1876 году Тота Серов уехал с матерью в Москву и поступил там в гимназию. Спустя два года он опять встретился с Репиным и стал с ним заниматься, рисуя все, что только можно было видеть из окон репинской квартиры.

В гимназии учился Серов неважно. На уроках его часто замечали рисующим портреты наставников. Ввиду малых успехов, мать решила взять сына из гимназии и закончить его научное образование дома. А художественный талант Тоти между тем выступал все ярче и ярче.

В 1880 году, несмотря на ранний возраст, Тота Серов по рекомендации Репина был принят в Императорскую академию художеств, в класс профессора Чистякова. Но пробыл он там недолго - всего два года, хотя в академии

очень ценили даровитого молодого ученика и за один из его рисунков наградили его серебряной медалью.

Покинув академию, Серов, однако, не бросил учиться. Он уехал в Мюнхен, стал тщательно изучать там картины и рисунки знаменитых художников. Затем вернулся опять в Россию, работал в мастерской художника И.С.Остроухова, потом в имении фон Дервиза и др. Имя его, как выдающегося художника, уже тогда стало известным всем знатокам искусства. Его картины охотно покупали. Слава Серова росла с каждым годом. Портреты, которые он писал, привлекали на выставках общее внимание. Известность Серова проникла и за границу, и везде и всюду в нем признавали крупного, выдающегося художника.

В числе его картин одна особенно заставила много говорить о себе: разгневанный Петр Великий шагает в сильный ветер по строющейся набережной Невы, за ним едва поспеваюте его приближенные. На картине ясно выражена нервность Петра, его страшно высокая фигура; кругом буря. Картина эта находится в Третьяковской галерее в Москве.

Из других работ Серова выделяются: замечательный портрет государя императора Николая Александровича (в музее императора

Александра III), портрет отца художника - композитора А.Н.Серова, портреты художника Левитана, княгини Орловой, композитора Н.А.Римского-Корсакова, артистки Ермоловой, артистки Иды Рубинштейн, артиста Южина и многие другие.

Кроме того, Серовым сделано много иллюстраций. Особенно выдающиеся из них изображают разные охотничьи сцены и помещены в книге Н.Кутепова "Великокняжеская охота".

Скончался Серов в 1911 году, совершенно неожиданно.

В числе оставшихся после него вещей находится альбом его рисунков, сделанных тогда, когда Серову было всего девять лет. Тут и скачущая лошадка, и собачки, и кошки, и детские головки, и головы стариков, и рисунок красками "Взятие Ильи на небо", и много других. Лучший рисунок изображает застывшую в чванливом молчании ворону (Серов вообще почему-то очень любил рисовать ворон). Во всех этих рисунках, несмотря на то что в них видна неопытная еще детская рука, сквозит уже бесспорное дарование, которое и развилось впоследствии в крупный талант.

МИТИА МЕНДЕЛЕЕВ

Огромное несчастье стряслось над семьей директора Тобольской гимназии Ивана Павловича Менделеева: глава семьи, сам Иван Павлович, давно уже страдавший глазами, совершенно ослеп. Пришлось оставить гимназию, бросить службу и жить на крошечную пенсию. А между тем семья была большая - четырнадцать человек детей! С ужасом думал бедный учитель, что скромной пенсии не хватит на содержание всего многочисленного семейства и что его детям придется идти просить милостыню... Но этого не случилось. Супруга Ивана Павловича не растерялась: она решила, что теперь она должна принять на себя все заботы как о детях, так и о больном муже и искать заработка.

У брата ее был близь Тобольска небольшой стеклянный завод, заброшенный и несколько лет уже не работавший. Марья Дмитриевна обратилась к брату с предложением дать ей место заведующей этого завода, надеясь поднять дела завода, оживить их и этим

путем добыть средства на содержание всей семьи. Брат охотно согласился.

Завод находился в десятке верст от города. Это не смущило Марью Дмитриевну. Она энергично принялась за дело, стала ездить на завод, старалась развить его, увеличить обороты; свободные же часы посвящала своим детям, их воспитанию. И как ни трудно было жить постоянно в переездах и в непрерывных заботах о завтрашнем дне, в страхе, что дела могут пошатнуться, Марья Дмитриевна не унывала и работала без устали, мечтая лишь о том, чтобы, как говорится, поставить "детей на ноги".

Самого маленького - четырнадцатого в семье Менделеевых ребенка - звали Митя. Это был любимец матери. Рос он слабым, болезненным, но уже с самых ранних лет Митя стал проявлять необыкновенную любознательность и обнаруживал большие способности.

Марья Дмитриевна старалась поддерживать любознательность мальчика, охотно пускалась с ним в беседы, рассказывала ему многое, возила на завод, показывала, как делают стекло, и всячески способствовала умственному развитию своего любимца.

Поступив в гимназию, Митя учился прилежно, а в свободное время очень любил читать книги, по преимуществу, однако, те, которые он

называл "учеными", то есть те, в которых сообщались какие-нибудь научные сведения, в особенности же такие, из которых можно было узнать, что из чего и как делается, какие есть на свете камни, как добывают поташ, как выделяют краски. Но в то же время он охотно читал и другие книги - путешествия, приключения среди индейцев и т.п., следя в этом отношении советам матери, которая часто повторяла: "Из всякой книжки можно чему-нибудь научиться".

Еще во время пребывания Мити в гимназии было решено, что по окончании курса он поступит в Московский университет, а затем сделается учителем. Учителем был Иван Павлович Менделеев, учителем на роду написано было быть и его сыну.

Между тем шли годы. Огромная менделеевская семья разбрелась: одни из братьев и сестер умерли, другие разъехались кто куда; осталась Марья Дмитриевна одна с дочерью Лизанькой и Митею, который уже кончал гимназию и готовился поступить в университет. Марья Дмитриевна не хотела расстаться с сыном и решила поехать вместе с ним: на последние крохи они и собирались в Москву.

Однако поступить в университет по разным причинам не удалось. Сильно к сердцу принял эту первую неудачу Митя, еще сильнее Марья

Дмитриевна. В конце концов решено было попытаться поместить Митю в учительский институт в Петербурге.

Собрались - поехали. Благодаря стараниям и хлопотам матери Митя - теперь уже взрослый юноша Дмитрий Менделеев - был принят в институт на казенный счет и стал заниматься с необычайным усердием. Из многих наук, которые преподавались в институте, его больше всего интересовали химия, минералогия, ботаника, физика, математика, в особенности же химия. Но он не пренебрегал и другими науками, хотя и решил сделаться преподавателем химии.

Еще будучи студентом, Менделеев стал писать статьи по химии в "Записках Минералогического общества", а в 1856 году, на двадцать втором году жизни, прочел в Петербургском университете свой доклад по химии и удостоился звания магистра химии; вслед же за тем он получил место учителя гимназии, сначала в Симферополе, потом в Одессе.

Теперь он был обеспечен и мог жить спокойно, как живут многие другие учителя. Но юного учителя влекло к науке, к дальнейшему изучению химии. И как гимназистом он все свободное время посвящал чтению, так теперь - после уроков в гимназии - стал заниматься

любимым своим предметом - химией, работал в своей маленькой лаборатории, производил разные опыты, писал ученые статьи о химии и пр. В 1854 году Менделеев вернулся в Петербург, где уже его имя, как автора многих статей по химии, приобрело известность, и был допущен к чтению лекций в университете. А спустя несколько лет, после того как Менделеев побывал за границей, его пригласили в профессора химии, сначала в технологическом институте, затем в Санкт-Петербургском университете. С тех пор научная деятельность Менделеева приняла все более и более широкие размеры. Он сделал ряд ценных открытий в области любимой им науки и написал свыше 150 разных книг и статей, среди которых особенно прославились его "Основы химии", по которым до сих пор изучают эту науку во всех высших учебных заведениях в России и во многих за границей. Вообще Менделеев становится известным ученым не только в России, но и за границей. Его труды стали пользоваться европейской славой, его имя заняло одно из самых видных мест в ученом мире. Но Менделеев был не только крупным ученым в области химии: им написано также много о положении русского фабричного дела, выпущено ценное сочинение "О познании России" и пр.

Несмотря на громкую славу, Менделеев остался скромным человеком и до последних дней своей жизни сохранил глубокую, трогательную любовь к матери, которая - увы! - не дожила до того времени, когда ее любimeц стал знаменитостью: она умерла, когда ее сын находился еще в педагогическом институте. "Если я сделался ученым, если я приобрел известность и принес пользу науке, то этим я всецело обязан руководительнице моих детских лет - моей матери: она сумела внушить мне любовь к труду, любовь к науке, она же часто ради меня отказывала себе в самом необходимом, не щадя средств на мое образование", - так повторял нередко Менделеев и матери своей посвятил один из своих ученых трудов.

Семьдесят три года прожил Менделеев (он скончался в 1907 году), и вся его жизнь была полна труда, вечного, неустанного труда.

МИША ГЛИНКА

В селе Новоспасском, Смоленской губернии, в 1804 году у помещика Ивана Глинки родился сын Миша.

Слабый, болезненный, нервный мальчик, он уже с самых ранних лет обнаруживал страсть к музыке: жадно вслушивался в звуки колокольного эвона, а потом подражал эвониям, ударяя в медные тазы и подбирая тоны. В церковь Мишу редко брали: боялись, как бы не опахнуло его холодом, как бы не прохватило сквозняком...

В торжественных случаях, по обычаяу помещиков того времени, отец Миши для развлечения своих гостей приглашал оркестр музыки. Слушая игру наезжего оркестра, одиннадцатилетний Глинка становился рассеян, невнимателен и, весь погруженный в музыку, точно забывал совсем, что творится кругом. Учитель неоднократно журил его за то, что он только о музыке и думает:

- Что делать? - отвечал Миша. - Музыка душа моя!

И это не были пустые слова: Миша действительно полюбил музыку, полюбил искренно, горячо, хотя отнюдь не думал, что сделается когда-либо знаменитым музыкантом.

Уроки на фортепьяно он брал охотно и тринадцать лет уже бегло разыгрывал пьесы модных композиторов.

Когда Мише пошел пятнадцатый год, его повезли в новооткрытый благородный пансион при педагогическом институте в Петербурге.

Там он вскоре прослыл среди товарищей "сочинителем музыки", и когда однажды воспитанники сложили про своего любимого учителя и инспектора стихи, Глинка подобрал под них музыку, научил своих товарищей петь стишкы-песенку и стал дирижером, который руководил пением песенки.

Окончив курс института первым, Глинка поступил на службу в канцелярию совета министерства путей сообщения и только часы досуга мог посвящать любимой им музыке.

В числе близких знакомых Глинки был князь С.Г.Голицын, тоже большой любитель музыки. Он один из первых обратил внимание на музыкальные способности Глинки, всячески поощрял его и советовал заняться композиторством, то есть сочинением музыкальных пьес. И частью под влиянием Голицына Глинка стал сочинять разные музыкальные пьесы.

Постигшая Глинку тяжелая болезнь заставила его бросить службу и уехать на четыре года за границу - в Швейцарию и Италию, где он познакомился со многими певцами, композиторами и ценителями музыки и часто бывал в их обществе. Сам он усердно продолжал заниматься музыкой и, между прочим, изучал трудное искусство писания музыки для пения.

В 1834 году, вследствие смерти отца, Глинка вернулся на родину. В это время у него явилась мысль написать оперу "Жизнь за царя". Писатель Розен написал к задуманной опере текст, так называемое либретто, а сам Глинка с жаром принялся за составление музыки, твердо решив довести задуманное до конца.

Первое представление оперы "Жизнь за царя", посвященной императору Николаю I, состоялось 27 ноября 1836 года. Успех ее был огромный. Император Николай I, присутствовавший на этом представлении, велел пригласить Глинку к нему в ложу, лично благодарил его, а потом приказал выдать ему перстень и крупную денежную награду.

С тех пор имя Глинки уже стало известно всем любителям и знатокам музыки, и все считали его кроупным, знаменитым музыкантом.

Ободренный успехом, Глинка принялся за другую оперу, "Руслан и Людмила", которая была поставлена в 1842 году. Но вначале эта опера не понравилась, и лишь спустя много лет признали ее огромные достоинства.

Умер Глинка 22 мая 1858 года в Берлине. Тело его было привезено из-за границы и погребено на кладбище Александро-Невской лавры, рядом с могилами писателей: Жуковского, Карамзина, Крылова, Гнедича, Баратынского.

В Смоленске и в Петербурге Глинке сооружены памятники.

НИКОЛАША ГОГОЛЬ

Под развесистым дубом усадьбы на хуторе Васильевке, Полтавской губернии, сидит в кресле старик. У ног его приотился мальчик, лет восьми.

- Дедушка, а дедушка, расскажи что-нибудь, - просит мальчик, - расскажи про старины, про то, как жили и воевали в прежнее время казаки. Ты так чудесно рассказываешь...

Дедушка охотно исполняет желание внука и рассказывает, рассказывает иногда до позднего вечера.

- Не пора ли спать, Николаша? - спрашивает он наконец мальчика.

- Нет, дедушка, нет. Продолжай, пожалуйста, - отвечает Николаша. - Мне совсем не хочется спать...

Старый дедушка охотно исполняет желание мальчика.

Прошли годы, и этот мальчик, так жадно прислушивавшийся к рассказам своего дедушки, стал знаменитым писателем, написал ряд повес-

тей, рассказов и сказок, которыми зачитываются теперь все, кто только умеет читать по-русски; он же сочинил несколько пьес, которые даются во всех театрах. В большинстве своих произведений он так удачно изобразил в смешном виде многие пороки и недостатки, так метко представил разных смешных людей, что всякий, кто только принимается за чтение его книг или смотрит его пьесы, не может удержаться от смеха.

Этот писатель - Николай Васильевич Гоголь.

Родился Гоголь в маленьком местечке Сорочинцах, Полтавской губернии, а детские годы провел на хуторе Васильевке, где жили его родители, брат, сестры и старый дед, так интересно рассказывавший своему внуку.

Рос Николаша туго, щедушным и болезненным, под надзором нежной матери, которая берегла и баловала своего любимого сыночка. Учился он сначала дома у наемного семинариста, потом некоторое время в Полтаве у преподавателя, который подготовил его в гимназию в Нежине.

В гимназии Гоголь скоро прослыл первым весельчиком и шутником; товарищи очень полюбили его и называли "веселым Николашей". Не особенно усердно занимаясь уроками, бу-

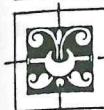
дущий писатель много читал, устраивал любительские спектакли (причем сам особенно охотно исполнял роли старух), стал сочинять рассказы и издавать рукописный журнал "Звезда". По окончании гимназии он отправился в Петербург, где поступил на службу, был чиновником, учителем, профессором и в то же время писал свои сочинения, доставившие ему такую громкую славу.

Среди произведений Гоголя особенно известны: "Вечера на хуторе близь Диканьки", "Вий", "Тарас Бульба", "Старосветские помещики", "Мертвые души", "Ревизор", "Женитьба" и др. В первых из этих произведений он верно и красиво описал малороссийскую жизнь, в остальных же - изобразил жизнь и нравы прежних помещиков и чиновников и выставил напоказ, в смешном виде, все их пороки и недостатки, все дурные поступки. Но у Гоголя было не одно только желание веселить и смешить своих читателей, когда он изображал пороки и недостатки: он хотел исправить одних, предостеречь других, чтобы они не сделались такими же смешными и дурными. Ему было больно и горько, что так много на свете дурных, испорченных и смешных людей. Высмеивая их, он в то же время жалел тех, которым приходилось страдать от пороков и недостатков таких людей.

Но в произведениях Гоголя не только смешное: он чудно описывал природу, рассказывал и про честных, добрых людей, которым так трудно живется среди злых и дурных, и т.д.

Много было и есть в России писателей, но Гоголь один из тех немногих, которые признаны великими. Признан же он великим, потому что не только сумел верно и метко изобразить в своих произведениях живых людей, представить их в их настоящем виде, сумел подметить их смешные стороны, их пороки и недостатки, но и сумел рассказать про них в замечательно красивой или, как говорится, художественной форме, в какой только и могут рассказывать немногие, одаренные особенным талантом писатели. А рассказывает он про всех этих людей так верно и правдиво, что когда читаешь произведения Гоголя, то кажется, будто все эти люди, которых он изобразил, точно живые стоят тут, перед вами, говорят все то, что вложил в их уста писатель, действуют так, как он это описал.

Скончался Гоголь в Москве 21 февраля 1852 года и там и похоронен в Даниловском монастыре.

АПОЛЛОН МАЙКОВ

У отставного гусарского офицера Николая Майкова, раненного в сражении с французами в Бородинском бою, был сын Аполлон, родившийся в 1821 году.

Бывший офицер, оставив службу и живя помещиком в селе Никольском, близъ Троице-Сергиевой лавры, научился самоучкой рисовать, занялся рисованием и живописью и стал впоследствии даже известным художником.

Аполлон, очевидно, унаследовал талант отца: он уже с самых ранних лет тоже стал рисовать, хотя занятию этому сильно мешала близорукость мальчика.

В 1834 году семья Майковых переехала на постоянное жительство в Петербург, где двух старших детей: Аполлона, которому шел тогда тринадцатый год, и Валериана отдали дяде, занимавшемуся подготовлением юношей к поступлению в учебные заведения. В числе учителей Майкова был известный писатель И.А.Гончаров, преподававший ему русскую

литературу. Благодаря Гончарову юный Майков особенно полюбил чтение произведений русских писателей. Через три года Аполлон поступил в Санкт-Петербургский университет на юридический факультет и окончил его в 1841 году.

Еще до поступления в университет Аполлон Николаевич пятнадцатилетним мальчиком начал писать стихи, участвуя в различных журналах и альманахах, составлявшихся в семье Майковых. Но тогда никто еще не думал, что Аполлон станет со временем поэтом, и, хотя в стихах мальчика признавали известное дарование, находили, что у него гораздо больше способностей к рисованию и живописи и что он станет со временем художником. Да и сам Аполлон мечтал о карьере живописца.

В университете Майков учился очень прилежно, но в то же время не переставал писать стихи, на которые обратили внимание тогдашние профессора Никитин, Плетнев, Шевырев, находя в них признаки большого таланта. В 1838 году в Санкт-Петербургском университете профессор Никитин и в Московском профессор Шевырев познакомили студентов по рукописным тетрадкам со стихотворениями студента II курса Аполлона Майкова, отзываясь о них с похвалою. Но в печати стихотворе-

ния Майкова появились только в 1840 году в "Одесском альманахе", затем в журнале "Библиотека для чтения" и др.

Стихотворения эти обратили на себя внимание читателей, и, когда они в 1842 году вышли в свет отдельной книгой, знаменитый критик Белинский дал о них лестный отзыв. "Майков, - писал Белинский, - вполне владеет орудием искусства - стихом, который у него напоминает стихи первых мастеров русской поэзии, а это великий и подающий самые лестные надежды признак".

Белинский не ошибся: Майков стал действительно крупным, выдающимся поэтом.

Книжку стихотворений Майкова тогдашний министр народного просвещения граф С.С.Уваров представил императору Николаю I - "как плод студенческого досуга". Государь принял книгу и приказал спросить: "чего желает Майков?" - "Ехать в Италию", - ответил поэт, и ему была пожалована для путешествия тысяча рублей. За границей он пробыл почти два года: около года в Италии, почти полгода в Париже и месяца два в Праге.

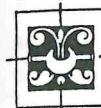
По возвращении в Россию А.Н.Майков поступил на службу сначала в государственное казначейство, потом в Румянцевский музей в Москве (где он был библиотекарем), наконец,

в комитет цензуры иностранной в Петербурге. Но, состоя на службе, он не бросал занятий поэзией и все свои досуги посвящал этим занятиям, причем всегда очень усердно работал над каждым, даже самым маленьким стихотворением, стараясь отдать его как можно старательнее, лучше.

Написал Майков очень много, и содержание его произведений самое разнообразное. Он любил описывать в стихах русскую сельскую природу, разные события из истории Древнего Рима и из истории России, сочинил несколько легенд в стихах, написал целый ряд стихотворений из детской жизни и много, много других. Все его стихотворения замечательно красивы, звучны и составляют украшение русской поэзии. Нет почти ни одной русской хрестоматии, ни одного сборника стихотворений русских поэтов, в которых не было бы помещено несколько стихотворений Майкова; нет образованного русского человека, который бы не знал и не читал стихотворений Майкова.

Еще при жизни Майков был признан выдающимся поэтом, но сам он всегда отличался скромностью и часто оставался не совсем довolen написанными им произведениями и раньше, нежели отдать их в печать, неоднократно исправлял их, изменял.

Кроме поэзии А.Н.Майков занимался и живописью. Одну написанную им картину "Распятие" увидел император Николай Павлович и пожелал приобрести ее для устраивавшейся им католической капеллы по случаю бракосочетания великой княгини Марии Николаевны с герцогом Лейхтенбергским; так как Майков отказался от вознаграждения, то государь пожаловал ему бриллиантовый перстень.

АРХИП КУИНДЖИ

В Мариуполе в одной из мелочных лавочек служил на побегушках маленький, черненький грек. Мальчик Архип (так звали его) был честный и добродушный мальчик, и хозяин, без сомнения, был бы очень доволен им, если бы у мальчика не было одной слабости: пошлют Архипа за чем-нибудь в лавочку, а он и пропадет. Ждут-ждут его, а мальчика все нет. Где же пропадал Архип? Кому-то из приказчиков удалось наконец открыть его тайну. Едва лишь улучит Архип минуту, когда пошлют его куда-нибудь, выберет укромное местечко где-нибудь на заборе или на стене дома, вытащит из кармана уголь и ну рисовать. И сколько раз попа-

дало ему за это от дворников, чтобы не пачкал заборов! Сколько раз бил его за это и хозяин!

Однако на его рисунки обратили внимание добрые люди и помогли мальчику добраться до Феодосии, где в то время жил знаменитый художник Айвазовский. Многому научился тут молодой художник, но ему захотелось учиться еще больше. С грехом пополам собрал он себе денег на дорогу и отправился в Петербург. Его мечтой было попасть в Академию художеств. Но тут молодого Куинджи постигла неудача. Три года подряд держал он экзамен и три раза проваливался. Наконец его приняли. Здесь он много и добросовестно работал, поражая своими работами и товарищей, и учителей. В 1868 году Куинджи окончил академию и скоро выставил ряд хороших картин. Однако это было еще далеко от того, к чему он стремился. Только во второй половине семидесятых годов появляются его картины: "Лес", "Заходящее солнце", "Украинская ночь", "Березовая роща", "Ночь на Днепре", и имя Куинджи со славой разносится буквально во все уголки России. И неудивительно, ибо никто раньше не передавал так ни солнечного, ни лунного света. Картины Куинджи иногда прямо обманывали и казались не картинами, а видом в окно.

Вскоре после этого А.И.Куинджи был избран в академию профессором. Из его учени-

ков вышло много известных художников. Все ученики его с удивительной любовью и благодарностью вспоминают о своем бывшем учителе. Необыкновенно добрый и отзывчивый человек вообще, А.И.Куинджи особенно хорошо относился к молодым художникам. Он помогал им не только советами, добрым словом, но и материальными средствами. Из своего огромного состояния, которое он приобрел исключительно своим трудом, А.И.Куинджи пожертвовал 200 тысяч рублей на премии художникам за лучшие картины на выставках. Затем он подарил Обществу художников свое имение на Южном берегу Крыма, которое ценится почти в полтора миллиона рублей.

Это его крупные пожертвования. Но помимо этого, он раздавал направо и налево всем нуждающимся, обращавшимся к нему за помощью, а перед смертью он все свое огромное состояние отдал художникам.

В своей частной жизни Куинджи был очень скромным человеком, никогда не держал прислуги, исполняя все работы вдвоем со своей женой.

Его любимым удовольствием было кормить голубей, которые свободно влетали в его квартиру и садились ему на плечи.

Вообще он очень любил животных и птиц и нередко подбирал где-нибудь на улице больных

кошек и собак, за которыми потом с трогательной заботливостью ухаживал сам с женой.

Куинджи скончался на 69-м году жизни. В лице его сошел в могилу не только большой талант, крупный, известный художник, но и чудный, добрейший человек, такие редко встречаются.

МИША СКОБЕЛЕВ

- Дедушка, расскажи, как ты воевал с французами!

С такой просьбой часто приставал маленький белокурый мальчик к своему деду, отставному безрукому генералу, награжденному за отличия в Отечественную войну 1812 года Георгиевским крестом.

Не было для Миши - так звали мальчика - лучшего удовольствия, как слушать рассказы про войны, битвы, подвиги, героев. А когда отец Миши, тоже военный, окруженный старыми офицерами, вел беседы о войне на Кавказе, в Венгрии, в Крыму, Миша целыми часами сидел молча, прислушиваясь с жадным вниманием, иногда задавал вопросы, стараясь удержать в памяти множество военных событий, имен, названий мест.

Мальчик он был очень смелый, самолюбивый, настойчивый, а вместе с тем чрезвычайно впечатлительный, вспыльчивый и упрямый.

- С Мишею надо обращаться строго; иначе из него ничего путного не выйдет, - говорил иногда отец, вообще человек крайне строгий.

Когда Мише исполнилось семь лет, к нему приставили гувернера-немца, предоставив ему неограниченную власть над мальчиком. Гувернер оказался человеком очень жестоким, сек своего воспитанника прутьями за малейшую ошибку при заучивании немецких слов и жаловался родителям Миши, что его ученик упрям, непослушен, ленив. Однажды гувернер даже ударил Мишу по лицу. Мальчик не вынес обиды и резко ответил немцу. После этого отец рассчитал гувернера, а мальчика отвез в Париж, где отдал его на воспитание Дезидерию Жирардэ, имевшему там пансион.

Новый воспитатель был человек образованный, честный, добрый. Он полюбил своего питомца. Со своей стороны Миша тоже полюбил своего воспитателя, который снисходительно относился к кипучей натуре Миши и старался развить в нем добрые чувства.

Окончив ученье у Жирардэ, Миша, уже взрослым семнадцатилетним юношей, по желанию родителей возвратился в Россию для даль-

нейшего продолжения образования и, подготовившись к экзамену под руководством опытных преподавателей, поступил в университет. Но занятия в университете не понравились ему: он с завистью смотрел на сверстников, которые поступили на военную службу, читал разные книги о военных подвигах, о жизни полководцев и мечтал о том, чтобы тоже стать военным. Между тем отец Миши почему-то находил, что его сын не годится в военные. Как раз в это время университет в Петербурге вследствие студенческих беспорядков закрыли. Отец Миши тогда уже сам стал хлопотать о принятии сына на военную службу юнкером.

И Михаил Скобелев (так звали Мишу) был зачислен в Кавалергардский полк юнкером. Это было в ноябре 1861 года.

Как раз в это время вспыхнул мятеж в Польше, и юный кавалергард, желая принять участие в военных делах, присоединился к одному из пехотных отрядов, отправившихся в Польшу. После того как он отличился в нескольких схватках с мятежниками, его перевели в Гродненский гусарский полк.

По окончании военных действий в Польше молодой гусар приехал в Петербург, с целью получить высшее военное образование, и поступил в Николаевскую академию генерального

штаба. По окончании курса в академии он был назначен в Туркестан, где вскоре отличился во время военной экспедиции в Хиву, а затем в Коканд.

С тех пор имя Михаила Скобелева, как выдающегося, удивительно храброго офицера, а затем и полководца, стало уже известным по всей России.

Когда началась война с турками 1877 года, Скобелев стал проситься, чтобы его перевели в действующую армию, в качестве простого добровольца, хотя он в то время уже имел чин генерала. "Надеюсь, что и простым солдатом смогу принести пользу армии и родине", - писал он одному другу. С трудом добившись назначения в армию, Скобелев сначала был лишь прикомандирован к главному штабу, но затем получил и самостоятельное начальствование над отдельными отрядами. И вскоре имя Скобелева, как замечательного полководца, - победителя над турками под Ловчею, Плевною, Шейновым, - прогремело на весь мир.

Вернувшись после войны в Россию, Скобелев занялся подготовкой вверенных ему войск к военному делу. Последним и самым замечательным подвигом Скобелева было завоевание страны Ахал-Теке в Азии, за которое он был произведен в генералы от инfanterии и получил орден св. Георгия 2-й степени.

По окончании Ахал-Текинской экспедиции Скобелев вернулся в европейскую Россию, в Минск, где занялся воспитанием вверенных ему войск и подготовкой их к военным делам. Но он прожил после этого недолго: 25 июля 1882 года Скобелева не стало.

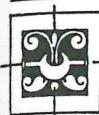
В продолжение своей сравнительно кратковременной службы Скобелев сделал восемь походов.

Война была его страстью и призванием. Когда ее не было, он скучал, не находил себе места. А единственным его развлечением было чтение военных книг или долгие беседы о больших войнах и сражениях. У него всегда на уме была или прошедшая, или будущая война, и он разговаривал только о военных делах и военных людях.

Веря в непобедимость русской армии, он постоянно мечтал о большой войне, которая доставила бы России огромную славу, увеличила бы ее пределы.

Солдаты очень любили Скобелева, и не без причины. Скобелев заботился о солдатах больше, чем о самом себе, всегда старался, чтобы солдаты, находившиеся под его начальством, были сыты, здоровы и способны к делу, вникал во все их нужды. "Солдат - прежде всего человек", - говорил он.

"Со Скобелевым не может не быть победы", - таково было убеждение солдат, и они охотно, с твердою верой в победу шли всюду за "белым генералом", как прозвали Скобелева.

ВАНЯ ТУРГЕНЕВ

В северной части Мценского уезда, Орловской губернии, находится село Спасское-Лутовиново, с хорошенкой господской усадьбой, вокруг которой тянется чудесный, громадный сад. Ели, дубы, сосны и липы широко раскидали в нем свои зеленые ветви. Тропинки, полузаросшие травой, идут и переплетаются по всем направлениям, вверх к вершине холма, где поднимается небольшой дом с галереей и террасой в сад, увитый хмелем.

Здесь, в этой усадьбе, лет сто тому назад жил драгунский полковник Тургенев с женой Варварой Петровной, урожденной Лутовиновой. У них был сын Ваня, родившийся в 1818 году в городе Орле.

Мальчик вместе со старшим его на два года братом Николаем вырос в селе Спасском-Лутовинове и здесь провел дни своего детства, то гуляя по густому саду, среди вековых дерев-

вьев, то бегая по берегам пруда, прилегающего к усадьбе, то совершая прогулки в село, где знакомился с жизнью крестьян, их работами, невзгодами, бедностью, заботами...

У Вани, как у всех вообще детей знатных дворян-помещиков того времени, уже с пятилетнего возраста были воспитатели-гувернеры, немцы и французы, но мальчик гораздо больше любил приставленного к нему в качестве дядьки русского камердинера, старика Порфирия Тимофеевича. С ним он то играл в солдатики, то забавлялся воспитанием собаки, случайно забежавшей в усадьбу; но чаще всего прислушивался, как дядька, хорошо знавший грамоту, где-нибудь в отдаленном уголке сада читал ему вслух какую-нибудь книгу. Старик камердинер очень любил почитать, а барчонку, которого старались как можно скорее научить плавно говорить по-французски и по-немецки, в диковинку была русская книга.

Когда Ване было четыре года, с ним чуть не случилось несчастия. Все семейство Тургеневых отправилось за границу и посетило, между прочим, Швейцарию. В городе Берне вся семья отправилась осматривать имеющуюся там и до сих пор яму, в которой живут медведи. Мальчик чуть было не провалился туда: отец едва-едва успел вытащить его, вовремя ухватив за ногу.

И.С.Тургенев в детские годы

В.Серов. Автопортрет. 1885 г.

Мать Вани была женщина болезненная и строгая. Она, например, не выносила никакого шума, и стук ножей или ключей в соседней комнате выводил ее из себя. Все должны были ходить на цыпочках и трепетали перед ней, тем более что она обращалась со всеми домашними, а также и с крестьянами села очень сурово.

Ваня - любимцу матери - нередко до слез становилось больно за бедных людей, подвергавшихся жестокому обращению со стороны Варвары Петровны, но он, конечно, не мог изменить ее характера.

Еще более возбуждали смущение, негодование и, наконец, отвращение впечатлительного мальчика рассказы о поступках помещиков с крепостными. Но он молчал и не показывал вида, как близко принимает к сердцу положение несчастных, и лишь изредка мечтал о том, как хорошо было бы все это описать, рассказать подробно и этим способом обратить внимание на всю несправедливость, которая творится кругом...

Когда мальчику исполнилось девять лет, родители его, в видах дальнейшего воспитания детей, переселились в Москву, где купили себе дом на Самотеке. Ваня был отдан сначала в частный пансион Вейденгамера, а потом жил одно время пансионером же у директора Лаза-

ревского института Краузе, который учил его английскому языку. Кроме того, к Ване был приглашен студент Ключников, впоследствии довольно известный писатель, которому поручено было подготовить Ваню в университет.

В 1833 году, будучи всего пятнадцати лет от роду, Ваня Тургенев поступил на словесный факультет Московского университета. Но здесь он пробыл всего один год. Старший его брат Николай поступил на военную службу в Петербурге: туда же переехала и вся семья, так что и Ване пришлось перейти в Петербургский университет. Вскоре после этого скончался его отец.

Состоя студентом, юный Тургенев начал впервые пробовать свои силы в качестве писателя и, между прочим, написал драму в стихах под заглавием "Стенио". Свое произведение он показал одному из профессоров, Плетневу. Тот, прочитав драму, сказал:

- Милый мой, вы тратите время на такие пустяки, вместо того чтобы учиться... Впрочем, - прибавил, - я все же нахожу, что у вас "что-то есть", и может быть со временем вы и на самом деле сможете написать что-нибудь хорошее... Кстати, не написали ли вы еще чего-нибудь, кроме вашей драмы?

Тут оказалось, что у Тургенева имеется более десятка написанных им стихотворений. Плетнев прочел их и, выбрав два, которые он нашел лучшими, поместил в журнале "Современник".

Эти два стихотворения молодого студента были первыми, появившимися в печати произведениями будущего знаменитого писателя Ивана Сергеевича Тургенева.

Но раньше, нежели стать писателем, Тургенев окончил курс Петербургского университета, затем, девятнадцатилетним юношей, поехал "доучиваться" в Берлин и только по возвращении стал писать сначала поэмы и стихи, а затем повести и рассказы.

Во всех своих произведениях Тургенев старался изобразить русскую жизнь такой, какая она была на самом деле, изобразить действительность, изобразить быт русского мужика.

Рассказы молодого писателя обратили на себя внимание. Их стали усердно читать. Но особенно выросли известность и слава Тургенева, когда он написал свои "Записки охотника", затем романы "Отцы и дети", "Дым", "Дворянское гнездо" и много-много рассказов.

Но заслуга Тургенева не в том, что он написал ряд интересных произведений, которыми зачитываются все: в его повестях и рассказах

изображены живые русские люди, изображены и помещики-самодуры, и крепостные мужики с чуткой душой, и ловкие проныры, и светлые женщины, которые терпеливо и энергично, хотя почти незаметно, боролись, чтобы не дать затянуть себя окружающей лени и праздному барству, крестьянки с живою душою и светские дамы с пустотой сердечной... Одним словом, Тургенев старался изобразить хорошие и дурные стороны всех сословий, причем брал свои изображения прямо из окружающей жизни и рассказывал все в изящной форме, но вместе с тем ясно, просто, беспристрастно.

Тургенев описывал, однако, не только людей и их поступки, но и природу. И когда читаешь его описания, так и кажется, будто на самом деле лежишь где-нибудь в траве, или идешь по полю, или пробираешься лесной тропинкой, - чувствуешь жар летнего полдня, всматриваешься в ночной мрак леса, где позвякивают в тишине колокольчики табуна, да ведут свои рассказы пастухи, освещаемые пламенем костра...

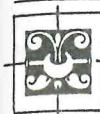
Тургенев писал только для взрослых, но одну свою книгу он предназначил и для детей, а именно "Сказки", которые он перевел с французского (сказки Перро). Кроме того, некоторые его рассказы, хотя и написанные для взрослых, охотно читаются и детьми.

Большую часть своей жизни Тургенев провел на чужбине, за границей, преимущественно в Париже, но он никогда не забывал своего родного гнезда, где народился его талант. Сюда его тянуло заканчивать большие романы. Сюда же, кроме того, он был сослан в 1852 году на жительство за напечатание очень трогательной статьи о смерти Гоголя. Но, как писал впоследствии Тургенев, пребывание в деревне принесло ему несомненную пользу: оно сблизило его с такими сторонами русского быта, которые, вероятно, ускользнули бы от его внимания... Но и после этого пребывание в родной деревне неоднократно вдохновляло Тургенева-старика, как вдохновляло его юношей.

Тургенев искренно любил свою родину Россию, искренно сочувствовал ее нуждам, скорбил о ее недостатках и слабостях и выводил их наружу исключительно с целью показать, что надо помочь горю, надо исправить творящееся зло. И его труды не остались без результата. Так, например, его описание жизни крестьян-крепостников в "Записках охотника", как это теперь признано, много способствовало освобождению крестьян от крепостной зависимости.

Тургенев умер 22 августа 1883 года, но произведения его живы и будут жить долго.

Ими и теперь, как и прежде, зачитываются все, восторгаясь мощью великого таланта.

ИЛЮША РЕПИН

В 1857 году к проживавшему в г. Чугуеве, Харьковской губернии, живописцу Бунакову привели кудрявого, черноволосого мальчика лет тринадцати, с просьбой принять его в ученики.

- А что, малыш, рисовать любишь? - спросил Бунаков.

- Люблю, - тихо ответил мальчик и тут же развернул принесенный с собой сверток.

- А что у тебя тут с собой? Верно, твои рисунки? - спросил Бунаков, заметив в руках мальчика небольшой сверток.

- Да, - ответил тот, - и прибавил: - Это все я рисовал.

Бунаков внимательно просмотрел рисунки и сказал:

- Недурно... совсем недурно... Да, братец мой, если будешь стараться, из тебя выйдет, пожалуй, и в самом деле художник. Только еще надо многому-многому учиться...

- Я и хочу учиться, - прервал мальчик.

В тот же день мальчик был записан в ученики к Бунакову.

Фамилия этого мальчика - Илья Ефимович Репин. Ныне - это один из знаменитейших русских художников, слава и гордость русского искусства.

Уроженец Чугуева, где он родился 24 июля 1844 года, Репин уже ребенком проявлял задатки таланта и бойкими своими рисунками обращал на себя общее внимание.

Поступив в ученики к чугуевскому живописцу Бунакову, он спустя очень короткое время стал уже одним из первых помощников своего "хозяина", а затем, далеко не кончив предполагавшегося срока учения, стал самостоятельно писать образа и портреты.

В 1863 году Репин приехал в Петербург, чтобы продолжать учение. Сначала он поступил в школу Общества поощрения художеств, в которой пробыл два месяца, а затем перешел в Академию художеств. В академии молодой художник сразу же выделился из среды товарищей своим талантом и, пробыв один лишь год в академии, успел заслужить серебряную медаль за набросок "Ангел смерти избавляет всех перворожденных египтян". Спустя год он получил вторую серебряную медаль; затем в 1867 году сразу еще три серебряные медали, а

в 1869 году - малую золотую медаль и денежное вознаграждение за картину "Иов и его друзья". Большая картина "Воскрешение дочери Иаира" доставила Репину большую золотую медаль и окончательно упрочила его славу.

Не сосредоточиваясь на каком-нибудь одном роде живописи, Репин с одинаковым талантом писал сцены из жизни народа, исторические картины, картины, изображающие разные события из Священного писания, портреты и пр. Кроме того, он постоянно рисовал разные наброски - то пером, то тушью, то карандашом, и во всех этих произведениях оказывался высокоталантливым художником.

Первая картина, доставившая громкую славу Репину, называется "Бурлаки". Картина эта, изображающая страдальческий труд бурлаков на Волге, тянувших барку, производит сильное впечатление на всех, кто ее видит. Художник сумел передать в изображенных им фигурах оборванных, голодных, изнуренных бурлаков столько жизненной правды, что у всех, кто смотрит на эту картину, невольно является страдание к бедным труженикам.

Из других картин Репина особенно известны: "Правительница Софья Алексеевна в монастыре", "Крестный ход в Курской губернии", "Проводы новобранца", "Садко", "Царь

Иоанн Грозный и его сын Иван" (эта картина находится в Третьяковской галерее в Москве), "Дуэль", "Запорожцы", "Заседание Государственного Совета" и многие другие. Кроме того, Репин написал большое количество портретов, в том числе многих выдающихся русских писателей.

Петербургская академия художеств гордится, что имела такого ученика, как Репин, и не скучилась для него на награды: она выдала ему несколько медалей, отправила его пансионером на шесть лет за границу, удостоила затем звания академика и профессора и, наконец, пригласила его в профессоры-руководители молодых художников, обучавшихся в академии. И из числа учеников Репина вышло уже много русских художников, пользующихся громкою известностью.

АЛЕША ТОЛСТОЙ

По случаю именин семилетнего наследника цесаревича Александра Николаевича, 30 августа 1825 года, на дачу графини А.А. Орловой-Чесменской, под Москвою, где в то время жил наследник со своею матерью-импе-

ратрицей, пригласили десять мальчиков и столько же девочек - детей знатнейших, находившихся тогда в Москве, лиц.

В числе этих детей был восьмилетний Алеша Толстой, сын графа Константина Петровича Толстого.

Дети играли сначала в саду, в зайцы, потом в комнатах - в другие игры; а на следующий день наследник и его гости-мальчики отправились в Нескучный сад, где стреляли из игрушечного ружья в стены беседки.

Когда все вернулись обратно и сели за чай, великий князь-наследник спросил своих гостей, не знает ли кто из них наизвесть какого-нибудь стихотворения или басни. Тут поднялся Алеша Толстой и произнес басню про льва и мышь, а потом еще два небольших стихотворения, которые всем очень понравились.

- Из какой это книжки? - полюбопытствовал наследник.

- Это вовсе не из книжки, - ответил Алеша; - и басню, и стихи сочинил я.

Алеша говорил правду. Уже шестилетним мальчиком он начал "сочинять" стихотворения, и басня про льва и мышь была одним из первых его опытов в этом роде. Переписав начисто эту басню и два других стихотворения, Алеша послал их своему любимому дяде,

Алексею Алексеевичу Перовскому, который сам был писателем (он писал под фамилией Антона Погорельского). Дядя похвалил племянника, а написанную им басню сохранил на память.

Полюбил Алешу и наследник-цесаревич и по переезде в Петербург вызывал его по воскресеньям то в Царское Село, то во дворец на Елагином острове, где оба они бегали, развились, прыгали в сетке, играли в жмурки, жгуты, катались с гор и т.п. "Приезжай завтра к нам, будет весело", - писал в одном письме своему юному товарищу наследник крупными буквами по карандашным линейкам. Вообще Алеша стал одним из близких друзей наследника - будущего императора Александра II.

Уже с самых ранних лет Алеша удивлял всех своей памятью, дававшей ему возможность после прочтения страницы любой книги почти дословно передавать прочитанное. Умел он также превосходно рассказывать, а так как часто с матерью и дядей ездил за границу, то было и о чем рассказывать. Между прочим, он с особенным удовольствием рассказывал, как во время пребывания в городе Веймаре, в Германии, он навестил с дядей и гувернером жившего там великого немецкого писателя Гете и как Гете сажал его на колени и подарил кусок

мамонтового клыка, на котором собственноручно нацарапал изображение корабля.

Хотя Алеша родился в Петербурге (24 августа 1817 года), но еще шести чадель был увезен в Малороссию матерью и дядей, почему и смотрел на Малороссию, как на свою истинную родину.

Алеша был единственным сыном; товарищей игр у него не было, и он привык к мечтательности, которая превратилась у него в склонность к поэзии. Целые дни проводил он в саду малороссийской усадьбы с толстой книгой стихов в руках. В ней он читал звучные стихи поэтов и заучивал их наизусть. А потом, под сладкий говор рощи и леса, он учился сам складывать рифмы.

Когда Алеше Толстому минуло семнадцать лет, он стал готовиться к экзамену в Московский университет, а затем согласно желанию матери и дяди поступил на службу в московский архив министерства иностранных дел, где его занятия состояли главным образом в разборе, чтении и описании разных древних документов. В то же время юный граф продолжал писать стихи, но печатать их не отваживался, тем более что дядя его заметил ему, что не все его стихи удачны, что нужно еще над ними хорошенко поработать. И первое произведение

графа А.К.Толстого появилось в печати лишь много лет спустя, в 1841 году. Это был рассказ “Упырь”, заслуживший очень лестный отзыв известного критика Белинского. Но стихотворения свои Толстой все еще не решался печатать и только в 1854 году отдал в первый раз свои стихотворения в журнал “Современник” для напечатания. С тех пор имя Алексея Толстого, как выдающегося поэта, автора исторических баллад, драм и романов, стало известным по всей России. Он написал знаменитый роман из времен царя Иоанна Грозного, под заглавием “Князь Серебряный”, большую историческую пьесу, в трех самостоятельных частях “Смерть Иоанна Грозного”, “Царь Федор” и “Царь Борис”, огромное число стихотворений и пр. и пр. Содержание всех почти своих крупных произведений он черпал из русской старины, и громадная заслуга его в том, что он сумел верно воссоздать события давно минувшего прошлого. Как живые, поднимаются перед нами в его произведениях фигуры людей, живших несколько сот лет тому назад.

Когда началась крымская война, граф Алексей Толстой пошел в числе охотников, образовавших стрелковый полк императорской фамилии с целью принять участие в военных действиях; но дошел только до Одессы, где заболел тифом.

А.К.Толстой в детские годы

А.П.Чехов в день окончания гимназии

Император Александр II, вступив на престол, вспомнил о своем друге детства и во время коронации назначил его своим флигель-адъютантом. Но Толстой доложил государю, что к военной службе он не готовился и что намеревался оставить ее вслед за окончанием войны, а потому звание флигель-адъютанта ему носить неудобно. И государь, снисходя к его просьбе, назначил его егермейстером своего двора.

Красивый, молодой, веселый, прекрасно воспитанный, приветливый в обращении, новый егермейстер пользовался большим расположением среди придворной знати. Но сам он часто уходил от блеска и почестей к приволью степей, в глубь лесов, в свою усадьбу, где либо занимался охотой (которую он страстно любил с юных лет), либо писал стихи, навеянные родным воздухом, красотами природы, хрустенем сучьев под ногой зверя или шумом крыльев спугнутой птицы.

В толпе вельмож всегда один,
Мученья полон я и скуки;
Среди пиров и средь дружин
Иные слышатся мне звуки... -

писал он в своей поэме "Иоанн Дамаскин".

Государь понял бывшего товарища игр и отпустил поэта на волю, не требуя, чтобы он жил в столице.

Между тем слава графа Алексея Толстого, как писателя, все росла и росла. Его стихотворения заучивались наизусть, его поэмы и драмы усердно читались. Но, как он сам говорит в одном стихотворении:

Награды его сердце не ждало,
А песня ему не в хвалу и не в труд -
Зато он над нею доволен...

И писал он свои стихи и песни лишь с целью возбудить в читателях любовь к высокому и прекрасному.

Скончался граф Алексей Толстой в 1875 году в своем имении "Красный Рог", Черниговской губернии, оставив, - как писал другой великий писатель, Тургенев, - в наследство своим соотечественникам прекрасные образцы драм, романов, лирических стихотворений, которых в течение многих лет стыдно будет не знать всякому образованному русскому.

САШУК БОРОДИН

В число учеников одного из старших классов Санкт-Петербургской 1-й гимназии в 1850 году поступил хильд, болезненный пятнадцатилетний мальчик по фамилии Бородин. Посту-

пил он сразу в старший класс, потому что мать, которая не чаяла души в своем мальчике, долго не решалась отдать его в гимназию ввиду его болезненности и воспитывала сына дома, привлекая для этого опытных и сведущих преподавателей. И в гимназию она поместила Сашука - так мать звала своего сына - только тогда, когда он подрос и окреп.

Новый гимназист сразу обратил на себя внимание учителей и товарищей большими познаниями, начитанностью и выдающимися способностями. Особенно он интересовался естественными науками и химией, а так как предметы эти не преподавали в гимназии, то он старался приобретать познания посредством чтения. Читал он вообще очень много, чаще всего книги по упомянутым наукам как на русском, так и на иностранных языках, которые знал в совершенстве.

В то же время Сашук Бородин прослыл в гимназии музыкантом и композитором. Еще в самом раннем детстве он питал любовь к музыке и играл по слуху на фортепиано всевозможные пьесы, слышанные им в исполнении военных оркестров. Девяти лет от роду он уже сам сочинил польку под названием "Елена", по имени одной знакомой девушки. Вместе с товарищем-однолетком М.Р.Щиглевым (впоследст-

вии известным пианистом-педагогом) Сашук по целым дням занимался музыкой, играя вчетвере руки и заучивая наизусть труднейшие музыкальные пьесы. Этих занятий Бородин не оставил, поступив в гимназию, и всегда у него хватало времени, чтобы просиживать подолгу за роялем.

Окончив гимназию, Бородин поступил в Медико-хирургическую академию, где изучал медицину, в то же время с особенным усердием занимаясь химией и являясь постоянным слушателем лекций по химии, которые тогда читал известный химик, профессор Зимин.

Как раньше в гимназии, так и теперь в академии, Бородин выделялся среди своих товарищей.

- Бородин будет непременно ученым и профессором, - говорили студенты.

И действительно, как только он окончил курс в академии, его тотчас же командировали за границу, для подготовки к ученой деятельности. Назначенный по возвращении из-за границы ассистентом профессоров, читавших лекции о лечении болезней, Бородин сам тоже начал читать лекции по этой науке, работал в больницах в качестве хирурга, не переставая, однако, трудиться тоже как химик, делая большие исследования и некоторые открытия в области

химии и печатая свои труды по этой науке. Все это не могло, однако, отвлечь Бородина от музыки, которую он страстно любил: урывками, "между делом", он занимался композиторством и, пользуясь славой выдающегося ученого, приобретал все большую и большую известность, тоже как музыкант и композитор. Играя прекрасно на фортепиано, он выучился играть и на флейте, и на виолончели, посещал усердно все выдающиеся концерты, изучал теорию музыки и т.д. Его особенно интересовала так называемая "новая школа" русской музыки, то есть музыкальные произведения совершенно нового, оригинального, самобытного типа, и он примкнул к кружку музыкантов, сторонников этой школы.

Под влиянием упомянутого кружка Бородин принял за первое большое свое музыкальное произведение - симфонию, над которой он проработал несколько лет. В 1867 году симфония эта была исполнена оркестром русского музыкального общества под управлением Балакирева и сразу доставила молодому композитору громкую известность.

За этой симфонией последовали романсы: "Спящая княжна", "Старая песня" (песнь о темном лесе), "Морская царевна", "У людей-то в дому" (на слова Некрасова), "Чудный сад",

"Спесь" (на слова графа А.К.Толстого) и многие другие. Затем он принял за оперу "Князь Игорь", которую писал много лет, издавая постепенно отдельные ее части. Одновременно из-под его пера выходили и другие, менее крупные музыкальные произведения. Смерть, неожиданно последовавшая в последний день Масленицы 1887 года (25 февраля) на вечере, среди собравшихся гостей, прервала деятельную жизнь этого знаменитого композитора, "первоклассного химика" и выдающегося профессора.

Оставшаяся неоконченной, за смертью автора, опера "Князь Игорь" была закончена друзьями и почитателями покойного, известными композиторами Н.А.Римским-Корсаковым и А.К.Глазуновым. Первое ее представление состоялось 23 октября 1890 года на сцене Императорского Мариинского театра в Петербурге и имело огромный успех.

Но Бородин известен не только как учений, музыкант и композитор: он заслужил себе вечную память еще и тем, что был одним из пособствовавших тому, чтобы женщины в России могли получать медицинское образование. Благодаря его стараниям, его настойчивости женщинам в России впервые дано было право изучать медицину. И на гроб Бородина,

в числе многих других венков, был возложен венок с надписью: "Основателю, охранителю, поборнику женских врачебных курсов, опоре и другу учащихся - от женщин-врачей десяти курсов, 1872-1887 гг."

Как композитора, Бородина называют "певцом русской удали", потому что в многочисленных его музыкальных произведениях отразилась сильно и ярко эта удасть, отразилась богатырская сила древних русских героев. Но Бородина можно назвать и певцом русской природы, потому что он с таким же талантом сумел во многих своих песнях и романсах передать все особенности этой природы.

Слава Бородина, как композитора, не ограничивается одной Россией: его произведения исполнялись и исполняются за границей, во Франции, Бельгии, Германии, Голландии и в Соединенных Штатах Америки, везде возбуждая восторг знатоков и любителей музыки.

А.П.Бородин похоронен на кладбище Александро-Невской лавры, в Санкт-Петербурге, рядом с Мусоргским, неподалеку от могил Серова, Даргомыжского и Лишина - известных русских композиторов. На могиле его воздвигнут друзьями и почитателями прекрасный памятник в древнерусском стиле, с бронзовым бюстом композитора.

ДЕНИС ДАВЫДОВ

Знаменитый Суворов, проезжая в 1793 году через Полтавскую губернию, осматривал в селе Грушевке стоявший там Полтавский легкоконный полк. Во время смотра он обратил внимание на шустрого, бойкого, смелого мальчика, который усердно маршировал с солдатами.

- Кто этот мальчуган-вояка? - спросил Суворов.

- Это сын командира нашего полка, Василия Давыдова, - ответили Суворову.

- Твое имя, мальчик? - спросил опять Суворов.

- Денис, - ответил тот смело.

- Молодец! - заметил Суворов, - и, благословив его, сказал: - Ты выиграешь три сражения!

Маленький вояка, по отъезде Суворова, радостно замахал саблею, тут же решив непременно оправдать предсказание великого полководца.

Денису Давыдову было в то время девять лет. Как и других детей-дворян того времени,

его учили лепетать по-французски, танцевать, рисовать и музыке. Учился мальчик хорошо, но больше учения любил скакать на лошади и со стаей гончих носился по мхам и болотам. Любил он также читать, увлекаясь преимущественно такими книгами, в которых описывались какие-либо военные подвиги.

На тринадцатом году жизни Денис, прочитав несколько книг со стихотворениями, решил тоже “сочинять стихи”. Но первые стихи его были неуклюжие и наивные.

Когда Денису минуло шестнадцать лет, по обычанию того времени, родители решили отдать его на военную службу. Денису очень хотелось поступить в кавалергардский полк, и с этой целью он отправился в Петербург. Сначала его не хотели принять в этот полк из-за его низкого роста, но потом удалось преодолеть это препятствие.

Молодой кавалергард сознавал, что он недостаточно знаком с военным делом, и, чтобы усвоить необходимые знания, решил брать уроки у одного майора.

После того как он прослужил некоторое время в кавалергардском полку, его перевели в гусары.

В то время Россия воевала с французами. Давыдов стал проситься в действующую армию

и в 1805 году отправился в поход, принимал участие во многих сражениях, получил целый ряд отличий и даже золотую саблю с надписью “За заслуги”.

По окончании войны, в 1809 году, Давыдов вернулся в Москву, где усердно стал писать стихи, которые все находили очень красивыми и звучными.

Затем он участвовал в войне со Швецией и за оказанную храбрость был удостоен высочайшего благоволения; после этой войны воевал еще с Турцией и опять заслужил целый ряд отличий за храбрость.

Когда началась Отечественная война 1812 года, Давыдов обратился с просьбой дать ему небольшое число казаков и солдат для преследования отдельных отрядов и обозов французской армии. Просьбу Давыдова исполнили и дали в его распоряжение 80 казаков и 50 гусар. С ними Давыдов смело приступил к выполнению задуманного им, и ему удалось несколько раз помешать врагам подвезти сражающимся войскам съестные и другие припасы. Часто при этом он находился в большой опасности, и ему с его отрядом приходилось постоянно менять места, скрываться и т.д. Так как простые русские крестьяне принимали Давыдова за француза, то он снял свою форму, надел

мужицкий каftан, отпустил бороду и в таком виде стал собирать крестьян и призывал их вместе с его отрядом выступить на защиту отечества.

В конце августа Давыдов напал на французский обоз из 30 повозок. Хотя обоз охраняло 200 солдат, Давыдов заставил солдат сдаться в плен и захватил обоз со всеми припасами.

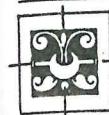
После целого ряда таких удачных дел Давыдову дано было в командование еще несколько сот человек, и с ними он совершил прямо чудеса храбрости, взяв в плен в общем до 3000 французских солдат и более полусотни офицеров.

Когда война окончилась, Давыдов опять вернулся к литературным занятиям и написал много стихотворений, благодаря которым к своей славе храброго воина присоединил славу выдающегося поэта.

Когда началась война с Польшей, он опять вступил в ряды армии.

Умер Давыдов на пятьдесят четвертом году жизни в 1839 году, оставив навсегда по себе в сердцах русских память, как об отважном сыне отечества и талантливом поэте, который в своих стихах описывал русскую доблесть. Вот что писал о нем другой поэт, Языков:

Не умрет твой стих могучий,
Достопамятно живой,
Упоительный, кипучий,
И воинственно-летучий,
И разгульно-удалой.

АНАТОЛИЙ ЛЯДОВ

В магазине торговца нотами и издателя музыкальных пьес Бесселя в Петербурге в один из осенних дней 1868 года пришел мальчик-гимназист, лет тринадцати, с небольшим свертком в руке и, обратившись к самому хозяину, спросил:

- Не согласитесь ли вы напечатать и издать небольшую пьесу для пения и фортепиано? Вот она тут у меня.

И мальчик развернул сверток.

- А кто сочинил эту пьесу? - спросил Бессель.

• - Это мое собственное произведение, - гордо ответил мальчик.

- Ваше собственное? - с удивлением переспросил Бессель, глядя на мальчика. И, открыв стоявшее тут же в магазине фортепиано, прибавил: - Ну-ка, сыграйте ваше произведение.

Мальчик смело уселся и бойко, умело сыграл и спел небольшой романс.

- Хорошо, прекрасно, - произнес Бессель, выслушав внимательно юного музыканта. - Скажите, пожалуйста, вы давно уже сочиняете такие пьесы и много их у вас?

- Сочиняю я уже несколько лет, - ответил мальчик, - но таких пьес, которые годились бы для издания, у меня пока три-четыре.

- А давно вы занимаетесь музыкой? - спросил опять Бессель.

- С пятилетнего возраста, - ответил мальчик. - Мой отец, скончавшийся на днях, был капельмейстер русской оперы, и я очень рано полюбил музыку...

- Капельмейстер? Значит, ваша фамилия Лядов?

- Да, меня зовут Анатолий Константинович Лядов.

- Я знал вашего отца и припоминаю, что он мне рассказывал про вас, - заметил Бессель.

- Ваша пьеса мне понравилась. Я думаю, она понравится и другим, и я охотно ее напечатаю. Принесите еще другие ваши пьесы; если между ними окажутся такие же удачные, я их тоже напечатаю и издам.

Обрадованный мальчик ушел, а Бессель сам, после его ухода, сел за фортепиано и стал играть по нотам пьесу юного музыканта.

М.Ю.Лермонтов в детстве

П.И.Чайковский в восьмилетнем возрасте

Спустя некоторое время после этого Бесселем были изданы четыре пьесы юного Лядова - первые музыкальные опыты известного впоследствии композитора.

Способности к музыке, очевидно, унаследованные от отца, проявились у Лядова очень рано. Крошечным ребенком он уже любил "барабанить" на фортепиано, причем сам придумывал очень звучные маленькие пьесы, которые затем распевал, стараясь аккомпанировать себе на фортепиано. Вообще, вся семья Лядовых была очень музыкальна: отец мальчика, явившегося со своим первым произведением к Бесселю, был не только капельмейстером, но и известным композитором; дядя - капельмейстером балетного оркестра; двоюродная сестра - опереточную певицей.

Константин Николаевич Лядов, отец юного композитора, убедившись в несомненном даровании своего сына, отдал его рано в Санкт-Петербургскую консерваторию, которую Анатолий блестяще окончил в 1877 году, представив к окончательному испытанию сочиненную им музыку к драме "Мессинская невеста".

Через год по окончании консерватории Анатолий Лядов был приглашен в преподаватели консерватории, а затем также и в преподаватели придворной певческой капеллы.

Лядов написал очень много разных пьес для фортепиано, романсов, песен для взрослых и детей, веселых и грустных, проникнутых - одни задушевностью, другие - неподдельным весельем. И имя его хорошо известно всем, кто интересуется музыкой.

ПЕТЕЧКА ЧАЙКОВСКИЙ

В доме горного инженера Ильи Петровича Чайковского, жившего и служившего на Воткинском заводе, Вятской губернии, был довольно большой музыкальный инструмент, вроде механического органа - так называемого оркестрина. Инструмент этот при помощи особых валовых играл всевозможные пьесы, отрывки из опер и прочее.

Из детей Ильи Петровича особенно любил слушать оркестрину младший сын, родившийся в Воткинске 25 апреля 1840 года, Петр или Петечка, как называли его родители. С самых ранних дней жизни не было для Петечки больше удовольствия, как усесться в уголке комнаты, поближе к заведенной кем-нибудь из старших оркестрине, и слушать одну пьесу за другой, а затем на фортепиано подбирать паль-

чиками прослушанные пьесы, что ему почти всегда удавалось. И Петечка обнаруживал такую любовь к игре на фортепиано, что, когда ему запрещали играть, опасаясь, что он своей неумелой игрой испортит инструмент, он продолжал на чем попало перебирать пальцами. Однажды, увлекшись бренчанием на стекле оконной рамы, Петечка так разошелся, что разбил его и очень сильно порезал себе руку. Это происшествие имело большое значение в жизни Петечки. Оно послужило поводом к тому, что родители обратили внимание на непреодолимое влечение мальчика к музыке и решили серьезно отнестись к его музыкальному развитию. К Петечке была приглашена учительница музыки, которая и стала заниматься с даровитым мальчиком. Учиться Петечка стал очень усердно, обнаруживая большие способности к музыке и замечательную память: услышит он какую-нибудь пьесу - и сейчас же сам, без нот, начнет ее играть.

Уроки были прерваны переездом всей семьи на жительство в Петербург, где Петечку и его брата отдали в пансион. Там Петечка продолжал брать уроки у учителя-пианиста. Но заниматься пришлось недолго, так как отец Петечки, получив место управляющего на заводах в Алапаеве, перевез туда семью. В Алапа-

еве Петечка провел целый год. В 1850 году его повезли опять в Петербург и отдали в училище правоведения в приготовительный класс. Петечке шел тогда десятый год. Хотя он выказывал большие способности к музыке, родители не подозревали, что из их сына выйдет когдато музыкант, и, отдавая его в училище правоведения, решили, что он станет со временем чиновником.

Тяжело было мальчику расставаться с любимой матерью, дорогим отцом и родным домом, и первое время он сильно тосковал.

Занимался в училище Петечка исправно, переходил успешно из класса в класс, но не бросал и музыки, посвящая много времени урокам игры на фортепиано. В среде товарищей Петечка приобрел вскоре известность, как способный пианист, и на всех вечерах и концертах, устраиваемых в училище, он всегда выступал в качестве исполнителя музыкальных пьес на фортепиано, причем нередко играл им самим сочиненные пьесы.

В 1859 году Петечка - теперь уже Петр Ильич - благополучно окончил училище правоведения и поступил на государственную службу. Но служба не могла заглушить в нем влечения к музыке: он посвящал ей все свои досуги, стараясь пополнять свои познания. С этой

целью он стал посещать существовавшие в то время в Петербурге музыкальные курсы, брал уроки музыки у видных профессоров, много читал серьезных сочинений по музыке, упражнялся в игре и прочее.

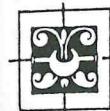
Любовь к музыке росла у Петра Ильича из года в год, так что в 1863 году он решил совсем оставить службу и поступил в консерваторию, в которой пробыл три года; затем сам стал одним из преподавателей ее, а впоследствии - профессором.

Еще в бытность учеником консерватории у Петра Ильича возникла мысль сочинить большую оперу. Мысль эту он привел в исполнение в 1868 году, написав оперу "Воевода", которая была поставлена в следующем году в театре в Москве, но успеха не имела. Зато следующие оперы: "Опричник", "Кузнец Вакула", "Черевички" и, в особенности, "Евгений Онегин" - упрочили славу Петра Ильича Чайковского, как крупного и выдающегося русского композитора. За этими операми последовали поочередно: "Орлеанская дева", "Мазепа", "Чародейка", "Пиковая дама", "Иоланта". Все эти оперы были поставлены на сцене, имели сразу большой успех и до сих пор очень часто даются в разных театрах, вызывая всегда восторг слушателей. Кроме того, Чайковский написал еще

музыку к весенней сказке "Снегурочка" Островского, а также музыку для трех балетов - "Лебединое озеро", "Спящая красавица" и "Щелкунчик" - и длинный ряд других небольших музыкальных произведений, несколько церковных песнопений, много пьес для фортепиано и более ста для пения.

Умер Чайковский 25 октября 1893 года в Петербурге и похоронен на кладбище Александро-Невской лавры.

Россия гордится Чайковским, как одним из самых выдающихся своих композиторов, первым после Глинки. Но имя и произведения Чайковского известны не в одной России: ими восторгаются и повсюду за границей.

МИША ЛЕРМОНТОВ

В Пензенской губернии, в Чембарском уезде, есть большое село Тарханы. Село это лет сто тому назад принадлежало знатной и богатой помещице Елизавете Алексеевне Арсеньевой, урожденной Столыпиной.

У Елизаветы Алексеевны была дочь Мария, которая вышла замуж за бедного пехотно-

го офицера Юрия Лермонтова. Елизавета Алексеевна была очень недовольна, что дочь выбрала себе такого мужа, но когда у Марии Михайловны родился в 1814 году мальчик, она горячо полюбила внука.

Вскоре после его рождения бабушка перевезла внука и его мать из Москвы к себе, в село Тарханы.

Там, в Тарханах, спустя два года скончалась Мария Михайловна, и мальчик-сирота остался всецело на попечении бабушки. Она не расставалась с ним ни днем, ни ночью, - он спал в ее комнате. Старушка наблюдала за каждым шагом Миши (так звали мальчика).

Малейшее его незддоровье приводило ее в тревогу и было таким событием в доме, что даже дворовые девушки освобождались от работы и должны были молиться об исцелении молодого барина.

Суровая и строгая ко всем окружающим, бабушка к одному только внучку выказывала бесконечные нежность и доброту, беспрекословно исполняя все его прихоти, ни в чем ему не отказывая и ничего для него не жалея. Все ходило кругом да около Миши; все должны были угождать ему, забавлять его. Сама Елизавета Алексеевна выдумывала для внука всевозможные развлечения. Зимой устраивалась

гора, на ней катали Мишу, и вся дворня потешала его. Святками каждый вечер приходили в барские покой ряженые из дворовых, плясали, пели, играли, кто во что горазд, нарочно для этого освобожденные от обычных работ; на Святой мальчика забавляли катаньем яиц и т.п.

Бонну Миши звали Христина Осиповна Ремер. Это была немка строгих правил, религиозная. Она внушала своему питомцу чувство любви к ближним, не исключая и крепостных. Избави Бог, если он кого-либо из дворовых обзовет грубым словом или оскорбит. Не любила этого Христина Осиповна, стыдила ребенка и заставляла его просить прощения у обиженного.

Миша был очень болезненным мальчиком и рано перенес корь, болезнь, принявшую очень опасный характер. Благодаря уходу бабушки его спасли от смерти, но тяжелый недуг оставил его совершенно расслабленного; он не мог ходить, не мог приподнять ножки. Целые три года оставался он в самом жалком положении, и если бы не получил от природы очень крепкого телосложения, то, верно, отправился бы на тот свет. Болезнь эта имела важные последствия и странное влияние на ум и характер молодого мальчика: он выучился думать. Лишенный возможности развлекаться обыкно-

венными забавами детей, он начал искать их в самом себе. Воображение заменило ему игрушки. В продолжении мучительных бессонниц, задыхаясь между горячих подушек, он мечтал и воображал себя волжским разбойником, среди синих и студеных волн, в тени дремучих лесов, в шуме битв, вочных наездах, при звуках песен, под свист волжской бури... И вот в этих мечтах проводил он целые ночи.

Немка-бонна ознакомила своего воспитанника с немецкими сказками и легендами. Русских сказок он не слышал в детстве и впоследствии высказывал сожаление по этому поводу: "Как жалко, что у меня была мамушкой немка, а не русская: я не слыхал сказок народных; в них, верно, больше поэзии, чем во всей французской словесности..." "Когда я был мал, - писал он в своей записной тетради 1830 года, где помещены и выше приведенные слова, - я любил смотреть на луну, на разновидные облака, которые в виде рыцарей с шлемами теснились будто вокруг нее, будто рыцари, сопровождающие Армиду в ее замок, полные ревности беспокойства".

Когда Миша вступил в отроческий возраст, к нему были набраны однолетки из дворовых мальчиков, обмундированы в военное платье, и Миша занимался с ними военными упражнения-

ми, играми в войну и разбойников. Кроме дворовых сверстников, друзьями детства его были также родственники, жившие по соседству, в усадьбе Апалихе, дети племянницы бабушки, Мары Акимовны Шан-Гирей, - дочь Екатерина и три сына, старший из которых, Аким Павлович, воспитывался с Мишой и всю жизнь оставался с ним в дружеских отношениях.

В воспоминаниях своих этот самый А.П.Шан-Гирей рассказывает, что "Миша был мастер делать из талого снега человеческие фигуры в колossalном виде..." .

Когда Мише исполнилось одиннадцать лет, в 1825 году, бабушка, беспокоясь о его слабом здоровье, повезла его на Кавказ. Поехали многочисленным обществом: с ними были и кузины Столыпины, и родственник Пожогин, и доктор Анзельм Левис, и гувернер monsieur Капе. В начале лета приехали в Пятигорск. Впечатлительный, нервный ребенок с чрезмерно развитым воображением был так сильно потрясен кавказскою природой, что потом на всю жизнь сохранил в памяти первые детские впечатления Кавказа.

Ничего не жалевшая для внука бабушка тратила на воспитание Миши до пяти тысяч рублей в год. Более всего было обращено внимание, конечно, по общедворянскому обычаю

того времени, на языки. В то время как Христина Осиповна обучала Мишу с пеленок немецкому, для других языков нанимались гувернеры. Французскому языку Мишу обучал сначала упомянутый гувернер Капе, а затем полковник наполеоновской армии Жандро, взятый в плен в 1812 году и оставшийся в России. Миша более всех гувернеров любил Жандро, особенно за его восторженные рассказы о Наполеоне, о его войнах и сражениях, между прочим и о Бородинском сражении. После смерти Жандро гувернером Миши был Леви, знакомивший питомца с немецкой словесностью, а затем англичанин Виндсон. Последний оставался у Арсеньевой несколько лет. От него Миша приобрел знание английского языка и стал читать произведения великих английских писателей - Байрона и Шекспира.

Обучали Мишу также игре на фортепиано и на скрипке. Сам он отлично рисовал, лепил из крашеного воска цельные фигуры. В то же время одной из любимых забав его был театр марионеток.

В 1828 году бабушка повезла Мишу в Москву с целью отдать его в благородный университетский пансион. В пансионе существовал обычай, что каждый ученик отдавался на попечение одного из наставников. Выбор предос-

тавлялся родителям. Родственники бабушки, Мещериновы, рекомендовали Александра Зиновьича Зиновьева, занимавшего в пансионе должность надзирателя и учителя русского и латинского языков. Зиновьев приготовлял мальчика к вступительному экзамену, и затем, по принятому выражению, Миша оставался "клиентом" Зиновьева во всю бытность свою в пансионе.

Поступив в четвертый класс полупансионером, то есть с правом ночевать дома, Миша учился блестяще, был вторым учеником. "Как теперь смотрю на милого моего питомца, отличившегося на пансионном акте 1829 года, - рассказывает Зиновьев в своих воспоминаниях о нем. - Среди блестящего собрания он прекрасно произнес стихи Жуковского "К морю" и заслужил громкие рукоплескания. Тут же Миша удачно исполнил на скрипке пьесу и вообще на этом экзамене обратил на себя внимание, получив первый приз, в особенности за сочинение на русском языке".

В пансионе издавался рукописный журнал, в котором многие из воспитанников принимали участие. Миша явился деятельным сотрудником этого школьного журнала.

Еще до поступления в пансион Миша пристрастился к стихам, переписывал в свою тет-

радь стихотворения любимых авторов, Жуковского и Пушкина, а затем и сам стал писать стихи. Одно из его стихотворений, написанное, когда мальчику шел только девятый год, было помещено в 1824 году в малоизвестном журнале "Северная лира":

В стране, природой оживленной,
Где новой жизнью все цветет,
Там в рощице уединенной
Печальна горлинка живет.
Весны дыханью не внимае,
Не веселит ее зефир,
Печально стонет и вздыхает,
Для ней постылым стал весь мир.
Туда я часто, одинокой,
Хожу грусть сердца облегчать
И горести ее глубокой
Хожу в молчании вниматъ.
Тоски ее причину знаю,
Но не могу ей пособить.
Я столько ж, как она, страдаю:
Ведь одинокому можно ль жить!
Возможно ль сердцу утешаться,
Коль не с кем чувств ему делить!
Возможно ль жизнью наслаждаться,
Коль не с кем душу в душу слить!

Четырнадцати лет Миша написал поэму "Черкесы", а вскоре затем другую поэму - "Кавказский пленник". Вслед за этим пошли

другие стихотворения и поэмы, которые он тщательно записывал в свою тетрадку и показывал лишь немногим.

Во время пребывания Миши в пансионе его часто посещал отец, к которому мальчик сильно привязался, между тем как бабушка Миши его недолюбливала. Но вот Мише шел шестнадцатый год. Юрий Петрович, отец Миши, решил взять сына от бабушки к себе.

Бабушка, однако, не хотела расстаться с любимым внуком. Начались переговоры. В это время университетский пансион был превращен в гимназию. Многие успели взять из него детей своих. Миша, бывший уже в старшем отделении высшего класса, тоже послал прошение об увольнении и получил его 16 апреля 1830 года. Речь зашла о том, где ему продолжать воспитание. Думая взять его за границу, бабушка мечтала о Франции, а отец о Германии.

Бабушка и отец поссорились из-за этого. Сын хотел было уехать с отцом. Бабушка упрекала внука в неблагодарности. В конце концов Миша остался у бабушки. Юрий же Петрович уехал один и вскоре умер в разлуке с сыном.

Во время учения Миши в пансионе бабушка жила зимой на Молчановке, а лето

проводила в подмосковном имении брата своего Д.А.Столыпина в селе Средникове, в 20-ти верстах от Москвы, по дороге в Ильинское, в прекрасной местности. По воскресеньям и праздникам здесь обыкновенно собиралось большое и веселое общество, по большей части все близкие и дальние родные и некоторые соседи. И Миша каждый раз читал там свои стихи.

Этот Миша - любимец бабушки - это был Михаил Юрьевич Лермонтов, впоследствии один из знаменитейших русских поэтов.

Из пансиона он перешел в Московский университет, но пробыл в нем недолго, курса не окончил и, желая поступить на военную службу, переехал в Петербург, где поступил в школу гвардейских подпрапорщиков.

В течение двухлетнего пребывания в школе Лермонтов много писал стихотворений, но большинство из них скрывал от товарищей. Часто по вечерам он тайком от товарищей забирался в пустые классы и писал там до поздней ночи.

В школе Лермонтову дали прозвище "Маешка", взятое из одного французского романа. Лермонтов не обижался, смеялся над этим прозвищем и даже в одной поэме выставил самого себя под этим именем.

В 1834 году М.Ю.Лермонтов, оставив школу, поступил в лейб-гвардии гусарский полк, но не бросал все-таки своих занятий поэзией.

До 1837 года литературная известность М.Ю.Лермонтова ограничивалась кружком людей, близких к нему, преимущественно молодежи.

Впервые же общее внимание на Лермонтова было обращено, когда он написал замечательное стихотворение на смерть Пушкина.

Стихотворение это в тысячах списков облетело Россию и наделало много шума. Содержание его обидело многих и было причиной, что М.Ю.Лермонтов был сослан на Кавказ и определен в Тенгинский пехотный полк.

Пребывание на Кавказе продолжалось около года. Хлопоты и просьбы бабушки поэта, Е.А.Арсеньевой, положили конец его изгнанию. Он был переведен сначала в лейб-гвардии Гродненский гусарский полк, расположенный близ Новгорода, а потом опять в лейб-гусары.

В это время Лермонтовым написано одно из лучших его произведений: "Песня про купца Калашникова". Вслед за тем в печати появился целый ряд превосходных стихотворений Лермонтова, и с каждым из них имя Лермонтова

делалось славнее: "Дума", "Поэт", "Ветка Палестины", "Русалка", "Не верь себе", "Дары Терека", "Памяти Одоевского", "Первое января", "Казачья колыбельная песня", "Отчего", "Благодарность", "Молитва", "Ребенку" и другие - все это такие произведения, которые по чувству, мысли и языку составляют дорогие перлы русской поэзии. В то же время Лермонтов написал и свой роман "Герой нашего времени", имевший громадный успех.

В начале 1840 года М.Ю.Лермонтов был на балу у графини Лаваль, у которой собирался весь цвет тогдашнего петербургского общества. На этому балу наш поэт крупно поговорил с бароном де Барантом, сыном французского посланника при русском дворе, и в заключении этого разговора молодой Барант вызвал М.Ю.Лермонтова на дуэль. Они съехались на условленном месте под Петербургом за Черной речкой, близ парголовской деревни. Дуэль началась на шпагах, но едва только враги скрестили свое оружие, как у М.Ю.Лермонтова переломился конец шпаги и слегка оцарапал ему грудь. Тогда противники взвились за пистолеты. По условию, Лермонтов и Барант должны были стрелять одновременно, но М.Ю.Лермонтов опоздал. Барон дал промах, а поэт выстрелил в сторону. Хотя дуэль кончилась таким

образом благополучно, но молодой Барант за участие в дуэли должен был уехать из России, а М.Ю.Лермонтова вторично сослали на Кавказ, где он поступил в Нижегородский драгунский полк.

Через год М.Ю.Лермонтову было разрешено приехать в Петербург для свидания с бабушкой. В это время он испытал немало огорчений и, хотя пользовался уже громкой известностью, был почти постоянно в мрачном расположении духа.

В апреле 1841 года он отправился обратно на Кавказ. Там он поссорился с одним из своих товарищей, Мартыновым. Последствием ссоры была новая дуэль. На этой дуэли, прошедшей 15 июля 1841 года недалеко от Пятигорска, у подошвы горы Машук, Лермонтов был убит.

Его тело увезено было через несколько времени после погребения в Пензенскую губернию, в имение его бабушки. В Пятигорске, где смерть постигла поэта, ему сооружен памятник: на гранитном пьедестале бронзовая фигура Лермонтова - поэта, воспевшего Кавказ, а в Петербурге, в здании кавалерийского училища, устроен музей, в котором собраны все портреты Лермонтова, разные вещественные о нем воспоминания, рукописи и пр. и пр. Кроме того, в

Александровском сквере в Петербурге сооружен бюст поэта. Но прочнее всех памятников и воспоминаний - это стихотворения Лермонтова, которые расходятся ежегодно в России в десятках тысяч экземпляров и которыми все воссторгаются, как лучшими образцами русской поэзии, недосягаемыми по своей красоте, звучности и глубокому содержанию. Среди этих стихотворений есть целый ряд написанных им, когда он был еще только десяти-двенадцатилетним мальчиком.

АНТОША ЧЕХОВ

В городе Таганроге, по Елизаветинской улице, в доме под № 67, в семидесятых годах минувшего столетия помещалась лавка бакалейных, аптекарских и других товаров.

В лавке все было: и банки с духами, и селедки, и леденцы, и орехи, и керосин, и кофе, и деготь. Торговля была мелкая, копеечная, но бойкая.

В этой лавке часто можно было видеть за прилавком худенького, хрупкого, болезненного мальчика в гимназической куртке, исполнявшего обязанности приказчика: он то отвещивал

мыло, то отпускал керосин, то записывал в книжку счет на проданный кофе и т.д. и т.д.

На дворе иной раз чудный день, хочется мальчику побегать, повеселиться на свежем воздухе, - а тут надо сидеть за выручкой, следить за сдачей, спорить с покупателями. Или другой раз едва углубится он в чтение какой-нибудь книги, как хлопнет дверь, и является покупатель:

- На пятак чаю, на копейку сахару, на грош соли!

Не успеет уйти один, за ним другой с бутылкой.

- Дайте бутыль керосина...

И мальчику приходится бежать в подвал, где стоят бочки с керосином, отвещивать, наливать.

Едва успеет мальчик отпустить этот товар, как в лавку является извозчик и требует целебную траву от разных болезней.

А тут, как назло, мальчику к следующему дню задана в гимназии целая уйма уроков. Где же их приготовить, когда то и дело перерывают.

Этот мальчик был сын хозяина лавки, Павла Егоровича Чехова, Антоша. Половину дня он проводил в гимназии, а под вечер отец всегда посыпал его в лавку торговать. Сам Па-

вел Егорович, крестьянин по происхождению, сначала пахарь, затем управляющий имением, наконец, торговец, занятый то по городским делам, то покупкой товара, не всегда мог находиться в лавке, и тогда его младшему сынишке, Антоше, приходилось заменять его.

Иной раз Антоша заметит отцу:

- Папа, нельзя ли сегодня не ходить в лавку. Назавтра уроков много.

- Уроки выучишь в лавке! - отвечал Павел Егорович. - Ступай.

Накануне праздников и в праздники отец заставлял Антошу упражняться в пении и петь на клиросе в церковном хоре, в соборной церкви в городе Таганроге, где Павел Егорович - большой любитель пения - был регентом. Тяжеленько приходилось Антоше, не одаренному ни особенным голосом, ни слухом, немало проливал он слез на спевках, - но Павел Егорович был неумолим. И только когда иной раз заступится за мальчика мать, указывая, что отец не дает Антоше ни погулять, ни уроков приготовить как следует, Павел Егорович давал сынишке на время отдыха.

Так проходили месяцы, годы. Антоша торговал, пел и в то же время добросовестно готовил уроки, аккуратно исполнял все задаваемые письменные работы, но все же с трудом

переходил из класса в класс, а в III и V классах даже оставался на второй год. Особенно не давалась ему арифметика. Зато задаваемые учителем русского языка сочинения он писал отлично и обратил на себя внимание преподавателя русского языка. В то время как его товарищи целыми часами "потели" над сочинениями, Антоша быстро и без труда излагал на бумаге свои мысли.

Когда Антоша был в V классе, отец, продав лавку, переселился в Москву, оставил сына в Таганроге доканчивать гимназию, но при этом не мог ему дать никаких почти средств, так что юному Чехову приходилось зарабатывать на жизнь уроками.

Товарищи очень любили Антошу, в особенности за его веселые остроты, шутки и рассказы, которыми он часто увеселял весь класс. Грустный, задумчивый по временам, Антоша, как развеселится да начнет рассказывать, все так и помирают со смеху. И неоднократно приходилось бедному "Антоше Чехонте" - как называли мальчика в гимназии - выслушивать по этому поводу строгие замечания учителей и директора. Но пройдет день-два, и Антоша не может удержаться и опять начинает рассказывать какое-нибудь, обыкновенно очень смешное, приключение.

Некоторые из своих рассказов Антоша записывал в особые тетради и посыпал братьям, жившим в Москве. Тетради эти представляли собой целый рукописный журнал под названием "Заика" и заключали в себе кроме рассказов разные шутки, анекдоты, описания событий из жизни гимназии и прочее. Кроме того, Антоша написал, еще будучи гимназистом, драму "Безответвница" и маленькую веселую пьеску "Недаром курица пела".

Окончив курс гимназии в Таганроге, Антоша переехал в Москву, где поступил в университет, решив стать врачом.

Как и в гимназии, он продолжал здесь потешать своих товарищей сочиненными им самим веселыми рассказами и шутками.

- Слушай, Антон, ты бы попробовал послать какой-нибудь из твоих рассказов в журнал, - предложил однажды юному студенту его старший брат.

Антоша послушался совета и, написав рассказ под заглавием "Письмо донского помещика Степана Владимировича к ученому соседу доктору Фридриху", послал его в редакцию журнала "Стрекоза". Редакция ответила юному автору: "очень недурно", статью напечатала и благословила его на дальнейшую литературную работу.

Это было в 1880 году. А спустя четыре года вышел уже первый сборник рассказов

Антоши Чехонте (так он подписывался под своими произведениями), затем, спустя еще два года, еще один сборник, заключавший в себе исключительно "смешные истории".

Но слава долго не давалась молодому автору, и известность он приобрел лишь после многих лет работы. Правда, его полные тонкого юмора рассказы, печатавшиеся сначала в "Стрекозе", затем в журнале: "Свет и тени", "Будильник", "Москва", "Зритель", "Осколки" и другие, многие читали с удовольствием, смеялись и хохотали над ними, но не признавали в них крупного таланта. Да и сам Чехов, по свойственной ему скромности, не придавал своим "рассказикам" значения. "Все эти пустяки я пишу потому, что это дает мне заработок", - говорил он часто знакомым в первое время своего писательства.

Но Чехов не ограничился одними только коротенькими "смешными" рассказами: он стал писать и более серьезные, и более объемистые, а затем и большие пьесы. Особенным успехом пользовались его произведения: "Палата №6", "Человек в футляре", "Дуэль", "Степь" и пьесы: "Иванов", "Чайка", "Дядя Ваня", "Три сестры", "Вишневый сад".

В 1900 году Чехов отправился на отдаленный остров Сахалин с целью посмотреть, как

живут там на каторге преступники, и описал свои впечатления из пребывания на этом острове.

Прошли годы. Автор небольших "смешных рассказиков" стал одним из самых популярных писателей. Императорская академия наук, ценивая его талант, выбрала его в почетные академики. А когда 3 июня 1904 года Чехова не стало (он умер за границей, в Баденвейлере, куда отправили его врачи лечиться от чахотки), вся русская печать в один голос заявила:

- Умер большой талант!

Познакомившись более чем с двадцатью очерками о мальчишечьей поре великих людей русских, воочию убеждаешься в справедливости утверждения: все мы родом из детства! Именно там - в годы отрочества и юности - может дать первые ростки все лучшее в человеке, может раскрыть миру свою красоту, как цветы по весне, если рядом окажется чуткая и ласковая мать, справедливый и требовательный отец, настоящий добрый старший друг. Не забывайте же - все мы родом из детства!

РАРИТЕТНЫЕ ИЗДАНИЯ
ФОНДА ИМЕНИ И. Д. СЫТИНА

Виктор Русаков

ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫЕ РУССКИЕ МАЛЬЧИКИ

Сборник биографических очерков
для чтения детям и внукам

Раритетное издание

Ответственный за выпуск

В.И.Десятерик

Технический редактор

О.М.Путилина

Компьютерный набор

Н.Ф.Сапронова

Издательская лицензия

ЛР № 030527 от 6 мая 1998 года

АСКИ-Фонд развития отечественного книгоиздания

имени И.Д.Сытина

103051, Москва, ул.Петровка, 26

Формат 70x90 1/32. Печать офсетная. Усл.печ.л. 4,9.

Тираж 3000 экз. Заказ № 4248

Изготовлено в Типографии "Наука".

121099, Москва, Шубинский пер., д.6.

Дневник Аннет (Анны Алексеевны Олениной). К ней сватался А. С. Пушкин до своей женитьбы на Н. Н. Гончаровой и получил отказ. Внучка Анны Алексеевны издала дневник своей бабушки в Париже в 1936 году в количестве двухсот экземпляров. Фонд выпустил второе издание с микроприлипкой со 144-го экземпляра Парижского издания, хранящегося в Российской государственной библиотеке. Богато иллюстрированное издание.

Екатерина Великая. Наставление к воспитанию внуков. Эти собственноручно написанные императрицей рекомендации не потеряли своего значения и для нашего времени. Выпущено два издания — в 1994 и 1996 гг.

В. А. Жуковский. Подробный план учения государя-великого князя наследника цесаревича. Великий русский поэт был наставником наследника престола будущего императора Александра II. Каждый, кто прочитает это произведение, согласится, что это поистине жемчужина отечественной педагогической мысли. Опубликовано в серии "Тяжела ты, шапка Мономаха" в 1996 г.

Знаменитый русский полководец Александр Васильевич Суворов. Эту книгу-малютку, одну из трех, изданных И. Д. Сытиным, мы перенесли в качестве биографического очерка в книге "Суворов" из серии "Великие русские полководцы XVIII—XIX—XX вв." в 1995 и 1996 гг.

Письма М. И. Кутузова дочери Е. М. Тизенгаузен (Хитрово). Впервые опубликованные сто лет назад "Русской стариной" они были включены в книгу "Кутузов" из серии "Великие русские полководцы XVIII—XIX—XX вв.", выпущенной двумя изданиями в 1995 и 1996 гг.

В. Русаков. Замечательные русские мальчики и Знаменитые русские девушки. Обе эти книги биографического жанра, впервые увидевшие свет вначале нынешнего столетия, публикуются в этом оригинально изданном сборнике.